Николай Межевич
Государства Прибалтики
2.0
ЧЕТВЕРТЬ ВЕКА «ВТОРЫХ РЕСПУБЛИК»

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

В предлагаемой вниманию читателя монографии впервые сделана попытка комплексного рассмотрения основных социально-экономических и политических характеристик Латвии, Литвы и Эстонии. 25 лет независимости – достаточное время для того, чтобы сделать выводы о характеристиках прибалтийской «модели» экономики и политики. Небольшие размеры Прибалтики сочетаются с масштабными проблемами в отношениях этих государств с Россией. Именно здесь были запущены и реализованы процессы разрушения советской модели в экономике и политике конца 80-х – начала 90-х годов XX века. Концепция континуитета и «советской оккупации» стала детерминирующим фактором становления постсоветских Эстонии, Латвии, Литвы. К каким же результатам пришли Прибалтийские государства через четверть века после обретения своей второй независимости?

- Николай Маратович Межевич
  -
  - Введение
  - Глава 1. Прибалтийская концепция «оккупации» как основа национальной государственности
  - Глава 2. Политическая история государств Прибалтики в 1987–1992 гг. как предпосылка формирования современной внешней и внутренней политики (на примере Эстонской Республики)
  - Глава 3. Экономическая «модель» государств Прибалтики
    -
    - 3.1. Эффект исторической базы как фактор формирования экономической модели
    - 3.2. Волатильность ключевых экономических процессов как региональная особенность экономик государств Прибалтики
    - 3.3. Промышленная политика в общей системе экономических приоритетов государств Прибалтики
    - 3.4. Неолиберальная социальная политика в системе приоритетов «прибалтийской модели»
    - 3.5. Внешнеэкономические факторы постсоветской трансформации в государствах Прибалтики

        - 3.6. Коррупционная составляющая в экономической практике государств Прибалтики
        - 3.7. Финансово-экономические отношения с Европейским Союзом
        - 3.8. Политические аспекты экономической трансформации
    - Глава 4. Транзитно-транспортная инфраструктура государств Прибалтики в 1991–2015 гг.: от экономических реальностей к политическим проектам
    - Глава 5. Отношения России и государств Прибалтики в сфере электроэнергетики
    - Заключение. Прибалтика 2.0 и культурная травма будущего
- notes
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
    - 7
    - 8
    - 9
    - 10
    - 11
    - 12
    - 13
    - 14
    - 15
    - 16
    - 17
    - 18
    - 19
    - 20
    - 21
    - 22
    - 23
    - 24
    - 25
    - 26
    - 27
    - 28
    - 29
    - 30

- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74

- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93
- ○ 94
- ○ 95
- ○ 96
- ○ 97
- ○ 98
- ○ 99
- ○ 100
- ○ 101
- ○ 102
- ○ 103
- ○ 104
- ○ 105
- ○ 106
- ○ 107
- ○ 108
- ○ 109
- ○ 110
- ○ 111
- ○ 112
- ○ 113
- ○ 114
- ○ 115
- ○ 116
- ○ 117
- ○ 118

- ○ 119
- ○ 120
- ○ 121
- ○ 122
- ○ 123
- ○ 124
- ○ 125
- ○ 126
- ○ 127
- ○ 128
- ○ 129
- ○ 130
- ○ 131
- ○ 132
- ○ 133
- ○ 134
- ○ 135
- ○ 136
- ○ 137
- ○ 138
- ○ 139
- ○ 140
- ○ 141
- ○ 142
- ○ 143
- ○ 144
- ○ 145
- ○ 146
- ○ 147
- ○ 148
- ○ 149
- ○ 150
- ○ 151
- ○ 152
- ○ 153
- ○ 154
- ○ 155
- ○ 156
- ○ 157
- ○ 158
- ○ 159
- ○ 160
- ○ 161
- ○ 162

- ○ 163
- ○ 164
- ○ 165
- ○ 166
- ○ 167
- ○ 168
- ○ 169
- ○ 170
- ○ 171
- ○ 172
- ○ 173
- ○ 174
- ○ 175
- ○ 176
- ○ 177
- ○ 178
- ○ 179
- ○ 180
- ○ 181
- ○ 182
- ○ 183
- ○ 184
- ○ 185
- ○ 186
- ○ 187
- ○ 188
- ○ 189
- ○ 190
- ○ 191
- ○ 192
- ○ 193
- ○ 194
- ○ 195
- ○ 196
- ○ 197
- ○ 198
- ○ 199
- ○ 200
- ○ 201
- ○ 202
- ○ 203
- ○ 204
- ○ 205
- ○ 206

- ○ 207
- ○ 208
- ○ 209
- ○ 210
- ○ 211
- ○ 212
- ○ 213
- ○ 214
- ○ 215
- ○ 216
- ○ 217
- ○ 218
- ○ 219
- ○ 220
- ○ 221
- ○ 222
- ○ 223
- ○ 224
- ○ 225
- ○ 226
- ○ 227
- ○ 228
- ○ 229
- ○ 230
- ○ 231
- ○ 232
- ○ 233
- ○ 234
- ○ 235
- ○ 236
- ○ 237
- ○ 238
- ○ 239
- ○ 240
- ○ 241
- ○ 242
- ○ 243
- ○ 244
- ○ 245
- ○ 246
- ○ 247
- ○ 248
- ○ 249
- ○ 250

- ○ 251
- ○ 252
- ○ 253
- ○ 254
- ○ 255
- ○ 256
- ○ 257
- ○ 258
- ○ 259
- ○ 260
- ○ 261
- ○ 262
- ○ 263
- ○ 264
- ○ 265
- ○ 266
- ○ 267
- ○ 268
- ○ 269
- ○ 270
- ○ 271
- ○ 272
- ○ 273
- ○ 274
- ○ 275
- ○ 276
- ○ 277
- ○ 278
- ○ 279
- ○ 280
- ○ 281
- ○ 282
- ○ 283
- ○ 284
- ○ 285
- ○ 286
- ○ 287
- ○ 288
- ○ 289
- ○ 290
- ○ 291
- ○ 292
- ○ 293
- ○ 294

- ○ 295
- ○ 296
- ○ 297
- ○ 298
- ○ 299
- ○ 300
- ○ 301
- ○ 302
- ○ 303
- ○ 304
- ○ 305
- ○ 306
- ○ 307
- ○ 308
- ○ 309
- ○ 310
- ○ 311
- ○ 312
- ○ 313
- ○ 314
- ○ 315
- ○ 316
- ○ 317
- ○ 318
- ○ 319
- ○ 320
- ○ 321
- ○ 322
- ○ 323
- ○ 324
- ○ 325
- ○ 326
- ○ 327
- ○ 328
- ○ 329
- ○ 330
- ○ 331

Николай Маратович Межевич
Государства Прибалтики 2.0. Четверть века «вторых республик»

© Межевич Н.М., текст, 2016.
© Ассоциация книгоиздателей «Русская книга», издание, 2016.

Введение

Рассматривая основные тенденции и результаты развития мировой политики и экономики, отметим сразу как базовое условие: анализируются лишь ключевые факторы, непосредственно влияющие на характер экономического развития России.

Именно поэтому в центре внимания оказывается турбулентность мирового экономического развития. В принципе, это традиционная характеристика мировой экономики, однако сейчас данная характеристика переходит в новое качество. Экс-министр иностранных дел России И. Иванов писал еще в 2011 году, в период кажущейся стабильности: «Разворачивающийся на наших глазах мировой финансово-экономический кризис, по-видимому, знаменует собой окончание целой эпохи безраздельного интеллектуального и идеологического преобладания неолиберализма»[1]. С этим тезисом легко согласиться, но следует добавить и то, что системный экономический кризис совпадает во времени и пространстве с идеологическим и политическим кризисами. К 2016 году накопилось такое количество новых, явно и неявно дестабилизирующих факторов, что их совместное влияние становится все более непредсказуемым.

В XXI веке формируются новые геоэкономические блоки. Особую значимость приобретает переговорный процесс между США и ЕС по соглашению о Трансатлантическом торговом и инвестиционном партнерстве (Transatlantic Trade and Investment Partnership – TTIP). Это соглашение предполагает либерализацию сферы торговли и инвестиций, а также устранение или уменьшение регуляторных и других тарифных и нетарифных барьеров между США и ЕС. Вне конкретной политики, строго на базе основополагающих принципов современной экономической теории выиграть от этого объединения могут только США. На этом фоне в Европе все активнее обсуждаются возможные последствия данного соглашения.

Создав проблемы для ЕС и РФ, США и группа ведущих западных ТНК подготавливают ЕС к участию в этом проекте. Создание трансатлантической зоны свободной торговли может означать конец ЕС как самостоятельного цивилизационного и экономического блока[2]. Реализация этого проекта превращает Лондон в периферию Вашингтона, Варшаву в периферию Лондона, Таллин – в периферию Варшавы, а Нарву – в тот самый мифологический «край земли».

Следующий круг проблем – Большая Евразия, формирующаяся вокруг сотрудничества Китая, России, Индии, Казахстана, Ирана и ряда других государств, при вероятном экономическом лидерстве, но не гегемонии Китая и вполне очевидном военно-политическом лидерстве России. Процесс получил мощный импульс, когда в мае 2015 года Россия и КНР договорились о сопряжении Евразийского экономического союза и китайского проекта Экономического пояса Шелкового пути. В этих условиях предложенный КНР проект нового Шелкового пути – это не жесткая модель, а динамично меняющаяся форма международного сотрудничества, по сути, новая интеграция, не вписывающаяся в классические западные схемы.

Изменившаяся экономическая модель Китая, качественное снижение темпов его экономического роста создает проблемы всем его торговым партнерам и географическим соседям. Прибалтика, демонстративно отказываясь от сотрудничества в сфере транзита с Россией, развертывает аналогичные связи с Китаем[3]. Россия, таким образом, оказывается пострадавшей дважды.

Далее, важнейшие для нас проблемы Европы. Этот вопрос непосредственно связан с оценкой европейской интеграции как одного из факторов развития глобальной экономики. Как оценивать предшествующий этап европейской интеграции? Согласимся с оценкой профессора И.М. Бусыгиной: «Интеграция приобретала благоприятную репутацию в глазах отдельных стран по мере получения конкретных положительных результатов в ходе реализации не общего, а конкретных, более скромных по замыслу проектов взаимодействия по ограниченным направлениям кооперации»[4]. Действительно, десятилетия осторожного движения, согласования интересов в пределах относительно однородного западноевропейского пространства, поиск и совершенствование лучших практик не могли не привести к успеху. Успех был велик, но головокружение от успехов еще больше. Еще в 2002 году звучали осторожные критические замечания: «После разрушения “великой границы” и растраты сил, которые были нужны на ее поддержку, Европа кажется усталой. Кажется, что ее составные части вернулись к поло жению, существовавшему перед Ялтой, а может быть, даже перед Трианоном. Все после военное состояние, к которому Европа вроде бы привыкла как к вполне естественному порядку вещей, вдруг оказывается искусственным и себя изжившим. Европейский блок распадается на архипелаги»[5].

Однако некритичный подход к собственным моделям развития, одновременное количественное удвоение и

качественный рывок в валютную и шенгенскую зоны вызвали европейский кризис, имеющий лишь косвенное отношение к мировому экономическому кризису[6]. Очевидно, этот тезис применим и к государствам Прибалтики, но добиться признания этого факта почти невозможно.

Не провал Евроконституции привел к росту евроскептицизма, а евроскептицизм, основанный на понимании неэффективности постмаастрихтской модели ЕС, привел к провалу Евроконституции. Не менее важен и такой аргумент: «Сегодняшняя холодная война между Россией и Западом, кроме остальных созданных ею политических, экономических и военных проблем, стала катализатором эрозии европейских ценностей, ускоряя и расширяя общую политическую деградацию»[7].

В настоящее время «…дискуссия внутри Евросоюза о будущем европейской интеграции охватывает как направления дальнейшего институционального развития ЕС, так и концептуальное обеспечение его реформирования в трех ключевых сферах – восстановление демократической легитимности, определение параметров дифференциации (гибкой геометрии) и формулирование экономических приоритетов, прежде всего, повышение конкурентоспособности всей экономики ЕС»[8]. Участники этой дискуссии де-факто признают, но будут отрицать до момента полного краха то, что «Евросоюз из образца разумной предсказуемости стал, по сути, одним из наиболее явных источников глобальной неопределенности»[9]. Именно поэтому разрушение действующей модели евроинтеграции неизбежно. «В действиях Евросоюза с недавних пор стала появляться “коллективная односторонность”, когда любой член может потребовать “солидарности” по любой собственной проблеме. Как результат – блоковая позиция, негативно сказывающаяся на наших отношениях с ЕС… Индивидуальные интересы членов ЕС нам известны; со многими из них двусторонние отношения не отягощены искусственными барьерами и развиваются куда более продуктивно, чем с брюссельскими структурами»[10].

Многие эксперты утверждали, что Европе необходима более централизованная система управления с сильной политической исполнительной властью и гораздо большими регулятивными полномочиями. Эти мысли четко прослеживаются в докладе Группы друзей Европы[11] и докладе Хермана ван Ромпея[12]. С другой стороны, в 2014-м и особенно в 2015 году, появляются позиции авторитетнейших европейских ученых и экспертов, указывающие на то, что кризис европейской экономической, политической, социальной модели уже неизбежен. Рассматривая

вопросы европейской интеграции, Энтони Гидденс пишет: «Единственный шаг вперед… а можно ли будет вернуться назад?»[13]. Этот тезис, относящийся к проблемам Греции, Португалии, Испании, гипертрофии германской экономики, возможностям сохранения «шенгена», становится все более актуальным. Множественность проблем Европы очевидна. Да, Европа в какой-то момент стала лидером и долгое время им оставалась, но сегодня следует ставить вопрос не о том, почему это лидерство появилось, а как оно было утрачено[14]. Искать политологическое объяснение можно. Абсолютное большинство государств, позиционируемых как демократические, пережили периоды авторитаризма, тоталитаризма или, по крайней мере, оккупации. Память о бесконтрольном характере государственной власти и привела к поиску новых моделей политической организации, воплотившихся в Европейском союзе с его бесконтрольной властью, но уже наднационального уровня. После короткого периода демократии де-факто Европа перешла к постдемократии, т. е. демократии де-юре[15].

Европейские постмодернисты считали, что географические карты вышли из моды, их вытеснили экономические диаграммы, иллюстрирующие финансовую и коммерческую взаимозависимость Европы и благосостояние европейских граждан. Однако события 2015 года показали, что это не так. Границы пережили эпоху их забвения – впрочем, очень короткую. В этом контексте отметим, что не Россия развеяла европейские мечты о будущем, в котором постмодернистский остров ЕС раскинется на весь континент[16], а сама Европа сделала все для разрушения этого проекта, «…в развитии Европейского союза… завершился период отрицания, когда хорошим тоном было делать вид, что происходящее – не более чем временные трудности и издержки роста»[17]. Главное, тем не менее, лежит в экономической сфере. В Европе деградируют именно те отрасли, которые создали ей заслуженную славу, а в государствах Прибалтики они практически исчезли[18].

Безусловно, мы должны понимать, что кризис европейской интеграции – это не только экономика. «Европу ждет череда новых и серьезных потрясений. И вызвано это не чем иным, как аморальным поведением властей ЕС. И только слепой мог не увидеть, что дело уже не в одних экономических потерях – оскорблены чувства граждан, растоптаны их идеалы»[19]. Нынешний Европейский союз – главная жертва его же собственного прошлого успеха. В течение как минимум полутора десятилетий преобладали иные оценки, как шедевр «головокружения от успехов»[20]. В контексте задач, поставленных

в данной монографии, мы не можем не привести мнение экс-премьера Эстонии М. Лаара: «Европейские страны живут через силу, большая часть их благополучия опирается на долги. Эта система долго не продержится, и благополучие скоро закончится при одновременном расширении и углублении проблем с иммигрантами»[21].

Завершая рассмотрение европейской проблематики, еще раз отметим: перед нами не кризис европейской идеи, перед нами развертывается кризис конкретной практики ее реализации в политической сфере. Россия не собирается покидать Европейский континент ни экономически, ни политически, ни ментально. С тех пор как Екатерина II в «Наказе комиссии по составлению нового уложения» подчеркнула: «Россия есть Европейская держава», прошло почти 250 лет, и это, при всех гигантских переменах в мире, остается и будет оставаться истиной[22]. Уточним, однако, что это не означает признания безошибочности европейского опыта. Более того, сколько бы нам ни говорили о единстве Европейского союза, мы видим, что политические и экономические практики отдельных стран в нем различны. При этом не надо сравнивать Португалию со Швецией, достаточно сравнить политику Эстонии и Финляндии в отношении России.

Государства Прибалтики, не сумев создать привлекательные модели в экономике и политике, преуспели, однако, в выстраивании конфронтации с Россией. Это был долгий и непрямой путь, на определенном этапе вызывающий осторожный оптимизм у российских экспертов и предельно немногочисленных сторонников сотрудничества с Россией в государствах Прибалтики.

Ранее, в аналитическом докладе «Отношения России и стран Прибалтики: от упущенных возможностей к реальным перспективам» (СПб., 2013) нами была отмечена возможность «финляндизации» российско-прибалтийских отношений. «С определенным упрощением можно отметить существование двух моделей отношений между Россией и ее соседями в восточной части Балтики. Одна модель реализуется между Москвой и Хельсинки. Вторая модель – отношения России и государств Прибалтики». Тональность Таллина, Риги, Вильнюса в диалоге с Россией абсолютно неадекватна как экономическим, так и политическим возможностям этих стран. При этом объединенная Европа, равно как и США, развертывая антироссийскую политику, не демонстрирует готовности оказаться в непредсказуемом военном конфликте, инициируемом прибалтийскими государствами. Таким образом, сегодня говорить о «финляндизации» отношений России с государствами

Прибалтики бессмысленно.

Пытаясь стать драйверами амбициозных внешнеполитических проектов, Литва, Латвия и Эстония, действуя в целом в пределах своей международно-правовой юрисдикции, игнорируют многочисленные вызовы регионального и локального уровня, пренебрежение которыми чревато не только экономическими и политическими проблемами, но и постепенным разрушением всей структуры государства и общества.

Исследования Прибалтики предполагают междисциплинарность. Конечно, классическое международное регионоведение основано на том, что в любом государстве существуют многоуровневые взаимозависимости между историей и политикой, географией и экономикой, этнографией и всеми вышеупомянутыми компонентами, вместе взятыми. Это справедливо для любой страны, начиная с России и Китая, но для Эстонии, Латвии, Литвы необходимость междисциплинарного подхода подкрепляется эффектом масштаба.

За прошедшие двадцать пять лет отношение российских экспертов к государствам Прибалтики качественно изменилось. Признание «особости» прибалтийских республик не было чуждо даже центральным властям СССР: только в отношении этих республик был принят акт признания независимости – в решении Государственного Совета СССР от 11 сентября 1991 г. декларировалось признание государственной независимости Латвийской, Литовской и Эстонской республик (Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. 1991, № 37. Ст. 1497-1499)[23]. Затем последовало безвременье козыревского руководства МИД России. «Пять лет реализации внешней политики Андрея Козырева (1991–1995) лишний раз подтвердили, что если государства в своих отношениях с внешним миром отдают приоритет лишь моральным категориям, то рано или поздно они терпят поражение и попадают в зависимость от более сильных держав»[24].

Впрочем, дискуссия по этому вопросу существует. Может ли быть иначе в условиях, когда президент Эстонии Томас Х. Ильвес (еще будучи министром иностранных дел своей страны) в 2001 году сформулировал программную установку эстонской политики: «…**в эстонском МИДе никого не интересует опыт соседства с Россией.** Интересуют будущие отношения с Западом»[25]. Возникает вопрос: а нас должна интересовать Прибалтика? **Должны ли мы спонсировать государства, чья антироссийская направленность доктринально оформлена?**

Этот вопрос нуждается в разъяснении, чему и посвящена данная книга.

Рассматривая российские интересы в государствах Прибалтики, следует обратить внимание на эволюцию концепций внешней политики России. Первая принята в 1993 году. Последняя – в 2013 году[26]. Двадцать лет – это уже не только политика, но и история. В концепции-1993 странам Прибалтики посвящено полторы страницы, практически столько же сколько и отношениям с США! В концепции-2013 стран Прибалтики просто нет.

Период, когда Россия была готова сделать первый шаг и предложить взаимовыгодный диалог даже ценой уступок, был очень долгим, но, видимо, закончился. «В некоторых странах просто, мне кажется, спекулируют на страхах в отношении России. Некоторые хотят играть роль таких прифронтовых стран, которым за это нужно чем-то дополнительно помогать: или в военном плане, или в экономическом, финансовом, каком угодно другом»[27].

Отметим, что ряд исследователей – например, В.А. Смирнов – ранее ставили вопрос: останется ли сформировавшееся более 20 лет назад восприятие России как «фактора-ирританта», неизменного внешнего раздражителя, приоритетом во внутренней политике и в сфере международных отношений для значительной части политической элиты Литвы, иных государств Прибалтики?[28] Пять лет назад это был закономерный вопрос; сегодня, в 2016 году, ответ очевиден. Россия как фактор-ирритант для Прибалтики будет существовать столько же, сколько будет существовать сама Прибалтика. Без России Прибалтика существовать не будет, поскольку идентификация собственного «рая» бессмысленна без апелляции к российскому «аду». Вероятно, это следовало бы понять раньше.

Для России на балтийском направлении завершена долгая эпоха компромиссов по принципиальным позициям в политике и экономике. Санкционные режимы, культивируемые в Прибалтике, закрывают вопрос о соотношении экономической целесообразности и политической необходимости. Для кого-то торговля с врагом является нормой[29], для России этот путь не представляется оправданным.

Глава 1. Прибалтийская концепция «оккупации» как основа национальной государственности

Вопросы международного права не ставятся нами в качестве ключевой исследовательской задачи. Это связано в том числе с тем, что «все государства мира признают международное право, но его принципы истолковываются весьма различно, это явствует из различных интерпретаций таких слов, как “демократия”, “самоопределение” “права человека”, “война агрессивная”, “война оборонительная”»[30]. Многое зависит от личности исследователя, его политических взглядов и степени национально-государственной ангажированности. «Обозначив себя как национальную, любая из сфер культуры теряет самостоятельность, независимость, преобразуется в фактор идеологии, политики, наконец, маркетинга. Сделавшись частью “национального инвентаря”, она обретает “добавочную стоимость” и способна приносить доход»[31]. Добавим, в Эстонии и Латвии – весьма существенный.

Вопрос правовых последствий событий 1939–1940 гг. и прибалтийская концепция «оккупации» нас интересуют исключительно с позиций текущей внешней политики стран Прибалтики. Анализ ряда правовых категорий применительно к общей ситуации, возникшей в контексте правопреемства стран Прибалтики после распада СССР, в данной работе является предпосылкой детального изучения политических последствий признания тех или иных формул правопреемства. Вопросы правопреемства не носят академического характера. Признание той или иной концепции правопреемства автоматически ведет к различным, но весьма значимым экономическим, социальным, политическим и правовым последствиям. К примеру, если мы признаем непрерывность – континуитет современной Эстонии и Латвии по отношению к республикам 1920–1940 годов, то период 1944–1991 годов автоматически оценивается как «оккупация», а лица, переселившиеся в эту страну, как «оккупанты». **Оккупационному режиму могут быть предъявлены экономические требования компенсации ущерба, любые правовые акты периода «оккупации» могут быть признаны недействительными, в т. ч. связанные с прохождением государственной границы. Государство, ответственное за «оккупацию», должно исходить из значительной утраты**

международного авторитета даже в том случае, если речь идет о событиях относительно далекого прошлого.

Вопросы правопреемства государств достаточно редко становятся предметом научного и экспертного внимания за пределами узкого круга специалистов по международному праву; еще реже данный академический вопрос попадает в зону внимания политиков. Тем не менее это возможно в том случае, когда происходят качественные изменения на политической карте мира. Применительно к рассматриваемой ситуации (отношения России с Латвией и Эстонией) проблема имеет несколько аспектов.

• Существует ли континуитет Эстонской (Латвийской) республики 1920 года и Эстонской (Латвийской) республики 1991 года и, соответственно, можно ли говорить о правопреемстве между современной Эстонией и Эстонской Республикой, образовавшейся в 1920 году? Аналогичная ситуация применительна к Латвии.

• Было ли вступление Эстонии, Латвии и Литвы в состав Союза ССР формой оккупации?

• Какие последствия для России вызовет признание факта оккупации и континуитета государств Прибалтики?

Один из ключевых вопросов российско-эстонских, российско-латвийских и российско-литовских отношений – ультимативное требование к России признать факт «оккупации» государств Прибалтики и, соответственно, российская позиция по этому вопросу. Этот вопрос с удивительной настойчивостью ставится перед российской властью и общественностью. Впрочем, ничего удивительного в этом нет. **Для политических элит государств Прибалтики проще отказаться от половины государственной территории, чем от доктрины «оккупации».** Причины для этого действительно серьезные. Рассматривая требование прибалтийских стран признания Россией факта «оккупации», следует четко понимать, по каким причинам Эстония, Латвия и Литва выдвигают эти требования.

Предположение, часто звучащее в российской прессе и связанное с тем, что это вопрос неоправданных амбиций и унаследованных эмоций, является опасным заблуждением. Столь же неправильна трактовка эмоционально окрашенного термина «оккупация» как способа предъявить претензии России и заработать деньги. Истина заключается в том, что **в общественном сознании своей страны и за ее пределами «оккупационный» занавес, как очаг в каморке папы Карло, позволяет «закрыть» все накопившиеся юридические казусы происхождения национальной государственности и «законно»**

разделить население своих стран по классическим методикам Дж. Оруэлла.

Отметим, что, **подчеркивая факт дискриминации части населения в Эстонии и Латвии, никто не отрицает существование Прибалтийских государств,** и прежде всего Эстонии и Латвии, их независимость, признанную СССР, Россией, международным сообществом. Однако правовую природу Эстонии и Латвии факт признания – непризнания «оккупации» качественно меняет[32].

Мы исходим из того, что сложные моменты политической истории Эстонии, Латвии, специфика международных отношений в 1939–1940 гг. должны быть всецело учтены в диалоге с соседними государствами и представлены на международной арене. При этом мы понимаем, что «…можно понять исторические обиды, понять разное отношение к различным драматическим событиям. Но нельзя в наше время оправдать репродуцирование искаженного, негативного образа соседней страны и народа, формирование у молодежи чувства неприязни и нелюбви к ним, равно как и сознательное отступление от истины в преподнесении и оценке исторических событий и процессов»[33].

В своем желании добиться признания факта «оккупации» внешняя политика Балтийских стран является весьма последовательной. К примеру, в Эстонии и Латвии практически все документы, принятые в период 1989–1991 годов, обязательно содержат упоминание об «оккупации»[34]. Фактически признание факта «оккупации» стало базовым элементом правовой конструкции Эстонского государства, наряду с еще одной категорией – континуитетом государства 1918 и 1991 года. Возникает вопрос, с чем это связано.

Проблема, которой посвящена эта работа, является чрезвычайно сложной, многосторонней и затрагивает практически все аспекты отношений России и государств Прибалтики. При этом анализ юридических вопросов для нас не имеет самостоятельного значения, т. к. данная работа не носит юридического характера. Анализ ряда правовых категорий применительно к общей ситуации, возникшей после распада СССР, в данной работе является предпосылкой детального изучения последствий признания тех или иных формул правопреемства. Прежде всего, это относится к категориям «континуитет», «оккупация», «агрессия», «аннексия».

В международном праве континуитет – это осуществление государством-продолжателем (правопреемником) предусмотренных в договорах прав и обязательств государства-предшественника. Автор статьи «Признание государств:

современная европейская практика» пишет, что можно говорить о трех различных ситуациях признания новых государств в Европе: это Прибалтика, Советский Союз и Югославия[35]. Следует согласиться, действительно существует определенная специфика международно-правового процесса признания независимости стран Прибалтики в конце XX века.

Правопреемство в международном праве – переход прав и обязанностей от одного его субъекта к другому. Вопрос о правопреемстве государств возникает в случаях слияния двух или более государств (включая вхождение одного или нескольких государств в состав более крупного); разделения государства на два или более или выделения малого государства из состава большого. Этот вопрос, как правило, не считается самым значимым и дискуссионным в международном праве. Однако для нас он имеет не абстрактно-теоретический характер, он непосредственно затрагивает всю государственно-политическую концепцию Эстонии и Латвии.

В этом контексте возникают три принципиальных вопроса. Рассмотрим первый вопрос. Существует ли континуитет Эстонской (Латвийской) республики 1920 года и Эстонской (Латвийской) республики 1991 года?

Позиция специалистов по международному праву не может быть названа единой. В ряде случаев, но далеко не всегда она основывалась на том юридическом постулате, что аннексия не уничтожает международно-правовую личность государства, но временно ее прекращает, и после возврата к суверенитету и независимости государство восстанавливает международную правосубъектность[36].

С другой стороны, по мнению некоторых европейских юристов, **незаконность советской аннексии и даже непризнание факта присоединения к СССР еще не означает признания континуитета Эстонии и Латвии.** Вспомним: тезис Дж. Крофорда об идентичности без континуитета, который Р. Мюллерсон использует применительно к Прибалтийским государствам, уже применялся для объяснения аналогичной ситуации с незаконной оккупацией в период второй мировой войны в таких странах, как Эфиопия, Чехословакия, Албания, Австрия[37]. Наиболее точной характеристикой данной правовой ситуации является выражение Дж. Крофорда «identify without continuity» **(«идентичность без континуитета»)**[38].

Наша аргументация исходит из того, что признание временного прекращения существования государств Прибалтики рядом стран Запада не означает признание континуитета существования государств Прибалтики. **Современные**

государства Прибалтики являются продолжателями как т. н. «первых республик», так и республик советского периода. Более того, следует признать различие между страной и политической организацией ее власти и территории. Правопреемство идентичности Эстонии или Латвии «образца 1920 года» Эстонии и Латвии «образца 1990-1991 годов» очевидно. «…Латвия, Литва и Эстония не должны рассматриваться как продолжатели (continuity) довоенных. Они юридически входили в состав Советского Союза после 1940 года. Это не те же самые субъекты международного права, а новые, возникшие на месте прежних и являющиеся по отношению к ним и частично по отношению к СССР правопреемниками, но никак не продолжателями. Можно говорить о восстановлении латвийской, литовской и эстонской государственности, а не об “освобождении” Латвии, Литвы и Эстонии от оккупации и их восстановлении»[39]. Таким образом, **в 1991 году СССР и Россия признали независимость не республик 1920 года, не шведской Эстляндии, Лифляндии, Курляндии, а Советской Эстонии, Советской Латвии, Советской Литвы.**

Интереснейшая аргументация профессора Черниченко С.В. неоднократно была положена в основу официальной позиции МИД РФ в 90-х годах прошлого века: если государство было присоединено к другому, т. е. аннексировано (либо после оккупации, либо без нее, под угрозой применения силы), то оно с момента присоединения утрачивает свою личность и фактически, и юридически. Исчезают его суверенитет и международная правосубъектность. Если спустя много лет на аннексированной территории тот же народ воссоздал свое государство, то о континуитете (непрерывности) говорить нельзя, так как юридически существование государства данного народа было прервано. Однако вполне допустимо говорить об идентичности (тождестве) вновь возникшего государства прежнему. Правильно было бы в таких случаях говорить о воссоздании не государства, а государственности данного народа, поскольку вновь возникшее государство будет все же иным, чем прежде, пусть даже и идентичным ему с точки зрения основных элементов, из которых оно строится.

Как отмечает один из ведущих специалистов современности по данному вопросу д. ю. н. профессор Р. Мюллерсон, **«по прошествии полувека принцип restitutio ad integrum, применяемый Эстонией и Латвией, является скорее юридической фикцией, чем реальной возможностью»**[40].

Рассмотрим вопрос о том, как оформлена указанная позиция в современной Эстонии. К примеру, на сайте Департамента

гражданства и миграции Эстонской республики в специальном материале, предназначенном для лиц, вступающих в гражданство республики, так охарактеризована позиция государства по вопросам правопреемства: «В короткий срок большинство стран мира сообщило о признании (восстановлении признания) Эстонии как суверенного государства»[41]. Отметим, что термин «признание» или термин «восстановление признания» не означает выражения позиции по континуитету. Эстония и Латвия присвоили в одностороннем порядке себе признак континуитета для того, чтобы политически и экономически ограбить сотни тысяч некоренных жителей, искренне поддержавших борьбу за независимость этих республик в 1987-1991 гг.

Следующий вопрос: было ли вступление Эстонской Республики в состав Союза ССР «оккупацией»? Рассматривая проблему отражения ключевых моментов новейшей истории государств Прибалтики в трудах ученых и политиков указанных стран, прежде всего следует выделить ключевые вопросы, определяющие современный дискурс между российскими и прибалтийскими историками. Этих вопросов очень немного; более того, ответ на важнейший из них предполагает «автоматические» ответы на все остальные. К числу вопросов политической истории Европы XX века, вызывающих уже не первое десятилетие серьезные дискуссии историков и общественности, российских и зарубежных политиков, относятся вопросы политической истории 1939–1940 гг., и прежде всего, комплекс советско-германских договоров и протоколов.

Вопрос Договора о ненападении от 23 августа 1939 г., секретного дополнительного протокола к нему и внешнеполитических последствий этого соглашения является в этом ряду наиболее сложным. Данную тему, с одной стороны, нельзя назвать новой и неисследованной; с другой стороны, необходимо признать ее актуальность для современной системы международных отношений. На сегодняшний день значение этого исторического события признается историками всего мира. Закономерно и то, что особое внимание этому вопросу уделяется в Прибалтике. Значимость событий 1939 года велика, но политическая история XX века для Финляндии и Польши никак не сводится к 1939 году. Не без труда, но в ряде случаев представителям России и Польши, и тем более Финляндии, удается прийти к пониманию необходимости совместной работы[42]. Иная ситуация в государствах Прибалтики. Здесь руководства стран не только считают события 1939–1940 гг. непосредственной причиной утраты независимости, но и

выстраивают на этой основе концепцию правопреемства, формулируют масштабные экономические и политические претензии к России. Политическая история XX века в Прибалтике сузилась до двух лет. Используя и несколько дополняя подход Эрика Хобсбаума, можно сказать об «особо коротком» XX веке для государств Прибалтики – менее одного года. Новый политико-идеологический стандарт построен по принципу зеркальной противоположности советскому. Советская историческая наука обязана была отрицать существование так называемого «секретного протокола»; историческая наука стран Балтии, как правило, рассматривает 23 августа 1939 года как начало истории, а 22 июля 1940 года как ее конец.

Итак, речь идет о политической и правовой оценке событий 1939–1940 гг. Ответ на этот вопрос фактически формируют две научные школы в современной исторической литературе государств Прибалтики.

Первая группа работ – это, по сути, попытка оснастить научным аппаратом политическую и идеологическую программу ключевых элит. Эти работы преобладают количественно, но постепенно утрачивают свою убедительность после 25 лет де-факто переизданий.

Работы, входящие во вторую группу, отличаясь методологическими подходами, источниковедческой базой, авторской позицией, рассматривают историю 1939–1940 гг. в контексте предшествующих и последующих событий. В этих работах используется термин «оккупация», но скорее в политическом контексте, а не правовом. Это обстоятельство, как будет указано далее, имеет принципиальное значение.

Кроме того, существует небольшое количество совместных работ, написанных историками Прибалтики и России. В этом контексте следует рассмотреть попытки создания совместных комиссий историков.

Рассмотрим исторические и политические оценки событий 1939–1940 гг., обязательные для работ первой группы. К этой группе источников следует отнести работы пропагандистского характера, являющиеся таковыми как по форме, так и по содержанию. Следует при этом отметить, что в ряде случаев они написаны профессионалами: историками, политологами и изданы (размещены) как официальные правительственные материалы[43].

Рассматриваемые материалы характеризуются предельной идеологизированностью, они ориентированы на обслуживание государственного заказа, внешнеполитической линии соответствующих правительств. При этом они могут иметь масштабный научный аппарат, соответствующее оформление

источников и литературы. Вместе с тем научная логика изложения, как правило, нарушена, а литература и источники если и присутствуют, то подобраны тенденциозно, отражают только одну точку зрения[44].

Важный момент, затрагивающий вопросы генезиса исторической политики государств Прибалтики, подчеркивает В. А. Смирнов: «Понятие “историческая политика” (Geschichtspolitik) получило распространение в Германии в 1980-х гг. в ходе “спора историков” о причинах нацизма. Историческая политика стала трактоваться не столько как политизация истории, сколько как сбережение памяти о прошлом, необходимое для политической консолидации нации»[45]. Однако в Прибалтике, в отличие от Германии, концепция «исторической политики» рассматривается как часть реконструкции истории под текущие политические задачи.

Главная задача историков Прибалтики – доказательство уникальности ситуации и акта агрессии. Классический подход к анализу сложнейшей проблемы, вызывающей споры нескольких поколений историков, выглядит так: «Советско-германский договор о ненападении, который историки нередко именуют “пакт о нападении”, зажег зеленый свет для Второй мировой войны», и далее: «Договор от 23 августа, как пакт войны, раздела и уничтожения, не имеет себе аналога во всей истории Европы XIX и XX столетий»[46]. Поражает «скромность» профессора из Латвии. Почему только Европа, почему только двести лет? О мюнхенском сговоре профессор истории, естественно, не слышал. Интерес представляет, впрочем, не только само содержание материала, но и то, что автор – доктор исторических наук, профессор, руководитель президентской комиссии историков Латвии. Важно отметить и то, что материал размещен на сайте министерства иностранных дел Латвийской республики. По мнению профессора, «согласно Лондонской конвенции, подписанной 3 июля 1933 г. СССР, Латвией, Литвой, Эстонией и другими государствами, агрессором считается государство, которое первое объявило войну другому государству, ввело свои вооруженные силы на территорию другого государства с [объявлением] или без объявления войны. На основании этой формулировки действия СССР в июне 1940 года квалифицируются как агрессия»[47]. Предположим, еще раз подчеркну предположим, что это действительно была «агрессия». Однако из этого не вытекает факта признания оккупации. Агрессия и агрессивная политика в 30-е годы была нормой, признаваемой, хотя и не одобряемой международным правом. Зададимся вопросом: **высадка американских войск в Исландии**

без согласия Дании почему не стала признанной агрессией или аннексией? Потому, что «все животные равны, но некоторые равнее других»? Отметим также то, что **войска в Прибалтику введены с согласия соответствующих правительств,** а насколько оно было вынужденным – предмет для дискуссии.

В современном международном праве имеется позиция, которая включение стран Прибалтики в состав СССР в 1940 г. рассматривает не как аннексию в узком смысле слова. Подобной трактовки вопроса придерживается Черниченко С.В[48].[49] Он пишет о том, что аннексию или оккупацию можно понимать как в узком, так и в широком смыслах. Он полагает, что включение Эстонии, Литвы и Латвии в состав СССР не было аннексией в узком смысле, как акт формального присоединения одного государства к другому в результате завоевания. Это событие являлось аннексией во втором значении этого понятия, т. е. в широком смысле, как акт приобретения одним государством суверенитета над территорией другого государства в результате действий, не позволяющих выявить подлинную волю этого другого государства.

По мысли Черниченко С.В., это не противоречило действовавшему в 1940 г. международному праву, поскольку в то время еще не существовало принципа запрещения применения силы или угрозы силой против территориальной целостности и политической независимости государств. Согласие Прибалтийских государств с указанными требованиями было вынужденным, хотя никаких прямых угроз ультиматумы не содержали. Можно и нужно осуждать ультиматумы с морально-политической точки зрения, можно квалифицировать их как вмешательство во внутренние дела Прибалтийских государств, но **сам по себе ввод советских войск на их территории с согласия, пусть и вынужденного, их правительств, еще не означал аннексии данных государств, поскольку он не означал перехода суверенитета над их территориями к Советскому Союзу**. Как отмечает профессор Черниченко, международное право двадцатых годов опиралось на принцип «хотя по принуждению, но все же пожелал». После ввода советских войск были проведены выборы в Государственную думу – в Эстонии с нарушением конституции государства. Избранный таким образом парламент, провозгласив установление советской власти, обратился к СССР с просьбами о принятии Эстонии в его состав. Просьба была удовлетворена в начале августа 1940 г. Присутствие советских войск при проведении выборов и позднее было важнейшим внешним фактором, частично препятствовавшим свободному волеизъявлению народа

Эстонии. Это, однако, не дает основания рассматривать вхождение Эстонии в состав СССР как осуществившееся в результате военной угрозы, внешнего давления, т. е. насильственным путем. **Юридическое оформление такого вхождения можно рассматривать как политический процесс советизации, но не как юридический факт – «оккупацию».** Даже если использовать термин «аннексия», что делают историки государств Прибалтики, адекватного фундамента для «оккупационной доктрины» не появляется. **Аннексия,** оформленная таким образом, **не противоречила действовавшему в 1940 г. международному праву.**

Принцип, запрещающий применение силы или угрозу ее применения против территориальной целостности и политической независимости государств, в то время еще не существовал. Сформировалось лишь ядро – запрещение агрессивной войны. Не был универсально признанным и принцип самоопределения народов[50].

Известный латвийский историк, начавший работать в эмиграции в 60-е годы прошлого века, Б. Мейсснер, отмечает: «Тезисы России [о том, что три страны присоединились к СССР по собственному желанию] напрямую противоречат действительным событиям 1939 и 1940 гг., началом которых был “пакт Гитлера – Сталина”, заключенный между нацистской Германией и СССР. “Пакт Гитлера – Сталина” фактически относится к пакту Молотова – Риббентропа или секретным протоколам, что были приложены к неагрессивному мирному договору между Советским Союзом и Германией, который был подписан 23 августа 1939 г. Результатом этого секретного соглашения стало разделение Восточной Европы на две сферы влияния, оставляя Прибалтику и Финляндию в зоне советских интересов»[51]. Автор искажает официальную российскую точку зрения по этому вопросу, в которой не говорится о «собственном желании», но и, к сожалению политиков Прибалтики, нет признания факта «оккупации». Упомянув Финляндию, Б. Мейсснер, в прошлом один из наиболее известных эмигрантских историков Прибалтики, дискредитирует собственные оценки ситуации.

Если дело в советско-германских договоренностях, то нельзя не обратить внимания на то, что в Прибалтике они реализовались без малейшего сопротивления, а в Финляндии не реализовались вовсе. Видимо, дело в том, что современная историография стран Прибалтики активно продвигает тезис о невозможности сопротивления. Это не так. Российский историк М. Мельтюхов свел воедино данные о военном потенциале государств Прибалтики в 1939 г. **Численность армий стран**

Прибалтики военного времени – 427 000 человек, 1200 орудий, 8325 пулеметов, 147 танков и 292 самолета[52]. Альтернативные данные: латвийский историк-эмигрант Э. Андерсон утверждал, что страны Балтии имели «более 900 орудий, 107 танков, 410 самолетов, а в случае всеобщей мобилизации – население Финляндии в 1940 г. составляло ровно половину населения трех стран Балтии – могли выставить 600 тысяч солдат»[53].

Добавим к этому значительный процент укрепленных границ и естественные рубежи. Военные возможности государств Прибалтики были как минимум сопоставимы с финскими.

Следует согласиться и с точкой зрения А.С. Орлова, писавшего: «…при серьезном учете обстановки того времени… становится ясно, что надежды малых стран, находящихся между такими противостоящими друг другу державами, как Германия и СССР, удержаться на позициях нейтралитета являлись не более, чем иллюзией»[54]. Об этом же пишет и Уинстон Черчилль: «Финляндия и три прибалтийских государства не знали, чего они больше страшились – германской агрессии или русского спасения»[55]. Аналогичной позиции придерживается и Р. Таагепера: «Они старались сохранить нейтралитет, но страны Балтии внезапно оказались втянутыми [в конфликт между СССР и Германией] с обеих сторон»[56].

Историки Прибалтики не только **сознательно исключают из анализа все события, предшествовавшие 23 августа 1939 г.** Уделяя огромное внимание военно-политическим приготовлениям СССР, идеологи от истории в Прибалтике начисто игнорируют то, что мировую войну развязала Германия. Читателю предлагается исходить из того, что развитие международных отношений происходило в мире и Европе исключительно на основе норм права. Естественно, при таком подходе нет московских переговоров между англо-французской делегацией и СССР в 1939 г., Мюнхена 1938 г., японской агрессии в Китае, нападения Италии на Абиссинию, гражданской войны в Испании и т. д. Интересно, что значительная часть американских историков не так категорична в данном вопросе. «Советскому Союзу было важно укрепление своего влияния в Балтии, он даже пробовал играть на два фронта: в 1939 г. в Москве были проведены переговоры с Парижем и Лондоном, а также с Берлином. Соглашения противоречили друг другу, и проведение каждого имело целью для Сталина добиться больших уступок в Балтике»[57]. Собственно говоря, а в чем специфика целей СССР? Разве Германия и Великобритания преследовали какие-то другие цели кроме собственных? Отметим, что историки Прибалтики

решают следующую задачу: любой ценой доказать ответственность России за события 1939–1940 годов. «Действия СССР не оправдывает и необходимость обороны границ СССР во время Второй мировой войны – иногда этим пытаются обосновать оккупацию Эстонии в 1940 году»[58]. Как уже было отмечено, действия СССР в 1939 году частично не отвечали духу международного права указанного периода. Однако, с нашей точки зрения, предотвращение германской агрессии и оккупации, обеспечение безопасности Ленинграда оправдывает договор 1939 г. с военной точки зрения.

Конечно же, вопросы безопасности Ленинграда в 1939 году не интересовали деятелей народного фронта Эстонии, собравшихся в 1988 году. В резолюции I конгресса Народного фронта Эстонии о «пакте Молотова – Риббентропа» отмечено следующее: «…В ходе конгресса нашло подтверждение то обстоятельство, что заключение пакта Молотова – Риббентропа не было для СССР вынужденным ходом и не обусловливалось необходимостью обороны государства. Заключение пакта ценой отказа от традиционного геополитического сотрудничества с Англией и Францией не дало времени для передышки, как это утверждалось до сих пор; Германии же это развязало руки для начала военных действий в Европе – Второй мировой войны. Путем заключения пакта две тоталитарные великие державы договорились о ликвидации независимых государств – Финляндии, Эстонии, Литвы, Латвии и Польши – и о разделе между собой их территорий»[59]. Таким образом, в Эстонии за два дня, 1–2 октября 1988 года, **представители общественных организаций – непонятно как и неясно кем уполномоченные люди – дали ответ на ключевые вопросы политической истории XX века.** Впрочем, некоторые историки и политики, юристы Эстонии и Латвии с осторожностью пожилого минера перед отпуском продолжают обсуждать вопросы, столь лихо «закрытые» за два дня в 1988 году. Тем не менее историческая и политическая концепция государств Прибалтики официально имеет именно такую сомнительную природу.

Возвращаясь к событиям 1939-1940 гг., мы исходим из того, что свобода государства принимать меры к самосохранению была закреп лена действующей в тот момент системой международного права. Принцип «minus in majori inest» – настоящее и подлинное состояние крайней необходимости – действовал в середине XX века. «Определение случая состояния крайней необходимости в международном праве является делом более трудным, чем в праве внутригосударственном. Быть может, не будет неточным сказать,

что в каждом случае такой вопрос является, в сущности, вопросом отнесения к той или иной категории, которые определяются нами следующим образом: а) опасность для самого существования государства (а не для отдельных интересов, хотя бы и имеющих важное значение); б) опасность, возникшая не по вине того, кто совершил действие, и, наконец, в) тяжелая и неминуемая опасность, избежать которой нельзя, не приняв крайних мер»[60]. При отсутствии противоправного деяния вменение вины неосновательно. Но при наличии такового к обстоятельствам, освобождающим от ответственности, традиционно относятся:

1) вина самой потерпевшей стороны;

2) состояние крайней необходимости, когда совершение тех или иных действий продиктовано угрозой жизненным интересам субъекта-деликвента.

Именно эти обстоятельства определили ситуацию 1939-1940 годов для СССР.

Нередко обстоятельства вынуждают государства прибегнуть к превентивной самообороне. Такое понятие не ново. Еще Нюрнбергский трибунал признал, что захват Германией Норвегии в 1940 году при определенных обстоятельствах можно было бы считать действиями в порядке самообороны, только самообороны превентивной (см. об этом ниже). Точно так же актом превентивной самообороны можно признать нападение Израиля на иранский реактор в 1981 году. Превентивная самооборона редко оправдывается и считается актом исключительным, но она возможна, особенно в системе международного права начала XX века.

Рассмотрим исторический контекст. После захвата Третьим рейхом Чехословакии и Клайпеды в 1939 году, подтверждая территориальные претензии к Польше, СССР становится инициатором переговоров по вопросу о коллективной защите от агрессии. Речь идет о политическом и военном союзе СССР с Англией и Францией, а также странами, которые имели гарантии западных держав или могли их получить.

Заручившись договорами о ненападении с СССР, Прибалтийские республики в 1938 году принимают законы о «нейтралитете». Но насколько действенными эти законы могли оказаться на деле?

На политических переговорах с Англией и Францией Советский Союз выразил готовность предоставить странам Прибалтики гарантии безопасности. 1 июля партнеры по переговорам согласились дать такую гарантию только в случае прямой агрессии. Но советские представители выдвинули предложение распространить гарантию и на случай «косвенной

агрессии» против Прибалтийских стран. Англичане высказали свою особую точку зрения: если в случае «непрямой агрессии» государства Прибалтики сами попросят правительства великих держав гарантировать их безопасность, то такую просьбу можно будет удовлетворить; если же не попросят, их следует оставить без всяких гарантий.

В.М. Молотов от советской стороны доказывал, что без гарантирования границ прибалтийских республик любой договор окажется фикцией, и говорил о необходимости полных и безусловных англо-французских гарантий для всех без исключения пограничных с СССР европейских стран, независимо от того, просят они о таких гарантиях или нет.

Советское руководство представляло себе это новое понятие – «косвенная агрессия» – на языке международных отношений как возможный внутренний государственный переворот или поворот к политике в пользу агрессии. Западные партнеры по переговорам сразу же поняли, что скрывается за этой формулировкой, и отвергли ее. Советский полпред во Франции Я.З. Суриц 19 июля 1939 г. докладывал в Москву, что там это предложение рассматривается как попытка предоставить «нам практическую свободу действия в Балтике, и притом не только в момент реальной германской угрозы, но в любой желательный для нас момент». Еще раньше, в мае 1939 г., суть советского предложения раскрыл министр иностранных дел Эстонии К. Сельтер, назвавший его «превентивной агрессией» со стороны Советского Союза. От советских гарантий отказались и правительства Латвии и Финляндии[61].

Министр иностранных дел Латвии В. Мунтерс заявил от имени всех трех прибалтийских стран, что они придерживаются «строгого нейтралитета» и не желают принять гарантий Великобритании, Франции и СССР. Фактически прибалтийские страны стремились к тому, чтобы их нейтралитет был гарантирован не только тремя державами, но и Германией, а при отсутствии гарантии со стороны Германии они боялись примыкать к англо-франко-советскому блоку.

Однако реальная ситуация не исключала прямого и косвенного германского вмешательства. Очевидно, что руководство СССР считало возможным вмешательство во внутренние дела стран Балтии в случае прогерманского государственного переворота или резкого изменения политического курса балтийских стран, поворота к политике в пользу агрессии. В условиях угрозы фашистской агрессии против Прибалтийского региона правительства Литвы, Латвии и Эстонии провозгласили политику нейтралитета своих стран. Но это вовсе

не гарантировало их безопасность.

К 1939 году Германия заняла практически монопольное положение в торговле с Эстонией, Латвией, Литвой. Усилились и политические контакты государств Прибалтики с Германией. Прогерманская ориентация внешней политики была характерна для всех государств Прибалтики. В июне 1939 г. эти страны заключили с Германией договоры о ненападении; начавшееся в 1935 году сотрудничество военных Эстонии и Германии выражалось в обмене разведывательной информацией, стажировке эстонских офицеров в Германии и т. п[62].

Летом 1939 года внимание международной общественности привлекли визит в Эстонию начальника генерального штаба сухопутных войск Германии генерала Гальдера и пребывание германского военного корабля «Адмирал Хиппер» в Таллине. Информированным кругам Западной Европы стало также известно о визите в Эстонию начальника военной разведки Германии (абвера) адмирала Канариса и других офицеров германской разведки[63].

В этом контексте важно свидетельство видного сотрудника германской военной разведки Рихарда Протце. В интервью английскому публицисту И. Колвину Протце отмечает: «Перед войной у нас были соглашения с Прибалтийскими государствами о координации деятельности военной разведки. Мы просто им говорили, чтобы они устроили наших агентов в учреждения английской разведывательной службы в Каунасе, Риге и Таллине»[64].

Следует помнить и об уникальном финско-эстонском сотрудничестве в сфере безопасности, которое следует расценить как исключительную угрозу СССР[65]. Тяготение Эстонии к неинституционализированным формам военного сотрудничества с Финляндией и Германией является признанным фактом[66].

Дело в том, что Финляндии досталась значительная часть тяжелой артиллерии тыловой позиции «Морской крепости имени Петра Великого». «Морская крепость имени Петра Великого» – часть сложной глубоко эшелонированной системы обороны Санкт-Петербурга и Кронштадта, имеющей несколько минно-артиллерийских позиций, или рубежей обороны. Она была в целом достроена к началу Первой мировой войны и предусматривала эффективную защиту против любого потенциального противника, и прежде всего Германии. В свою очередь, «Морская крепость имени Петра Великого» являлась центральной частью системы обороны Балтийского моря, начинающейся западнее (Моонзундская позиция и Або-Аландская позиция) и проходящей восточнее тыловой позиции,

непосредственно прикрывающей Кронштадт.

На указанных рубежах были установлены сотни орудий калибром от 305-мм (дальнобойность 147 кабельтовых) до 75-мм (дальнобойность 34 кабельтовых). Общая деморализация армии и флота, революция в Российской империи, обретение государственной независимости Финляндией, Латвией и Эстонией и быстрое продвижение немецких войск в совокупности привели к тому, что большая часть артиллерийских систем крупных калибров попала в распоряжение рейхсвера, вооруженных сил Финляндии и Эстонии. В Финляндии большинство из них было сохранено в боевом состоянии; более того, позиции были усовершенствованы и дооборудованы. Долгое время считалось, что в Эстонии тяжелой артиллерии калибра 305 мм не сохранилось. Это мнение основывалось на том факте, что на боевых позициях в 1940 году не было принято тяжелого вооружения указанного калибра. Однако это не так. Эстония имела тяжелые артиллерийские системы, восстановленные с помощью Финляндии. Для разъяснения ситуации приведем выдержку из плана модернизации обороны государства, представленного президенту Эстонии начальником штаба вооруженных сил (генерал-майор Н. Реэк) 14 декабря 1937 года. «…Морские крепости. С сооружением 305-миллиметровой бронированной башни на Найссааре значительно укрепилась бы огневая система наших морских крепостей… После модернизации 305-миллиметровых орудий с целью увеличения дальности стрельбы они смогут перекрыть огнем весь Финский залив на общей линии Таллинн – Порккала. Тем самым стало бы возможным, например, в случае военного конфликта с восточным соседом, создать ощутимые препятствия для выхода его флота на линию Найссаар – Порккала…»[67]

В сотрудничестве с Эстонским генеральным штабом в 30-е гг. началось активное оборудование побережья Финского залива на самом узком его участке тяжелой артиллерией, способной полностью блокировать выход советского флота из Кронштадта в Балтийское море. Кроме этого, в сотрудничестве с Эстонией планировалось создать широкую минную позицию в той же части Финского залива и активно использовать прежде всего подводный флот. Как отмечает финский военный историк, доктор государственных наук, доцент Хельсинского университета Яри Лескинен, «совместные планы финских и эстонских флотов достигли такой стадии, когда эстонские подводные лодки при возникновении войны присоединялись к финскому флоту под финским руководством»[68]. (2 современных высокоэффективных подводных минных заградителя «Лембит» и «Калев» британской

постройки.) По замыслам флотоводцев, 5 подводных лодок флота Финляндии и 2 – Эстонии в случае нападения СССР должны были действовать под единым командованием финской стороны[69].

Опираясь на вновь открытые архивные документы, в своей статье «Тайное военное сотрудничество Финляндии и Эстонии против СССР» Я. Лескинен замечает: «…созданная прежними историческими исследованиями картина пассивной политики Финляндии и Эстонии в области обеспечения безопасности в период между мировыми войнами абсолютно неверна»[70]. Автор указывает на существование договоренностей о совместном командовании ВМФ и береговой артиллерией. Таким образом, 7 подводных лодок (5 финских и 2 эстонских), подпирая минно-артиллерийскую позицию Макилуото – Найссаар (калибр орудий – 305 мм) становились непреодолимым препятствием для Балтийского флота. Сотрудничество развивалось настолько активно, что последние совместные стрельбы были организованы летом 1939 года. В этом контексте нельзя согласиться с позицией президента Эстонии Тоомаса Хендрика Ильвеса, выступившего в марте 2007 года в ходе государственного визита в Финляндию с речью в актовом зале Хельсинкского университета. Президент Эстонии выразил сожаление, что Эстония в 1939 году была слишком слаба, чтобы сражаться плечом к плечу с защищающими себя финнами[71]. Данные о финско-эстонском сотрудничестве в военной сфере свидетельствуют об обратном.

Итак, современные данные свидетельствуют о том, что Эстония, с одной стороны, активно участвовала в военном планировании, направленном против СССР, а с другой стороны – наращивала германскую ориентацию во внешней политике. Однако убедительно показав этот факт, историки не делают следующего шага. Да, в 1924 году представителями 19 государств был подписан Женевский протокол о мирном разрешении международных споров, в котором было закреплено определение агрессивной войны как международного преступления[72]. Значение Женевского протокола 1924 года было высоко оценено в приговоре Нюрнбергского трибунала: «Хотя этот протокол никогда не был ратифицирован, он был подписан руководящими государственными деятелями мира, представляющими подавляющее большинство цивилизованных государств и народов, и может рассматриваться, как убедительное доказательство намерения заклеймить агрессивную войну как международное преступление»[73].

В развитие положений декларации 1927 года годом позже был подписан многосторонний договор – Парижский пакт об отказе от войны как орудия национальной политики (пакт

Бриана – Келлога)[74]. На базе этого документа в 1933 году была принята конвенция об определении агрессии. В документе, подписанном представителями СССР и Эстонии, указано: «… будет признано нападающим в международном конфликте, без ущерба для соглашений, действующих между сторонами, участвующими в конфликте, государство, которое первое совершит одно из следующих действий:

1) объявление войны другому государству;

2) вторжение своих вооруженных сил, хотя бы без объявления войны, на территорию другого государства;

3) нападение своими сухопутными, морскими или воздушными силами, хотя бы без объявления войны, на территорию, на суда или на воздушные суда другого государства;

4) морскую блокаду берегов или портов другого государства;

5) поддержку, оказанную вооруженным бандам, которые, будучи образованными на его территории, вторгнутся на территорию другого государства, или отказ, несмотря на требование государства, подвергшегося вторжению, принять на своей собственной территории все зависящие от него меры для лишения названных банд всякой помощи или покровительства»[75].

В этом контексте следует вспомнить универсальный принцип международного права – принцип pacta servanda sunt (договоры должны соблюдаться) с оговоркой rebus dictantibus (то есть при существующем положении вещей). Но положение вещей изменилось. **К 1939 году Эстония в союзе с Финляндией** (и Латвией) **представляла для СССР масштабную угрозу, на балтийском направлении сопоставившую с германской.**

То есть пока сохраняются те обстоятельства, которые привели к заключению такого договора.

В решении Комиссии Президиума Верховного Совета Эстонской ССР по выработке историко-правовой оценки событий 1940 года в Эстонии отмечено: «Пакт о взаимопомощи, заключенный между Советским Союзом и Эстонской Республикой 28 сентября 1939 года, был, по существу, неравным договором, существенно ограничивавшим суверенитет Эстонской Республики и фактически ликвидировавшим ее политику нейтралитета. Это был договор, навязанный под угрозой применения силы оружия, несмотря на то, что пактом признавалась независимость Эстонии». В этом контексте **следует отметить, что неравным бывает брак; термин «неравноправный договор» теоретически возможен, но на практике стороны практически всегда берут на себя различные обязательства. И наконец, любой договор**

означает ограничение суверенитета.

Концепция континуитета государства, принятая в Эстонии и Латвии (ситуация с Литвой несколько более сложная), основана на признании факта оккупации. Это обстоятельство является определяющим для деятельности государств Прибалтики в целом. К примеру, в Эстонской Республике была создана комиссия по политической и экономической оценке событий 1940–1941 и 1944–1991 гг. Постановка задачи достаточно очевидная, однако название комиссии свидетельствует о том, что, собственно говоря, оценивать нечего. В названии комиссии уже присутствует ответ на все основные вопросы: «Государственная комиссия по расследованию репрессивной политики оккупационных сил»[76]. Примером научного анализа членов комиссии является следующий тезис: «После прибытия частей Красной армии на военные базы и появления советских кораблей в портах Палдиски и Таллина, Эстония перестала быть независимым государством». Аргументация исторического, политологического или правового характера закономерно отсутствует. Следует отметить, что даже представители эстонской эмиграции в своих исторических работах не сделали таких правовых открытий.

Таким образом, постсоветская история Прибалтики началась до распада СССР именно с политической оценки так называемого «пакта Молотова – Риббентропа». Между современной политической элитой Эстонии и эстонской группой за обнародование пакта Молотова – Риббентропа (Molotov – Ribbentropi Pakti Avalikustamise Eesti Grupp, сокр. – MRP-AEG) образца августа 1987 г. прослеживается прямая связь, идеологическая и кадровая, а уже затем историческая и политическая. И в Эстонии, и в Латвии, и в Литве на рубеже 80-х и 90-х годов прошлого века возникли две конкурирующие политические силы: массовые движения «народных фронтов», объединяющие предельно широкие социальные и политические группы, и так называемые «партии национальной независимости». Эти политические силы отличались не оценкой событий 1939–1940 гг., а выводами, которые были сделаны из политической оценки исторических событий. **Действующая в Эстонии и Латвии правовая концепция была внедрена партией национальной независимости Эстонии и Движением за национальную независимость Латвии, но не народными фронтами.**

В 1988 г. в Прибалтике был легально, в прессе, поставлен вопрос о взаимосвязи договора и возможности изменения статуса Прибалтики в 1940 г. Таким образом, на этом этапе достаточно

сложный вопрос о событиях 1939 г. осложнился «увязкой» с произошедшим в 1940 г. и, что особенно важно, правовыми последствиями последнего. Обоснование своей позиции позволило в Эстонии и Латвии внедрить в общественное сознание установку об автоматической связи между событиями 1939 и 1940 гг. и поставить вопрос о континуитете существования Эстонии и Латвии с 1920 г. Далее все просто: понятия «оккупация», «оккупанты», «агрессия» из области политического фольклора стали сугубо юридическими формулировками.

В 2005 г. вышла в свет официальная монография Президентской комиссии историков Латвии, в которой были даны указанные оценки событий 1939–1940 гг[77].

Теперь уже экс-госсекретарь МИД ЛР, а в прошлом, председатель Рижского горисполкома Андрис Тейкманис в опубликованном 11 января 2011 г. интервью газете «Latvijas Avīze» сказал: «Не может быть и речи о том, что наши историки придут к каким-то абсолютно новым выводам. Мы свою историю переписывать не будем и не собираемся этого делать. Ни на йоту»[78].

В 2012 г. Литва представила новую стратегию «исторической политики»[79]. Политическая направленность литовского документа такая же, как и в Латвии, но слог заставляет вспомнить знаменитый приказ народного комиссара обороны СССР от 28 июля 1942 г. № 227 «О мерах по укреплению дисциплины и порядка в Красной Армии и запрещении самовольного отхода с боевых позиций».

Возникает вопрос, почему историческому обоснованию признания оккупации уделяется в Прибалтике столько внимания? Признание Россией оккупации будет означать юридическую преемственность Эстонской (Латвийской) Республик 1991 г. республикам 1920 г. Соответственно:

1. Россия в качестве правопреемника СССР должна была принять на себя правовую и историческую ответственность за политику этого государства.
2. Вопрос гражданства для «некоренного населения» снимается.
3. Вопрос компенсации ущерба за «оккупацию» переходит в плоскость финансового, а не международного права.

Трактовка подхода прибалтийских историков в категориях исторической памяти возможна: «Конечно, можно понять исторические обиды, понять разное отношение к различным драматическим событиям. Но нельзя в наше время оправдать репродуцирование искаженного, негативного образа соседней

страны и народа, формирование у молодежи чувства неприязни и нелюбви к ним, равно как и сознательное отступление от истины в преподнесении и оценке исторических событий и процессов»[80]. Однако, с нашей точки зрения, правильнее видеть реальные экономические и политические цели подобной политики: «**Лишение русских гражданских прав в международном понимании было таким жестоким делом, что для его “заглушки” потребовалось столь же сильное пропагандистское оружие. Этим оружием эстонцы провозгласили миф об оккупации»**, – пишет финская журналистка Леэна Хиетанен[81]. Отметим то, что это только часть проблемы. «В значительной степени в странах Балтии ситуация с дискриминационным подходом (включая суды над военными пенсионерами – участниками Второй мировой войны) может быть объяснена нежеланием взять на себя ответственность за коллаборационизм с нацистским режимом в ходе Второй мировой войны»[82].

В самих странах Прибалтики есть определенное количество серьезных историков и юристов, которые имеют свой собственный взгляд на события 1939–1940 гг. Еще в конце 1991 г. возник конфликт между будущим первым президентом Эстонии, а тогда министром иностранных дел Леннартом Мери, получившим пост министра еще в апреле 1991 г., то есть при советской власти, и его заместителем – известным правоведом-международником, доктором юридических наук профессором Рейном Мюллерсоном. Причина конфликта заключалась в том, что **министр иностранных дел Эстонии и будущий президент Эстонии предлагал фальсифицировать важнейший документ, устанавливающий дипломатические отношения и признание Эстонии**[83]. Был ли это единственный пример дипломатии наперстков в эстонской истории? Нет, не единственный, не первый и не последний.

В классической работе политиков балтийской послевоенной эмиграции содержится иная версия указанных событий. Как отмечают авторы, **судьба трех Прибалтийских государств зависела не столько от политики их собственных правительств, сколько от взаимоотношений между великими державами**[84]. **С этим** не только трудно, но даже **невозможно спорить, однако никакой оккупационной концепции из этого не следует.** Об этом же пишет Ю. Кантор: «Запад признал за Советским Союзом право на Прибалтику де-факто, по умолчанию»[85]. Да, с этим можно согласиться, но вслед за профессором К.К. Худолеем отметим, что советизация, объективно имевшая место, никак не корреспондируется с

«оккупацией»[86].

Особо следует отметить позицию Магнуса Ильмярва, который отмечает, что **потеря государствами Прибалтики независимости была следствием** общеевропейского международного политического кризиса, порожденного Мюнхенским пактом, договорами между Советским Союзом и Германией, германским вероломством, искусной пропагандой и ожиданиями ниспровержения Советского Союза и Германии и, с другой стороны, отсутствием реалистичной и независимой внешней политики на Балтике в 1939–1940 гг., а также той **внутренней политикой, которая была распространена в этих странах**, тогда как кардинальные сдвиги в большой европейской политике подготовили поле для потери суверенитета балтийскими государствами. Таким образом, **тихая потеря независимости балтийских государств и их полное исчезновение с европейской политической арены были результатом долгого процесса, хотя не единственно по причине совершенно безысходной ситуации и не только из-за вынужденных действий, вызванных подписанием пакта Молотова – Риббентропа**[87].

Таким образом, это особый случай, причем в монографии Магнуса Ильмярва события 1940 г. названы аннексией, но не оккупацией. Подход редкий, если не сказать уникальный. С одной стороны, историческая и правовая оценка дана, однако она базируется на комплексном и в целом объективном анализе исторических и правовых реальностей[88].

Источники и литература второго типа встречаются крайне редко. Речь идет о полноценных научных трудах, основанных на мощном корпусе источников и литературы. Авторское мнение базируется в этих работах на эффективной доказательной базе. При этом, как правило, итоговые оценки, принципиальные выводы в большей или меньшей степени совпадают со стандартом государственной идеологии[89]. Работы этого типа характеризуются компромиссным подходом к оценке событий 1939–1940 гг., опорой на многочисленные документы, работы различных научных направлений, приводятся мнения и позиции, полярные по содержанию и оценкам.

Классифицируя литературу, мы не выделяем учебники и учебные пособия для школ и вузов в отдельную группу. С точки зрения авторов, главным критерием классификации является не адресность, а характер изложения материала, степень политизации исторической науки. Естественно, что при рассмотрении учебников, учебных пособий и сборников документов учитываются специфические характеристики,

применимые к материалам этого типа. Именно поэтому анализ сборника исторических источников для учащихся, как и дополнительных материалов для учителя, изданных по заказу Целевого фонда интеграции на основе проекта № 1.0101.06–0447 «Поддержка иноязычных общеобразовательных школ при переходе на двуязычное обучение», позволяет сделать вывод о том, что возможно и **относительно объективное рассмотрение совместной истории**[90].

Труды, относящиеся к третьей группе, весьма немногочисленны. Речь идет о совместных работах историков России и стран Балтии. Эти работы характеризуются качественным научным аппаратом, поиском компромиссов по ключевым спорным вопросам нашей совместной истории. Именно так можно охарактеризовать вышедший в свет в 2006 г. первый том двухтомного собрания документов, посвященный двусторонним отношениям СССР и Литвы в период от захвата Клайпедской области Германией до аннексии государств Балтии Советским Союзом (март 1939 г. – август 1940 г.). Издание было подготовлено совместными усилиями сотрудников Института истории Литвы и Института всеобщей истории РАН под руководством директоров двух научных учреждений А. Никжентайтиса и А.О. Чубарьяна. Перед нами пример адекватной научной дискуссии и относительно успешного поиска компромисса. События 1939 г. в работе рассматриваются в широком историческом контексте: «Сталин, не получив от западных держав согласия на усиление влияния СССР в Балтийском регионе и Восточной Европе в целом, предпочел договориться с Гитлером… Англия и Франция своей неуступчивостью подтолкнули СССР к заключению договора с Германией в 1939 г.»[91].

Вероятно, совместная российско-литовская комиссия историков, созданная в 2006 г. и работавшая последний раз осенью 2009 г. в Вильнюсе, в ближайшей, среднесрочной и долгосрочной перспективе уже не сможет продолжить свою работу по политическим причинам.

Аналогичная комиссия была создана и с историками Латвийской Республики. Изначально существовали определенные сомнения, связанные, к примеру, с тем, кто будет работать в латвийской части комиссии. В частности, в ней будет работать профессор Стродс, хорошо известный историкам России, занимающимся странами Прибалтики. Он известен тем, что любое серьезное историческое исследование, дающее четкую картину реальных событий и основанное на объективных материалах, превращает в политизированный и необъективный

материал. Конечно же, и то, что руководителем латвийской части комиссии является заведующий кафедрой новой и новейшей истории Латвийского университета профессор И. Фелдманис, оставляет мало возможностей для компромисса. Позиция профессора хорошо представлена в литературе, изданной на многих европейских языках и отличающейся крайней тенденциозностью в изложении событий 1939–1940 гг.[92]

Что же касается сотрудничества историков Эстонии и России на правительственном уровне, то маловероятным является создание совместной комиссии. Говорить же о единых подходах – значит выходить за пределы реального и обращаться к жанру ненаучной фантастики.

Подведем промежуточные итоги. **Дефекты историко-правовых конструкций государств Прибалтики настолько масштабны, что их трудно объяснить только политическим заказом.** Что же еще становится определяющим фактором? **В этом контексте показательна статья Карстена Брюггеманна,** профессора Института истории Таллинского университета. Основная идея автора проста: **если прошлого нет, его следует сконструировать**[93]. Действительно, как отметил другой немецкий историк: «Общества мобилизуют свою память и реконструируют собственное прошлое, чтобы обеспечить свое функционирование в настоящем и разрешить актуальные конфликты»[94]. И такая формулировка в принципе корректна. Однако как оценить «реконструированную историю», которая мешает «функционированию в настоящем» и провоцирует конфликты?

Академик, директор Института всеобщей истории РАН А.О. Чубарьян указывает на то, что основная проблема исторической науки в случаях ее пересечения с текущей политикой заключается в том, что непонятно, «…как отделить фальсификацию истории и просто другое мнение»[95]. Вопрос действительно очень сложный, однако никто не отменял основные принципы исторической методологии: истины, конкретности, историзма, объективности, системности, опоры на источники и соблюдения историографической традиции[96]. Не вступая в масштабный спор с авторитетнейшим историком, отметим лишь то, что в случае политической оценки исторической концепции государств Прибалтики отделить фальсификацию от истории достаточно просто. В тех случаях, когда историческая концепция используется для экономического и политического преследования сотен тысяч человек – это фальсификация. Именно это и сделано политическими элитами Прибалтики.

Предложим осторожный прогноз. Говоря о временах

Прибалтики 1.0.**профессор Карстен Брюггеманн указывает на то, что «**патриотический настрой эстонской прессы предвосхищал политическую риторику грядущего авторитаризма»[97]. Складывается ощущение того, что это еще один пример воспоминания о будущем.

* * *

Последний вопрос, который нам необходимо рассмотреть: какие последствия для России вызовет признание факта оккупации и континуитета Эстонской (Латвийской) республики?

Задача, которая ставилась и ставится перед министерствами иностранных дел Эстонии и Латвии, заключается в том, чтобы убедить себя (сделано), международное сообщество (частичный результат) и Россию (отсутствие результата) в том, что сегодня существуют именно те государства, которые возникли в 1920 г. Рассмотрим эстонский подход, совпадающий с латвийским: «Вопрос содержит в себе как минимум следующие важные моменты:

1) принцип юридической преемственности Эстонской Республики, на который опирается все восстановление независимости нашего государства и его возвращение в будничное международное общение де-факто;

2) роль России в качестве правопреемника СССР, связь этой роли с ответственностью за былую политику этого государства;

3) вопрос гражданства Эстонской Республики;

4) вопрос Государственной границы Эстонской Республики;

5) вопрос компенсации ущерба, нанесенного Эстонской Республике в ходе ее оккупации;

6) вопрос собственности;

7) отсутствие юридического основания для пребывания российских войск в Эстонии»[98].

Эстонии, Латвии, Литве оказалось мало получить независимость. Была поставлена амбициозная цель – поставить в зависимость Россию, пользуясь деструкцией органов власти и управления и общей дезориентацией общества. «Поспешность и непрофессионализм, с которым МИД России в пику ослабленному руководству СССР оформил “развод” с государствами Балтии, привел к тому, что после декабря 1991 года возникли острейшие проблемы форсированного вывода войск из Прибалтики, статуса русского населения, демаркации границ»[99].

Указание на статус оккупируемого государства может

служить различным целям. Мы исходим из того, что армия СССР ликвидировала оккупационный режим как в части своей страны, так и в Европе, что и было подтверждено в Нюрнберге. Являясь пострадавшей от оккупации страной, СССР с согласия остальных великих держав компенсировал часть своих потерь за счет репараций, полученных как с Германии, так и с ее союзников. Попытка поставить Россию в один ряд с побежденной Германией не является только проблемой моральной ответственности. В большей степени это попытка создания правового предлога и формирования прецедента к требованию материальных компенсаций. Укажем и на то, что «оккупация является формой иностранного господства над территорией суверенного государства, и этот факт предопределяет неизбежность достаточно суровых условий для проживающего на оккупированных территориях гражданского населения»[100]. В этом контексте перед нами уникальная «оккупация», при которой «оккупируемый» жил за счет «оккупанта».

В связи с вышеизложенным тезис о советской оккупации выдвигается как ключевой, обеспечивающий целый комплекс внешнеполитических и внутриполитических задач эстонского государства. В противном случае к этой историко-правовой конструкции не было бы столько внимания со стороны высших руководителей балтийских государств.

В официальном издании МИД ЭР отмечено: «Эстонская Республика была создана в 1918 году. В результате оккупации Советским Союзом, *не признанной многими государствами*, Эстония лишилась независимости в 1940 году»[101]. (Курсив наш. – Н. М.) Отмеченное подтверждает: позиция современной Эстонии о том, что она как государство четко считает себя не новым государством, а государством, восстановившим свою суверенность после периода незаконной оккупации, как минимум не бесспорна. Международное сообщество, в том числе и Россия, едино в признании независимости Эстонии; тем не менее это не означает признания международным сообществом континуитета Эстонии от 1918 года к 1991 году и факта оккупации.

В ключевой работе эстонских политиков и историков, выпущенной непосредственно перед провозглашением независимости, отмечено, что действия СССР квалифицируются как агрессия, военная оккупация и аннексия[102].

Таким образом, делается попытка доказать, что, поскольку ультиматумы и последовавший затем ввод войск противоречили международному праву, то такой ввод все же можно считать оккупацией.

Ряд историков и юристов прямо предупреждает российские

власти о том, зачем выдвигается тезис об оккупации. Доктор права Дитрих А. Лебер указывает на то, что «пакт Молотова – Риббентропа» от 1939 г. имел роковое воздействие на Балтийские государства. Его последствия не преодолены и сегодня. Это очевидно в двух проблемных областях: с одной стороны, в вопросе о государственном континуитете и, с другой стороны, в вопросе о реституции и компенсации[103]. «Большое русскоязычное меньшинство в Латвии – это демографический побочный продукт долгосрочной незаконной советской оккупации. Можно ли сделать вывод, что проживание русскоязычного населения в Латвии незаконно, из того исторического факта, что оккупация была незаконной?»[104]

Если мы признаем непрерывность – континуитет Эстонии, то период 1944–1991 гг. автоматически оценивается как оккупация, а лица, переселившиеся в эту страну, – как оккупанты. Можно в целом согласиться с публицистическим сравнением Л. Степанова: «Если представить себе мир, в котором фашистская Германия победила во Второй мировой, но по каким-то причинам развалилась через 50 лет, то сразу бы возник вопрос о немцах, которыми были бы заселены оккупированные ею территории. Именно аналогию между русскоязычным населением и гипотетически победившими СССР немцами пытаются провести страны Прибалтики»[105]. Следует лишь отметить, что к Литве данное положение не относится – там нет безгражданства. Отметим и то, что для оккупации характерно продолжение сопротивления и военных действий против государства-оккупанта. **Вступая в комсомол и коммунистическую партию, работая в органах власти и управления, в том числе в МВД, КГБ, избираясь в Верховные Советы своих республик, эстонцы, латыши и, конечно же, литовцы несколько необычно доказывали оккупационную природу советского государства.** «Прибалтийские депутаты Верховного Совета СССР (видимо, “оккупанты” или их пособники?) вместе с российскими демократами (очевидные “оккупанты”) сумели провести резолюцию, в которой предавался огласке тайный протокол Молотова – Риббентропа. Это событие имело большое значение для эстонцев, позволяя документально утверждать, что республика была оккупирована СССР»[106].

Сегодня трудно согласиться с эстонской позицией по поводу того, что нет никакого правопреемства между Советским Союзом и Прибалтийскими государствами. Как справедливо пишет Р. Мюллерсон, нельзя игнорировать юридические нормы, установленные Союзом ССР, и договоры, заключенные им[107]. Поэтому Эстония и Финляндия признали временно

действующими некоторые договоры, заключенные между Финляндией и Советским Союзом. Академик Академии наук Эстонской Республики М. Бронштейн, безусловный сторонник независимости Эстонии, бывший народный депутат СССР, отмечает: «Кого же поддерживал народ Эстонии в этот крайне трудный период? Вопреки призывам Комитета Эстонии в 1990 году к бойкоту выборов в Верховный Совет и референдума по независимости, в них участвовали около миллиона жителей Эстонии, а в февральских выборах 1990 г. в альтернативный Конгресс Эстонии приняли участие только 52 тысячи правопреемных граждан и 34 тысячи соискателей гражданства. Но парадокс истории состоит в том, что после 20 августа 1991 года между Верховным Советом и Комитетом Эстонии было заключено соглашение о формировании Конституционной ассамблеи на паритетных началах. Компромисс? Да, но за счет прав почти трети населения республики»[108].

Особенность эстонской дипломатии заключалась в том, что именно законно избранные органы «прежней» власти начинали движение к независимости. Именно так действовали Уполномоченный Временного правительства в Эстляндской губернии Я. Поска в 1918 году и первый секретарь ЦК КПЭ В. Вяляс. Верховный Совет Эстонии, провозгласивший ее суверенитет и независимость, был избран в соответствии с советским законодательством, прежде всего Конституцией СССР 1977 г. и Конституцией ЭССР 1978 г. Если отрицать действительность советского законодательства на их территории в принципе, тогда неизбежно придется отрицать как действительность самого избрания Верховного Совета Эстонии, так и действительность его актов. Члены Верховного Совета ЭССР – ЭР признали юридически недействительной декларацию Государственной думы ЭР от 22 июля 1940 года о вступлении в СССР. Верховный Совет, фактически избранный в «юридически недействительном государстве» (30 марта 1990 года под руководством Арнольда Рюйтеля объявил собственное restitutio ad integrum (восстановление к прежнему состоянию), признав государственную власть СССР незаконной, а территорию Эстонии оккупированной. **Верховный Совет ЭССР – ЭР, избранный в соответствии с «оккупационным» законодательством и по сути своей являвшийся «оккупационным» органом власти, пытался вступить в переговоры с «оккупировавшим» его государством!**[109]

Компонентом данной проблемы является вопрос о границах. «Считая Эстонию преемницей союзной республики с таким же названием, Россия уже не признает установленную Тартуским

мирным договором границу»[110]. Это положение справедливо и является неполным, но в общем правильным изложением позиции МИД РФ. В соответствии с международным правом, общепринятым правилом является то, что правопреемство не затрагивает границ, установленных договором о границах. Положение зафиксировано в ст. 11 Венской конвенции 1978 г. «О правопреемстве государств в отношении договоров»[111]. Это означает, что «если в силу самого факта правопреемства и возникают какие-либо основания для прекращения или изменения договорных прав и обязательств, то эти основания не могут быть использованы для изменения границ, установленных договором и относящихся к режиму границы. Это положение поддерживалось подавляющим большинством государств на Венской конференции по правопреемству государств в отношении договоров. Эта позиция отражает господствующую международную практику»[112]. В связи с упомянутым вопросом комиссия отметила, что «…действующее международное право не раскрывает всех значений права на самоопределение. Однако установлено, что при любых обстоятельствах право на самоопределение не должно включать изменение существующих границ *в момент независимости* (курсив наш. – Н. М.) (uti possidetis juris), за исключением случаев, когда заинтересованные государства договариваются об ином»[113].

Подобная аргументация уже использовалась на постсоветском пространстве. Как отмечает магистр права Эссекского университета Т. Мусаев: «Что касается выдвигаемого армянской стороной тезиса о том, что, провозгласив восстановление государственной независимости 1918–1920 годов и тем самым став правопреемником существовавшей в те годы Азербайджанской Демократической Республики, Азербайджан якобы лишился оснований претендовать на границы советского периода, то внимание должно быть привлечено к статье 11 Венской Конвенции о правопреемстве государств в отношении договоров, согласно которой правопреемство государств как таковое не затрагивает… границ, установленных договором». Другими словами, хотя данное положение касается непосредственно внешних границ бывшего СССР, установленных заключенными им международными договорами, оно фактически представляет собой концептуальный международно-правовой подход в отношении продолжения существования границ, несмотря на правопреемство, а именно то, что изменение суверенитета не в силах поколебать эти границы, имеющие постоянный характер[114].

В международной судебной практике широко используется

принцип uti possidetis, впервые сформулированный в ходе деколонизации Латинской Америки в начале XIX века. При достижении независимости бывшими испанскими колониями границами вновь образовавшихся республик становились границы бывших испанских провинций, на месте которых они возникали. Естественно, не исключалась возможность дальнейшего пересмотра границ в рамках норм международного права и переговорной практики. Важно отметить, что, рассматривая пограничные споры между Буркина-Фасо и Мали, Международный Суд ООН квалифицировал указанный принцип как «общий, логически проистекающий из факта получения независимости, где бы это ни происходило». Есть ли в Эстонии в 2016 году, через 25 лет после начала переговоров о границе, понимание этих обстоятельств? Да, частично есть, но завершение международно-правого договора о границе с Россией от этого не приближается.

Подведем итоги. Даже если признать правопреемство и континуитет Эстонии или Латвии, это не означает подтверждение факта «оккупации». Однако никакого правопреемства и континуитета у Эстонии и Латвии нет. Есть «первые» республики и государства-продолжатели. Есть сознательная дискриминация нетитульного населения, основанная на трактовке событий 1939-1940 гг. Есть деформированная правовая и историческая концепция, основанная на сочетании мифологии, идеологии и глубокого социокультурного провинционализма.

Глава 2. Политическая история государств Прибалтики в 1987–1992 гг. как предпосылка формирования современной внешней и внутренней политики (на примере Эстонской Республики)

Двадцать пять лет назад прекратило свое существование мощное государство, обладающее значительным экономическим и демографическим потенциалом, всеми современными системами вооружения, авторитетом на международной арене, членством в Совете Безопасности ООН. За прошедшее время стали доступны многие документы прошедшей эпохи, вышли десятки монографий и сотни статей, в которых так или иначе делается попытка выявления причин распада СССР. Объяснять это постимперской ностальгией некорректно. Не получив четкого ответа на вопрос о причинах распада СССР, мы рискуем допустить повторение деструктивных процессов прошлого. Следует учитывать и то, что Россия – тоже федеративное государство, потенциально подверженное сепаратистским тенденциям. В силу этого исчерпывающий анализ всех факторов распада СССР имеет ключевое значение для национальной безопасности России. Однако для нас принципиально важны два вопроса:

1. «Балтийский фактор» в распаде СССР.
2. «Советский след» в постсоветской истории Прибалтики.

С нашей точки зрения, ключевые события, связанные с распадом СССР, связаны именно с ситуацией в Литве, Латвии и, конечно же, Эстонии. Именно здесь окончательно показала себя неспособность союзного центра решить проблему реформы государственного устройства. Вместе с тем следует отметить, что распад СССР нельзя полностью объяснять эффективностью или неэффективностью политики Москвы. Роль Эстонии, Латвии и Литвы в распаде СССР значима, но не исследована в должной степени.

В национальном вопросе СССР горбачевской эпохи постоянно колебался между неумелыми проявлениями «великодержавной» силы и либеральной слабости. Но и «великодержавная» сила, и «либеральная» слабость возможны

лишь в рамках одной четкой программы действий. В 1985–1991 гг. ее не было.

Эксперты часто говорят о том, что распад СССР начался с событий в Казахстане, Фергане, с Закавказья. Это справедливо лишь отчасти. В указанных регионах, как правило, происходили межнациональные конфликты, сопровождаемые насилием титульной национальности в отношении мигрантов, как правило, не связанные с попыткой выхода из состава СССР. Лишь очередная неспособность Москвы решить большинство проблем в сфере межнациональных отношений действительно способствовала развитию сепаратизма на юге.

Существует еще одна причина, актуализирующая обращение к данной проблематике. Речь идет о специфике российско-прибалтийских межгосударственных отношений. С нашей точки зрения, **трактовка эстонской, латвийской, литовской политики по отношению к России как иррациональной ошибочна** и основывается лишь на поверхностном знакомстве с проблемой. На самом деле все основные предпосылки современной внешней политики государств Прибалтики заложены именно в период борьбы за независимость и базируются на четком целеполагании и тщательном анализе баланса политических и экономических дивидендов, анализе политической истории XX века и долгосрочных тенденций мирового политического и экономического развития.

Движение республик Прибалтики к независимости проходило в соответствии с классическими правилами политического торга. Нельзя не отметить высокий профессионализм политиков и общественных деятелей Прибалтики, умело использовавших все внутренние и международные возможности для обретения полной государственной независимости.

Важно отметить и то, что основной движущей силой в борьбе за независимость в Средней Азии и Закавказье стала оппозиция, не интегрированная во властные структуры. В Прибалтике, и особенно в Эстонии, ситуация развивалась по иному сценарию. Центр не заметил того, что именно **законно избранные органы власти** еще советской Эстонии, как, впрочем, и Латвии, Литвы, прежде всего Верховный Совет, правительство республики, Коммунистическая партия Эстонии, а затем одна из двух КПЭ, **сами начали движение к политико-правовому и экономическому оформлению независимости.** При этом максимально использовались законодательство СССР и просчеты центральной власти, а затем и двух «центральных» властей. Причем это движение было медленным, постепенным, но сугубо последовательным.

Закономерен вопрос о том, почему именно эстонский пример взят в качестве модельного. Литовский путь к независимости, его политическое оформление, политика гражданства и практика взаимного международного признания России и Литвы отличаются достаточно существенно от эстонского и латвийского (см. таблицу в конце главы). Выбор Эстонии связан с тем, что в указанный период автор как на государственной службе, так и вне ее изучал политические и экономические процессы, идущие именно здесь. Отметим также и то, что политические процессы и их результаты в 1987–1992 гг. в Эстонии и Латвии проходили практически синхронно.

Рассматривая эстонский путь к независимости, мы прежде всего сталкиваемся с проблемой источников и проблемой периодизации.

Как справедливо отметил Т. Вахтер, в Эстонии многие документы оказались утрачены. К примеру, документы народного фронта Эстонии, безусловно имеющие историческую ценность, были найдены спустя много лет, и то частично[115]. Отметим, что в научной литературе до настоящего времени вопрос о периодизации не ставился. Есть лишь одна работа, написанная А. Парком, который проанализировал переломные моменты краха советской системы в Эстонии. Парк различает следующие стадии распада системы: «революция сверху» в 1985 г. (первые «вспышки» которой, по мнению Парка, были инициированы Москвой); восстание интеллигенции в 1986 г. (через которое он определяет социальный контекст первых инициатив); воссоздание национальных символов в 1987 г. (демонстрация в День Памяти, маркирующая начало народной мобилизации); и, наконец, массовое оппозиционное движение и переориентация правящей элиты между 1988 и 1990 г.[116] Такой подход возможен, но в 1985 и 1986 годах в Эстонии, как, впрочем, и в СССР, никаких восстаний не было. С оценкой событий 1987 года следует полностью согласиться, однако крах системы завершился не в 1990-м, и даже не в 1991-м, а в 1992 году, о чем будет написано далее.

В связи с вышеизложенным предлагается следующий подход:

1-й период. 23 августа 1987 года – 17 июня 1989 года.

2-й период. Июнь 1989 – март 1990 года.

3-й период. Март 1990 – октябрь 1992 года.

Начало первого периода можно диагностировать достаточно четко. 23 августа 1987 года в центре Таллина прошел митинг, связанный с очередной годовщиной советско-германских договоренностей 1939 года. Это событие отмечено как ключевое в процессе борьбы за независимость во многих работах[117]. В

отличие от предшествующих годовщин, противодействия организаторам митинга оказано не было. Предполагать, что КГБ ЭССР был не в курсе указанных событий, организованных диссидентами, вышедшими на свободу при М.С. Горбачеве, и некоторыми представителями творческой интеллигенции, нет оснований. Равным образом было бы ошибкой предполагать самостоятельность республиканского руководства при выборе формы реакции на готовящееся мероприятие. С этого мероприятия началась консолидация наиболее радикальных элементов в формирующейся политической элите Эстонии. Пройдя многочисленные трансформации, о которых будет написано далее, организаторы митинга, их последователи и идеологические соратники прочно и надолго захватят эстонский политический олимп.

Еще одно важное событие связано с возникновением в 1986–1987 гг. Общества охраны памятников старины (Eesti Muinsuskaitseselts, сокр. – EMS), первой массовой общественной организации. Идея создания бщества зародилась на встречах краеведческих клубов Эстонии в конце 1986 – начале 1987 г. Однако съезд организации состоялся только 12 декабря 1987 г. Был утвержден устав и избраны председатель – Тривими Веллисте и ответственный секретарь – Кюлло Арьякас. Возникновение данной организации укладывается в общий тренд общественного развития в СССР. В это же время в Ленинграде возникает общественное движение аналогичного характера. Однако если в Ленинграде активисты действительно займутся охраной городской среды, то в Эстонии это общество сформировалось с изначально политическими задачами.

11 сентября 1988 года на Певческом поле Председатель общества охраны памятников Т. Веллисте озвучил идею полной независимости Эстонии. В дальнейшем на базе этой организации возникнут наиболее радикальные политические структуры, выступающие за немедленную реализацию идеи полного суверенитета и наиболее жесткие версии законов о гражданстве и языке[118]. Так, при широком участии активистов Общества охраны памятников старины, в 1988 г. создана первая политическая партия – Партия национальной независимости Эстонии.

Предшественницей ПННЭ также можно считать Эстонскую группу за обнародование пакта Молотова – Риббентропа (Molotov – Ribbentropi Pakti Avalikustamise Eesti Grupp, сокр. – MRP-AEG), которая 23 августа 1987 г. организовала в таллинском парке Хирве акцию протеста с требованиями обнародовать пакт Молотова – Риббентропа и секретный дополнительный протокол

к нему, а также ликвидировать последствия указанной договоренности. Под ликвидацией последствий понималось обретение полной государственной независимости.

Цели и задачи партии полностью характеризовались ее названием. Актив партии в значительной степени сформировался из людей, чей социальный и экономический статус в условиях советской Эстонии был достаточно низким, в том числе и потому, что они не шли на компромисс с властью, не скрывали своих взглядов и подвергались репрессиям. Первоначально партия была достаточно небольшой, но следует признать, что бескомпромиссность лидеров и четкость, ясность программы постоянно привлекали в партию новых сторонников. Интересно также то, что партия просуществовала до 1995 года.

Движение к независимости связано и с событиями, формально относящимися к экономической сфере. Речь идет о концепции «Самохозяйствующей Эстонии» – IME (Isemajandav Eesti). Документ был впервые опубликован в сентябре 1987 года в газете «Edasi». Ничего необычного с теоретической и практической точек зрения в ней не было. В 1987 году руководство КПСС и Правительство СССР приняли первые решения, положившие начало радикальным изменениям системы управления советской экономикой (июньский пленум ЦК КПСС). Реальная трансформация экономики Эстонии началась с 1991 года, но подготовка, осмысление возможных экономических последствий независимости связаны с 1987 годом. Если говорить о реальных последствиях эстонской концепции регионального хозрасчета, то они связаны с возрождением рыночного менталитета, который здесь не был разрушен до конца.

В этот период концепции регионального хозрасчета создавались по всей стране и были предметом широкого общественного обсуждения. Однако обсуждение концепции IME в экспертном сообществе носило преимущественно экономический характер. Автор также внес свой вклад в критику концепции, опираясь на экономическое содержание документа[119]. В 1988–1989 гг. этот документ имел не экономическое, а политическое, даже психологическое значение. Впервые со времен независимости молодые экономисты в самой Эстонии, а не мэтры в Канаде (Рейн Таагепера) написали, что Эстония может и должна развиваться самостоятельно, на этом этапе, в составе СССР. В документе содержалась ключевая идея: Эстония – мост между Западом и Востоком, но именно ее реализовать не удалось. Премьер-министр ЭССР Бруно Сауль подверг идею, а затем и документ жесткой критике. Впрочем, в политическом плане жить данной идее предстояло недолго; очень скоро из передовой она

превратится в консервативную, тормозящую идеи независимости, а после августа 1991 года о ней и не вспомнят. Позднее один из авторов IME Сийм Каллас признался, что создание «хозрасчетной Эстонии» в рамках СССР было «принципиально невозможно». «Многие поняли сразу, – отмечает С. Каллас, – что на самом деле начинается борьба за самостоятельность»[120]. Следует отметить, что авторитетный эстонский экономист и политик, вероятно, прав применительно к эстонской общественности – в масштабах СССР идея регионального хозрасчета была лишена какой-либо оригинальности. Этой околонаучной концепции в 1987–1990 гг. в СССР увлекались на всех уровнях власти, от муниципального до союзного, однако лишь на уровне союзных республик можно проследить корреляцию между концепциями регионального хозрасчета и государственной независимостью 1991 года.

Концепция IME в политическом и идеологическом плане возникла как «идея-продолжение» забытой сегодня программы «Вариант развития будущей Эстонии. Тридцатилетний план развития – II». Этот документ впервые был озвучен в 1971 году в Канаде. Автор программы – американский, а сейчас эстонский профессор Рейн Таагепера. В документе практически впервые в истории эстонской эмиграции четко сформулирована последовательность действий, ориентированных не на достижение полной независимости, но на качественную эволюции формы государственности эстонского народа. Принципиально важные положения документа:

1. «Отказаться от мысли создать у нас социальный строй, отличный от соседского.

2. Членство Эстонии в СЭВ, ООН и Варшавском договоре, с согласия соседней и других великих держав, достигнутого нашими усилиями.

3. С согласия соседа преобразовать Эстонскую секцию доминирующей партии в самостоятельную партию и осуществить в экономике принцип территориального руководства»[121].

Именно с реализации третьего пункта и началось движение Эстонии к независимости.

Завершение первого этапа движения Эстонии к независимости связано с возникновением эстонского народного фронта (НФЭ), а затем и Интердвижения. Возникновение НФЭ – событие огромной важности в эстонской политической истории. Это последний по времени появления политический фактор, определивший специфику достижения независимости. Вся история НФЭ (1988–1993 гг.), безусловно, являлась историей политической борьбы, причем не только с союзным центром, но и с политическими силами Эстонии, как с левой, так и с правой

стороны политического спектра. Интересно также и то, что эта борьба продолжается и сегодня. Существующий конфликт между современной центристской партией Эстонии и партиями правящей коалиции вытекает из того, что правящая коалиция – результат трансформации ПННЭ, а центристская партия – продолжатель НФЭ. Однако этот крайне важный для понимания современной политической ситуации в Эстонии факт не имеет прямого отношения к теме данной работы.

Более актуален вопрос о том, что привело к созданию НФЭ, а также проблема отношения центра к НФЭ. С нашей точки зрения, причины возникновения НФЭ можно разделить на общие и особенные. К общим причинам следует отнести кризис в развитии реформ. Один из организаторов НФЭ и видный представитель русской секции НФЭ Р. Григорян справедливо отмечал: «…курс на ускорение социально-экономического развития СССР обнаружил свою полную несостоятельность и утопичность. Фактически период с апреля 1985 года до января 1987 года был периодом новой оттепели, но не перестройки»[122]. Именно поэтому в Москве шел поиск новых форм общественной активности «снизу», которые могли бы сделать процессы перестройки необратимыми и при этом управляемыми. Таким инструментом стали народные фронты. На первом этапе ожидания центра оказались реализованными. Однако специфика народных фронтов в национальных республиках заключалась в том, что эти движения вышли из-под контроля.

Рассматривая вопрос о создании и работе народных фронтов, следует рассматривать и еще одну версию, на первый взгляд имеющую несколько конспирологический характер. Речь идет об отношении КГБ СССР к народным фронтам и, более того, оценке роли КГБ СССР в создании народных фронтов. За прошедшие двадцать лет появилась многочисленная мемуарная литература, написанная генералами и руководителями ключевых подразделений КГБ СССР: первого и второго главного управления, информационно-аналитического управления и, наконец, непосредственно председателем КГБ СССР В.А. Крючковым. Все авторы уделили внимание проблематике политических процессов в Прибалтике.

В рамках рассматриваемого вопроса особую ценность имеют мемуары генерала Леонова[123]. Ценность информации, приведенной генералом Н.С. Леоновым, заключается в том, что его поездка в Литву практически совпала с поездкой туда же А.Н. Яковлева. При этом и Яковлев и Леонов подготовили и передали «наверх» информационно-аналитические записки.

Отражены рассматриваемые вопросы и в воспоминаниях М.С.

Горбачева. Он пишет так: «В начале августа 1988 года я рекомендовал ему (Яковлеву. – Н. М.) поехать в Прибалтику, надеясь, что это поможет лучше понять, что там происходит. Яковлев высказался за то, что нам не следует выступать с позиции осуждения народных фронтов; хотя там есть всякие силы, нужно сотрудничать с ними… Подытоживая, **Яковлев заверил, что все "прибалты за перестройку, за Союз".** Этот оптимизм успокаивал, но показался мне чрезмерным. Первые признаки опасности, угрожавшей Советскому Союзу, я почувствовал именно тогда. Правда, всего лишь как симптом, как один из вариантов развития событий, который мы в состоянии исключить»[124].

Оценки генерала Леонова иные: «Вывод мой, который я доложил Виктору Михайловичу Чебрикову, был такой: **однозначно Прибалтика идет по пути превращения в независимое и самостоятельное от СССР государство.** Националистические движения, какую бы окраску они не принимали… ведут все дело к независимости… Вот каков был мой вывод, который я изложил в докладе. И моя рекомендация заключалась в том, чтобы предоставить Прибалтике особый статус, который имела Финляндия в царской России. Чтобы удовлетворить их экономические интересы, пойти навстречу в ряде национальных вопросов – и при этом сохранить их республики в рамках Советского государства!»[125]

Таким образом, можно считать доказанным то обстоятельство, что на столе Генерального секретаря ЦК КПСС лежали документы с полярными точками зрения по рассматриваемому вопросу. Рассматривая данную мемуарную литературу, можно сделать вывод: КГБ СССР рассматривал деятельность народных фронтов в национальных республиках как угрозу безопасности и национальной целостности СССР.

Вместе с тем в 1995–2012 гг. появились некоторые публикации в бумажных, и особенно электронных СМИ, прямо обвиняющие КГБ СССР в создании народных фронтов. Об этом же говорится в фундаментальной монографии А.В. Островского[126]. Однако все эти предположения базируются на одном-единственном факте: идею народных фронтов в 1987 году выдвинул в газете «Московские новости» Б.П. Курашвили – профессор Института государства и права АН СССР и полковник КГБ СССР. Кроме того, обращает на себя внимание интересное совпадение по времени двух событий. Статья профессора Курашвили появилась 6 марта 1988 года[127], а 13 апреля идея создания народного фронта Эстонии (НФЭ) была озвучена на эстонском телевидении. В этот день в передаче эстонского ТВ «Mõtleme veel»[128], в которой обсуждалась тема использования

гражданской инициативы для защиты перестройки и гласности, Эдгар Сависаар предложил создать в Эстонии демократическое движение – Народный фронт Эстонии – в поддержку перестройки. Этой же ночью 15 членов инициативной группы, оставшись в студии, написали декларацию о НФЭ. В основу идейных позиций НФЭ были положены требования (документы) Объединенного пленума правления творческих союзов Эстонии (1–2 апреля 1988 г.). 15 апреля Марью Лауристин и Виктор Пальм создали вторую инициативную группу – в Тарту. В тот же день, вечером в Таллине и 14 апреля 1988 года в Тарту, возникли инициативные группы по созданию Народного фронта. 30 апреля 1988 года газета «Edasi» опубликовала Декларацию НФ, принципы и цели движения. В ней впервые открыто отрицалась руководящая и направляющая роль КПСС, что вступало в противоречие с Конституцией СССР. Первоначально НФЭ не ставил своей целью отделение Эстонии от СССР, ибо, как говорил Рейн Таагепера, «думать о независимости – это еще не означает требовать ее немедленного достижения»[129]. 14 мая на основе Таллинской и Тартуской инициативных групп был создан Временный инициативный центр НФЭ.

1–2 октября 1989 года состоялся конгресс НФЭ Эстонии, приветствие которому отправил М. Горбачев и на котором выступил первый секретарь КПЭ В. Вяляс, заявивший: «Компартия хочет видеть в НФЭ массовое общественное движение, которое может вместе с партией принять на себя ответственность за переход от сегодняшней к завтрашней Эстонии»[130]. В целом до ноября 1988 года идеи полной независимости в деятельности НФЭ еще не становятся общепринятыми. Летом 1989 года один из основателей НФЭ, академик ЭССР В. Пальм, писал: «На последней сессии Верховного Совета Эстонской ССР было принято решение по поводу пакта Молотова – Риббентропа, чем было положено начало решению этого вопроса на уровне официальной политики. Означает ли это безусловную постановку вопроса о полной государственной самостоятельности Эстонии? Нет, не означает»[131]. Если посмотреть на программу и хартию Народного фронта, то и там мы не увидим радикальных лозунгов ПННЭ. В общей программе НФЭ отмечено: «Главной целью НФЭ является развитие сознания народа, политической культуры и гражданской инициативы, а также создание механизма демократии, чтобы способствовать возникновению базирующегося на фактическом народовластии и уравновешенной экономике общества, где обеспечены все права человека»[132].

Создание НФЭ привлекло в него широкие круги партийно-государственной номенклатуры Эстонии и тех весьма

многочисленных представителей интеллигенции, которые видели в этой организации потенциал для мирного и постепенного обретения независимости. Отношение КПСС и КПЭ к НФЭ оказалось более чем толерантным. На первом конгрессе НФЭ с приветствием к делегатам обратился первый секретарь ЦК КПЭ В. Вяляс. Более того, он передал приветствие участникам форума от М.С. Горбачева. Отметим также то, что в этот момент около половины делегатов были членами КПЭ.

Постепенно менялась атмосфера и в Компартии Эстонии. 4 мая 1989 года в Таллине прошел 14-й пленум ЦК КПЭ. Выступление первого секретаря В. Вяляса было жестким и критичным по отношению к центру. В. Вяляс сказал, что «Эстонская ССР должна стать формой государственности эстонцев», и отметил, что эстонские коммунисты в составе иных организаций идут к этой цели[133]. Этот пассаж был адресован НФЭ и был в целом воспринят с благодарностью. Именно в этом была специфика начала эстонского пути к независимости. В то время как во многих партийных организациях РСФСР еще господствовали стереотипы «перестройки», в Эстонии коммунисты, включенные в массовые народные движения, готовились к ликвидации своей партии и созданию нового государства.

Конечно же, подобная эволюция КПЭ не могла устроить всех. В результате летом 1988 года в республике формируется Интернациональное движение трудящихся Эстонской ССР (Интердвижение), а поздней осенью – Объединенный совет трудовых коллективов (ОСТК).

16 ноября 1988 года Верховным Советом Эстонии принята декларация о суверенитете Эстонии. В декларации провозглашено верховенство законов ЭССР над союзными законами. Законы СССР, согласно декларации, действуют в Эстонии только после их утверждения Верховным Советом ЭССР. Авторы этого документа фактически предлагали Москве подписать союзный договор, который бы четко разделил полномочия республик и центра. Возвращаясь к вопросу о «финляндизации», следует отметить, что именно этот момент надлежит считать последним предложением центру, позволяющим сохранить республику в составе СССР, пусть и в полуконфедеративном статусе. 17 июня 1989 года ОСТК ЭССР принимает платформу к пленуму ЦК КПСС по межнациональным отношениям, в которой подчеркивается необходимость пролетарского интернационализма, недопустимость дискриминации по национальному признаку. В этом документе проблемы межнациональных отношений в Эстонии объясняются отступлением от «ленинских принципов

национальной политики», связанным с «командно-административной системой, волюнтаризмом и психологией застоя»[134]. Таким образом, абсолютное большинство сторонников независимости Эстонии объединилось на платформах ПННЭ и НФЭ, сторонники ЭССР вошли в Интердвижение и ОСТК. КПЭ утратила политическое и идеологическое единство и вступила в стадию общей деструкции. Так завершился первый этап движения Эстонии к независимости.

Отношение к политическому статусу будущей Эстонии, %[135]

Мнения	Эстонцы				Неэстонцы			
	1989		1990		1989		1990	
	апрель	сентябрь	январь	май	апрель	сентябрь	январь	май
Эстония должна остаться республикой в составе СССР как союзное государство	2	2	0	0	54	37	20	21
Эстония должна стать суверенной Республикой в составе СССР (в рамках конфедерации)	39	31	15	2	25	47	52	46
Суверенная Эстонская республика должна быть вне рамок СССР	56	64	81	96	5	9	17	26
Затрудняются ответить	3	3	1	2	16	7	1	7

В дальнейшем ситуация быстро радикализировалась. Любое событие политического календаря обыгрывалось в интересах

пропаганды независимости. Центр не успевал или не мог реагировать на все новые действия Эстонии. Театральный деятель, режиссер, драматург и политик Яак Алик так оценивал позицию М.С. Горбачева в конце 1989 года: «…в вопросе вопросов – о сохранении СССР как державы и единства партии – непоколебимо придерживается правых позиций»[136]. 12 ноября 1989 года принимается Постановление Верховного Совета Эстонской Советской Социалистической Республики «Об историко-правовой оценке событий, имевших место в Эстонии в 1940 году». Документ фактически поддержан ЦК КПЭ. При этом из документа однозначно следует, что Эстония была оккупирована СССР. Политики и общественные деятели, не разделяющие подобную точку зрения, подвергаются жесткой критике вплоть до сегодняшнего дня. Лишь очень немногие, к примеру академик ЭССР и один из лидеров русской секции НФЭ М. Л. Бронштейн, могут себе позволить иную позицию: «После ознакомления с секретными протоколами к пакту Молотова – Риббентропа не могло быть сомнений, что Эстония в 1940 г. была насильно инкорпорирована в состав Советского Союза»[137].

В январе 1989 года вступил в силу закон «О языке». Этот закон, принятый Верховным Советом ЭССР, объявил эстонский язык государственным, однако за русским языком сохранился статус языка межнационального общения. В дальнейшем положения закона многократно изменялись. В свете современной ситуации с русским языком в Эстонии не будет большим преувеличением считать закон о языке в версии 1989 года идеальным документом, полностью соответствующим всем стандартам Совета Европы и требованиям демократических организаций.

Ко второму этапу оформления государственной независимости следует отнести сложную и последовательную процедуру движения к новому (старому) государственному флагу. Национальные цвета, но не флаг открыто использовались на Тартуских днях охраны памятников старины в апреле 1988 г. Тогда каждый цвет развевался на отдельном флагштоке (!). 2 июня 1988 г. Совет уполномоченных Эстонского общества охраны памятников старины принял декларацию «Об эстонских национальных цветах и эстонском национальном флаге».

23 июня 1988 г. был опубликован Указ Президиума Верховного Совета ЭССР «О государственной и национальной символике в ЭССР», которым синий, черный и белый были признаны эстонскими национальными цветами. Указом от 20 октября 1988 г. сине-черно-белый был признан национальным флагом. Одновременно подчеркивалось, что национальный флаг

не заменяет государственного флага. Им оставался по-прежнему флаг ЭССР. Однако 24 февраля 1989 г. на башне Длинный Герман вновь поднят сине-черно-белый флаг Эстонии, пока еще в качестве национального флага.

Для восстановления статуса сине-черно-белого флага как государственного флага было принято еще два правовых акта: 8 мая 1990 г. Верховный Совет Эстонской ССР принял закон о символике Эстонии, которым устанавливалось, что «… государственные цвета Эстонии – синий, черный и белый. Внешний вид Государственного флага… определяется законом», а 7 августа 1990 года Верховный Совет Эстонской Республики принял закон о Государственном флаге и государственном гербе, которым постановлялось использовать в качестве государственного флага Эстонской Республики действовавший в Эстонии до августа 1940 года государственный флаг[138]. Таким образом, с апреля 1988 года до августа 1990 года общество охраны памятников и ПННЭ своими последовательными инициативами способствовали радикализации общественных настроений в Эстонии, постоянно перехватывая инициативу у НФЭ.

Однако для организации массовых акций требовался потенциал НФЭ. Это доказали **события 23 августа 1989 года – т. н. «Балтийская цепочка».** Эта массовая совместная акция народных фронтов республик Прибалтики, проведенная в 50-летнюю годовщину подписания пакта Молотова – Риббентропа, собрала около 1 млн человек, создавших живую цепь от Таллина до Вильнюса длиной около 600 километров. Участники мероприятия скандировали лозунг: «Свободу Прибалтике!» Это был безусловный триумф народных фронтов, пик их влияния. Впрочем, **кто, как, с помощью чего и за чей счет организовал это мероприятие, остается неясным.** Даже в 2016 году скоординированно вывести на улицу хотя бы 10 тыс. человек – серьезная задача.

В дальнейшем политическую инициативу перехватило так называемое «Движение комитетов граждан». Инициатива исходила из кругов наиболее радикально настроенных участников общества охраны памятников и ПННЭ. **Цель движения – достижение независимости на основе преемственности, т. е. восстановлении Эстонской Республики 1940 года.**

24 февраля 1989 года Эстонским обществом охраны памятников старины (ООПС), Партией национальной независимости Эстонии (ПННЭ) и Эстонским Христианским Союзом (ЭХС) было основано Движение комитетов граждан (КГЭ).

На митинге была оглашена декларация Эстонского общества охраны памятников старины, в которой, в частности, говорилось, что «правовая и идейная преемственность Эстонской Республики не прерывалась. Восстановление самостоятельного и независимого Эстонского государства нравственно неизбежно как для Эстонии, так и для Советского Союза». Одновременно всех, кто 17 июня 1940 года состояли в гражданстве Эстонии, и их потомков призвали создавать в городах и волостях Комитеты граждан Эстонии и созвать Конгресс Эстонии, который обсудил бы вопросы самоопределения Эстонии. Выборы Конгресса Эстонии начались 24 февраля 1990 года и продолжались и в следующие дни. Всего выборы проходили пять дней. В выборах приняли участие 591 508 граждан Эстонии и 34 345 ходатайствующих о гражданстве. Народный фронт представляло 107 депутатов, Общество охраны памятников старины – 104, ПННЭ – 70 и КПЭ – 39. Большинство же получили независимые, или те, кто на бланке не указал свою организацию. Конгресс Эстонии собрался в концертном зале «Эстония» 11 марта 1990 года.

Конгресс принял «Декларацию о полномочиях и правомочности Конгресса Эстонии» и «Декларацию Конгресса Эстонии о восстановлении законной государственной власти на пространстве Эстонской Республики». Центральным документом второго дня стала «Программа действий Конгресса Эстонии по восстановлению независимости Эстонской Республики». В ней отмечалось, что именно Конгресс Эстонии является восстановителем законной государственной власти в Эстонии. Для восстановления независимости следует прекратить оккупацию. **Вопросы государственного и международно-правового статуса Эстонской Республики в переходный период входят в исключительную компетенцию Конгресса Эстонии**[139]. **При этом Верховный же Совет ЭССР и созданные им самоуправления были названы местными административными учреждениями оккупационной власти.**

В программе указано, что вплоть до восстановления конституционного представительного собрания Эстонской Республики у переходного правительства должен быть мандат Конгресса. Эстонская Республика будет восстановлена тогда, когда соберется конституционное народное представительство – Рийгикогу[140],[141].

Таким образом, в Эстонии сложилась достаточно сложная политическая структура:

1. КПЭ, эволюционирующая в направлении поддержки НФЭ, т. е. центристской позиции, и постепенно утрачивающая

реальную власть.

2. Верховный Совет ЭССР, НФЭ, предпочитающие встраивать движение к независимости в общий контекст политической эволюции СССР и ориентированные на создание «третьей республики».

3. ПННЭ и Конгресс Эстонии, неуклонно наращивающие свой политический потенциал и ориентированные на быстрое, бескомпромиссное движение к независимости на базе концепции правопреемства будущего Эстонского государства республике 1920-1940 гг.

Важно отметить, что с проведением Конгресса Эстонии направление на правовую преемственность одержало предварительную победу над путем так называемой «третьей республики». И хотя в дальнейшем борьба между этими двумя направлениями продолжалась, **государственность Эстонии была все-таки восстановлена на основании правовой преемственности республике 1920–1940 гг.** Во многом это произошло потому, что антисоветский потенциал проявился не сколько в «старых», сколько в «новых» людях, сформированных уже советской эпохой, прошедших через всю систему нашего идеологического воспитания – у бывших комсомольских работников (едва ли не большинство современных антикоммунистических лидеров – бывшие комсомольские работники), коммунистов, детей эстонских революционеров[142]. Сближение двух направлений произошло весной 1990 г., когда Верховный Совет Эстонской ССР признал государственную власть СССР в Эстонии (т. е. фактически сам себя как часть этой власти) незаконной. Был объявлен переходный период, который должен был совместными усилиями с Конгрессом Эстонии закончиться восстановлением эстонской государственности[143].

23 февраля 1990 года принимается Постановление Верховного Совета ЭССР «О подготовке к государственной независимости Эстонии». 8 мая 1990 года принимается закон ЭССР о символике Эстонии.

В марте 1990 года прошло первое заседание Конгресса граждан Эстонии. На Конгрессе был избран Комитет Эстонии – руководящий орган Конгресса. Формирующиеся и существующие политические элиты Эстонии – Верховный Совет, КПЭ и НФЭ – не сразу смогли понять, что проиграли в политической борьбе своим оппонентам, причем навсегда. С марта 1990 года вышеуказанные структуры утратили возможность выступать с политическими инициативами и фактически реализовывали повестку дня, сформированную Комитетом Эстонии. Более того, Верховный Совет фактически пал жертвой созданных им политико-правовых

конструкций. Признавая факт оккупации, руководители Эстонии не сразу поняли, что они фактически подписали себе политический приговор. Действительно, если Эстония оккупирована в 1940 году, то Верховный Совет и все остальные Советы – не более чем органы оккупационной власти, а КПЭ – партия, состоящая из коллаборационистов (большинство) и оккупантов (меньшинство).

Лидеры НФЭ признали поражение не сразу. Возникла дискуссия о том, что делать с дипломами и званиями, должностями и правами собственности, считать ли действительным брак, зарегистрированный «оккупационными» органами. Идеологи Комитета Эстонии подошли к поставленным вопросам творчески, внедрив в общественное сознание концепцию избирательного правопреемства и сделав акцент на правопреемстве власти и территории.

С нашей точки зрения, на этом заканчивается второй этап движения Эстонии к независимости.

В конце марта 1990 года Коммунистическая партия Эстонии переживает раскол. Большинство компартии во главе с Вайно Вялясом, выступавшее за суверенитет Эстонии, заявляет о выходе КПЭ из состава КПСС. С июня 1990 года КПЭ носит название Коммунистическая партия (самостоятельная) Эстонии. В этом качестве она проводит 21-й (26 января 1991 г.) и 22-й (28 ноября 1992 г.) свои съезды. На 22-м съезде КП(с)Э принимает название Демократическая партия труда Эстонии. Просоветская часть компартии продолжает действовать под именем Коммунистическая партия Эстонии (на платформе КПСС). 26 марта 1990 года треть делегатов 20-го съезда КПЭ, несогласных с объявлением самостоятельности партии, объявили о продолжении работы съезда и избрали секретарями ЦК Александра Гусева и Павла Панфилова. В июне 1990 года она приняла название «Коммунистическая партия Эстонии (КПСС)» (Eestimaa Kommunistlik Partei). На 21-м съезде КПЭ (КПСС), проходившем 15 декабря 1990 года, первым секретарем ЦК был избран Лембит Аннус. Партия выступала против выхода Эстонии из состава СССР, в августе 1991 года была запрещена властями Эстонии за поддержку ГКЧП. Интересно также то, что «эстонские коммунисты были так же осторожны, как и их Народный фронт. Независимая Компартия Эстонии так “до конца” и не вышла из КПСС, так что в последнем политбюро ЦК КПСС, состоявшем из руководителей компартий союзных республик, было два эстонца – первый секретарь ЦК независимой Компартии Хейн-Арно Силлари и первый секретарь ЦК КПЭ (платформа КПСС) Лембит Аннус»[144].

16 мая 1990 года принимается Закон Эстонской Республики (уже не советской и не социалистической) «Об основах временного порядка управления Эстонией», основанный на идеях Конгресса граждан.

В марте 1991 года в Эстонии прошел референдум по вопросу восстановления независимости Эстонской Республики. Референдум проводился по всей Эстонии. За восстановление независимости Эстонской Республики проголосовало 78 % всех участников референдума. В этом же месяце Эстония бойкотировала всесоюзный референдум о сохранении СССР. Москву уведомили: в связи с тем, что на республиканском референдуме большинство высказалось за восстановление независимости Эстонии, участвовать в референдуме о сохранении СССР нет необходимости.

20 августа 1991 года Верховный Совет Эстонской Республики принял «Решение о государственной независимости Эстонии». Было объявлено о восстановлении самостоятельности государства как de jure, так и de facto. Для разработки основного закона было решено образовать Конституционную Ассамблею на основе равноправного представительства депутатов Верховного Совета и членов Комитета Эстонии. Это оказалось возможным в силу того, что руководство России, не задумываясь о последствиях своих действий, вступило в конфронтацию с М.С. Горбачевым. Дипломат С. Тэлботт и историк М. Беншлосс писали в своей работе «На самом высоком уровне»: «Борис Ельцин полетел в Таллин, где подписал “пакт о взаимной поддержке” с Прибалтийскими республиками и выступил с обращением к “солдатам, сержантам и офицерам, нашим соотечественникам, призванным в армию на территории Российской Федерации и находящимся сейчас в Прибалтийских республиках”. Он предупредил войска, что им скоро могут “дать приказ выступить против законно созданных государственных органов, против мирного гражданского населения, защищающего свои демократические завоевания”. Ельцин сказал, что любой такой приказ будет “противозаконным”».

Тем не менее переходный период мог продолжаться достаточно долго, если бы не «августовский путч» в СССР. Даже в июле 1991 года, опираясь на армию и частично на русскоязычное население, Москва могла сохранить контроль над Прибалтикой. Однако **20 августа не только не был подписан новый союзный договор, но три прибалтийских государства реально установили контроль над собственной территорией.** Новую ситуацию юридически оформили достаточно быстро. В Указе Президента РСФСР от 24 августа 1991 года № 81 «О Признании

государственной независимости Эстонской Республики» было сказано: **«В связи с решением Верховного Совета Эстонской Республики об объявлении государственной независимости признать государственную независимость Эстонской Республики».** В своем интервью радиостанции «Свобода» (13.07.2001, программа «Континент Европа», 18:48) А. Рюйтель (председатель Верховного Совета Эстонии в августе 1991 года) указал, что на подготовку президентского указа Ельцина о независимости Эстонии ушло полчаса.

Забегая вперед, отметим, что российская дипломатия все последующие годы будет сталкиваться с правовыми последствиями этой безграмотной формулировки. Дело в том, что в указанном решении Верховного Совета Эстонии содержится ссылка на Тартуский договор 1920 года. Получилось, что Россия косвенно признала действительность договора 1920 года, а значит, и факт «оккупации и аннексии». Соответственно, все русскоязычные жители Эстонии, прибывшие туда после 1940 г будут считаться «оккупантами», а бывшие российские военнослужащие – «военнослужащими оккупационной армии», которых можно будет на законных основаниях депортировать из Эстонии, а Печорский и часть Кингисеппского района РФ – незаконно «оккупированными» Россией[145].

Следующий, но не последний шаг к независимости был сделан в Эстонии 21 августа 1991 года. В постановлении Верховного Совета была признана независимость де-факто, строго говоря, уже повторно, и была образована Конституционная Ассамблея из членов Верховного Совета Эстонской Республики и Конгресса граждан, т. е. из представителей выборного высшего республиканского органа власти и общественной организации[146].

Вот именно этот момент и следует считать ключевым для политической истории современного Эстонского государства. Верховный Совет признал свою ограниченную легитимность в силу того, что являлся правопреемником Верховного Совета 1940 г. и тем самым не мог создать условия для выборов правопреемственного последнему Рийгикогу (Государственному собранию) нового органа управления страной. В этом же документе (постановлении Верховного Совета) определена последовательность действий – сначала принятие новой Конституции, затем выборы нового парламента[147].

17 сентября 1991 года Эстония стала полноправным членом ООН.

Выборы президента и членов Государственного собрания состоялись 20 сентября 1991 года. На первых выборах в

Рийгикогу в восстановившей независимость Эстонской Республике ПННЭ получила 10 депутатских мест и вошла в правительственную коалицию. Новая Конституция Эстонской Республики была принята на референдуме 28 июня 1992 года.

Лишь 7 октября 1992 года была принята «Декларация Государственного собрания о восстановлении конституционной государственной власти». В документе отмечено: «Государственное собрание провозглашает: объявленный в марте 1990 года переходный период в Эстонии завершился. Конституционная государственная власть в Эстонской Республике восстановлена»[148].

Таким образом, не в августе 1991-го, а в октябре 1992 года реально заканчивается реституция ad integrum Эстонской Республики[149].

Подведем некоторые итоги.

1. Политические процессы, проходившие в Эстонии в 1987–1992 гг., являются важной составной частью общих процессов распада СССР. Попытка исследовать проблему в целом, не разобравшись с ее составными частями, контрпродуктивна.

2. Федерацией являлся не только СССР, в этом качестве существует и Россия. Проблемы сепаратизма продолжают быть актуальными для нас, и поэтому любой опыт территориально-политических трансформаций должен быть тщательно изучен.

3. Современная внешняя политика Эстонской Республики не может быть правильно понята без анализа исторических предпосылок ее возникновения. Эта формула в той или иной степени справедлива для любого государства, однако для внешней политики Эстонии, и особенно для эстонско-российских отношений, это фактически универсальный исследовательский подход.

4. Политические системы государств Прибалтики носят лишь формально многопартийный характер. Да, «маловероятна победа и формирование правительства представителями одной партии. Поэтому, учитывая необходимость создания коалиции, большое значение для анализа возможности существования межпартийного консенсуса представляют программы конкретных политических партий»[150]. Впрочем, концепция «оккупации», обкатанная в 1987–1992 гг., надежно обеспечивает маргинализацию реальных оппонентов. Оппозиционное «Согласие» способно работать в национальном масштабе и возглавить правительство, но политическая система Латвии подобные возможности исключает де-факто, однако, конечно же, не де-юре. Эстонские центристы устойчиво контролируют Таллин, «Согласие» – Ригу. В «большую» национальную политику им

никто не даст пропуск.

Хронология принятия деклараций о суверенитетах союзных республик

Республика	Провозглашение суверенитета	Провозглашение независимости	Официальное признание независимости Советским Союзом	Официальное признание независимости Россией
Эстонская ССР	16 ноября 1988 г.	20 августа 1991 г.	6 сентября 1991 г. – Постановление Государственного Совета СССР № 3-ГС «О признании независимости Эстонской Республики»	Указ Президента РСФСР от 24.08.1991 № 81
Литовская ССР	18 апреля 1989 г.	11 марта 1990 г.	6 сентября 1991 г. – Постановление Государственного Совета СССР № 1-ГС «О признании независимости Литовской Республики»	Литовская формулировка: «Договором об основах межгосударственных отношений 29 июля 1991 г. Литва и Россия признали друг друга суверенными государствами по государственному статусу, закрепленному в главных актах, принятых Литовской Республикой 11 марта 1990 г. и Российской Федерацией 12 июня 1990 г.» **URL:** http://ru.mfa.lt/ru/ru/dovro-pozhalobat-j-b-litbu/litba-i-/politicheskoe-sotrudnichestbo

				Российская формулировка: «Независимость Литовской Республики признана Постановлением Государственного Совета СССР 6 сентября 1991 г. Дипломатические отношения между Литвой и СССР установлены 9 октября 1991 г.» URL: http://www.lithuania.mid.ru/ros_lit.html

Глава 3. Экономическая «модель» государств Прибалтики

Рассматривая вопрос об экономических моделях с привязкой к конкретным странам или регионам, следует помнить о том, что любая экономическая модель – это упрощенное изображение ключевых экономических процессов. Попытка сравнения национальных экономических моделей, как правило, показывает то, что двух одинаковых подходов к макроэкономическому регулированию нет. Однако выявление экономических моделей позволяет определить ключевые особенности функционирования национального хозяйства, и на основе этого предсказывать будущее не только в экономике, но в конечном счете и в политике. Возможность предвидеть, смоделировать изменение цен на рынке недвижимости, динамику экспортных и импортных операций, благосостояние домохозяйств не может опираться лишь на интуицию. Выявление «модельных» признаков позволяет более точно определить динамику ключевых экономических показателей.

Основные критерии для определения специфики разных рыночных моделей, – как правило: формы собственности (доля государственной и частной собственности в объеме ВВП), социальная политика и формы вмешательства государства в экономику.

Вопрос о роли государства в современной экономике является одним из важнейших. Официальная позиция Организации экономического сотрудничества и развития такова: «Правительства отвечают за продвижение экономического роста и социальных преобразований, предоставление товаров и услуг, регулирование поведения предприятий и отдельных лиц и перераспределение дохода». Назвать ее либеральной или кейнсианской не представляется возможным, т. к. подобное определение не дает ответа на вопрос о том, как измеряется и как регулируется роль государства в экономике. Отметим и то, что после мирового экономического кризиса большое количество государств – от США до Эстонии и Латвии – увеличили государственное участие в экономике. По мере купирования кризиса этот сектор несколько уменьшился. Такую ситуацию можно проследить на примере Швеции, Германии, чьи экономические модели хорошо изучены и часто служат примерами для подражания, в т. ч. в Прибалтике.

Нам необходимо дать объективную оценку места

экономических систем различного типа. Это связано с тем, что достаточно часто объективное исследование национальных экономических моделей заменяется на навешивание идеологических и политических ярлыков. К примеру, что означает термин «демократическая экономика»?[151] Неужели то, что ключевые экономические решения принимаются по результатам всенародного обсуждения? Ответ достаточно очевиден. Все три системы хозяйствования рациональны с той точки зрения, что они ориентированы на решение главной задачи экономики – максимизации удовлетворения потребностей имеющимися ограниченными ресурсами.

Отметим также то, что экономики государств Прибалтики не могут относиться к классической либеральной модели хозяйствования, т. к. она прекратила свое существование примерно тогда, когда начала формироваться государственная экономическая модель Эстонии, Латвии, Литвы – в конце 20-х гг. XX века. Равным образом классическая кейнсианская модель к современной экономике государств Прибалтики не имеет отношения[152]. Рассмотрим основные экономические модели, характерные для стран с развитой экономикой.

Современная американская неолиберальная модель характеризуется не только долей госбюджета в ВВП, более важен объем расходов государства на удовлетворение социальных потребностей граждан. Это связано с высокой долей частной собственности, высокой покупательной способностью и уровнем доходов граждан. Влияние государства на экономику осуществляется посредством косвенных мер государственной бюджетно-финансовой политики, налоговой системы, направленных на формирование рационального предложения при помощи регулирования цен и торможения инфляционных процессов. Подчеркнем, в отличие от государств Прибалтики такой подход имеет давние исторические традиции, ресурсные и географические предпосылки.

Немецкая версия неолиберальной модели гораздо менее критична к государственному участию. Хозяйственная практика направлена на воспроизводство условий ограниченно свободной конкуренции. Такая конкуренция предполагает то, что рост рынка происходит на основе следующих принципов: рынок для всех, благосостояние для всех, а общий рост экономики сопровождается ростом доходов большинства субъектов рынка и покупательной способности денежной единицы.

Важными формами влияния государства на развитие экономики в рамках немецкой модели являются кредитно-денежная и валютно-финансовая системы регулирования.

Влияние на уровень цен, структуру спроса и предложения осуществляется посредством поддержки оптимального соотношения между величиной совокупного заемного капитала и величиной капитала, занятого в промышленности и торговле, через связанную с ним величину кредитного процента. Важно обратить внимание на то, что немецкая модель хозяйствования построена на согласовании интересов всех субъектов рыночной экономики, в т. ч. влиятельнейших профсоюзов. Именно этот принцип положен в основу системы государственного регулирования экономики. Мощные предпринимательские союзы, «сталкиваясь» с влиятельными профсоюзами, вынуждены привлекать государство даже там, где без этого можно было бы обойтись. Важнейшую роль в немецкой модели хозяйствования играет политика доходов и занятости трудового населения.

Немецкая модель близка шведской модели с ее социальной направленностью. Объектом государственного регулирования выступают трудовые отношения на общенациональном уровне. За счет государственного бюджета обеспечивается высокий уровень удовлетворения социальных потребностей населения посредством трансфертных платежей. Однако для этой модели характерны и определенные противоречия между политикой государства по поддержке высокого уровня занятости, реализации социальных программ и возможностями обеспечения высоких темпов роста экономики, повышения эффективности хозяйствования[153].

Швеция занимает третье место в мире по интегральному показателю государственной институциональной способности, рассчитанному по показателям Worldwide Governance Indicators, при этом доля совокупных расходов госсектора в ВВП – 50, 62 %, существенно больше, чем в любом прибалтийском государстве. Высокий уровень налогов в этой стране влечет за собой повышение цен на отечественные товары, что обусловливает некоторую замкнутость этой системы, необходимость защиты внутреннего рынка от экспансии более дешевых товаров из других стран и активную внешнеторговую политику. Кроме того, низкий уровень доходности капитала способствует его перетоку в другие страны. Именно это – одна из причин захвата шведским банковским сектором государств Прибалтики – здесь просто более благоприятная экономическая среда, практически лишенная ограничений, связанных с социальной политикой.

Либеральная и неолиберальные модели сами по себе не являются «плохими» или «хорошими». В рамках данного исследования мы исходим из того, что они могут быть весьма успешны, в том случае если они адекватны историческим, географическим, политическим предпосылкам и стартовому

экономическому капиталу. Именно этот вопрос следует рассмотреть применительно к государствам Прибалтики.

* * *

Для Прибалтики, которая была, есть и будет частью Восточной Европы, вопросы модернизации следует рассматривать в соответствующем региональном контексте. Переход Восточной Европы и республик СССР к новому качеству экономического развития был обусловлен всей совокупностью внешних и внутренних факторов развития. Дискуссия могла возникнуть и возникла лишь по вопросу о темпах развития, приоритетах, стратегических целях. Основной экономической целью трансформации провозглашалось повышение уровня и качества жизни населения на основе устойчивого экономического роста. Реализация поставленной цели была связана со следующими задачами.

1. Преодоление кризисных явлений, углубившихся после вступления общества в переходную экономику.
2. Формирование рыночных отношений и рыночной инфраструктуры, включая фондовую, валютную, товарные биржи. Дерегулирование.
3. Финансово-экономическая стабилизация посредством проведения, как правило, жесткой денежно-кредитной политики с целью ограничения инфляции.
4. Использование государства как механизма защиты формирующейся рыночной экономики.
5. Реформирование отношений собственности как основы экономической системы. В том числе реституция собственности и земельная реформа.

Трансформационная, или переходная, экономика представляет собой особое состояние экономической системы, когда она функционирует в период перехода общества от одной сложившейся модели (системы) к другой. При этом главная характеристика системы – это устойчивые взаимосвязи между элементами и подсистемами, состав которых может меняться, не внося при этом дисбаланса в существование системы в целом. Трансформационный период – это временной отрезок, в течение которого общество осуществило радикальные экономические преобразования, а экономика страны перешла в новое, качественно иное состояние в связи с кардинальными реформами экономической системы. С нашей точки зрения, современное состояние экономики Прибалтийских стран позволяет говорить о

завершении процессов радикальной трансформации экономики. (Трансформация политической системы, с нашей точки зрения завершилась существенно раньше, но это не является темой данной главы.)

Следующий принципиально важный вопрос – о соотношении трансформации и модернизации. С нашей точки зрения, любая модернизация это трансформация. Однако обратной связи нет. Трансформация может быть успешной, способствующей социальному и экономическому прогрессу, в этом случае перед нами модернизация. Возможен и иной вариант: трансформации, приведшие к деградации экономической системы. Такие примеры на постсоветском пространстве тоже есть.

Если говорить об экономических системах Прибалтики, то изначально они формировались не просто под лозунгом трансформации и модернизации. Именно здесь ключевым компонентом стала т. н. вестернизация. Отрицание собственного историко-экономического опыта в республиках (государствах) Прибалтики может быть объяснено пропагандистской победой тех ученых и политиков, которые заявляли, что без полноценной вестернизации процветания еще никто не достигал. При этом авторитаризм и тоталитаризм, идеологии и практики коммунизма, фашизма рассматривались как досадные отклонения на светлом пути к цивилизации через вестернизацию. Отрицание вестернизации, в том числе в форме евроскептицизма в государствах Прибалтики до недавнего времени было равносильно маргинализации. Лишь в 2015 году произошло знаковое событие. Распределение Брюсселем миграционных квот вызвало масштабную дискуссию на тему, в какой степени Европейский союз – это не только права, но и обязанности.

* * *

Версии модернизационных теорий, примененные в Прибалтике, предполагали быстрый и эффективный прорыв к евроатлантической экономической системе, основанной на концепции постмодерна и неолиберализма. Однако «ни постмодернистская, ни неомодернистская (включая неомодернизм на этнооснове) теории не объясняют сложностей и особенностей задач, стоящих перед этими странами, не характеризуют перспективу их развития с достаточным учетом их специфики и не позволяют управлять процессами изменений в этих странах»[154]. Единство политических элит государств Прибалтики базируется на тезисе о том, что «существует только

один способ управления современной экономикой»[155], наиболее активно продвигался именно в Восточной Европе, а особенно в государствах Прибалтики. Так началась эпоха трансформации. При этом в государствах Прибалтики игнорировали в общем-то известное обстоятельство: модернизационные проекты могут быть связаны с деградацией традиционных институтов и игнорированием традиционных национальных ценностей. Ситуация начала меняться после 2009 года, а дискуссия о том, всегда ли евроинтеграция благо, возникла еще позже – в 2015 году[156].

В государствах Прибалтики идея прорыва в глобальную и европейскую экономику сформировалась в условиях, когда общество было расколото в этническом и политическом плане, а предельно замкнутые элиты ориентированы на удержание власти без какой-либо внятной программы действий в экономической сфере. С другой стороны, парадоксальным образом советский режим в Прибалтике способствовал не только формированию новой элиты, но и складыванию общегосударственных экономических интересов. М. Олсон, не касаясь специально прибалтийской проблематики, пишет: «…оккупационные власти[157] устраняют узкие спаянные интересы, носители которых в прошлом присосались было к государственной власти. И тем самым освобождается поле для реализации общих и всеохватывающих интересов». Т. е. «в обществе есть носители “сверхохватывающих интересов”, или “сверхинтересов”: группы, которые… при перераспределении дохода от меньшинства в пользу их самих потерпели бы убытки»[158]. Советская партийно-политическая элита в соответствии с декларируемой идеологией и являлась в Прибалтике таким носителем «сверхинтересов», регулируя производство и потребления, обеспечивая экономическую и социальную стабильность. Целесообразно выделить и аспект экономической психологии. «Демонстрационный эффект» западных стандартов качества жизни, превосходящих восточноевропейские, был очевиден. Также следует отметить то, что 25 лет назад значительная часть общества в Прибалтийских республиках СССР действительно была готова к экономическим издержкам обретения независимости. Это стало одним, но не единственным признаком трансформационной модели в этом регионе.

Рассматривая вопрос об оценке российских и европейских подходов к проблематике трансформационного развития, следует признать то, что большинство работ российских политологов, посвященных постсоветским политико-режимным трансформациям написано с четко видимых идеологических

позиций. Политические приоритеты в дискуссиях о трансформационных процессах в Прибалтике также оказались очень существенны. Тем не менее, с нашей точки зрения, трансформационная экономика в государствах Прибалтики характеризовалась рядом ключевых характеристик. Рассмотрим их последовательно.

3.1. Эффект исторической базы как фактор формирования экономической модели

Отвечая на данный вопрос, следует выявить основные характеристики современной экономической модели в государствах Прибалтики. Следует уточнить, какие фундаментальные факторы определяли характер развития экономики Балтийских стран в прошлом. В настоящее время. экономика государств Прибалтики развивается под влиянием ряда исторических эпох. В экономике указанных стран еще прослеживается влияние модели сельского хозяйства имперской эпохи, последствия запуска крупных инфраструктурных проектов советской эпохи.

Социально-экономическое развитие в 20-е – 30-е годы и в последние двадцать пять лет протекало по несколько различным сценариям. При всех сложностях развитие в начале XX века было разновекторным, с ориентацией на западные и восточные рынки. Рассмотрим этот вопрос на примере Эстонии. В 1936 году на каждую тысячу жителей Эстонии приходилось по 136 судовых брутто-регистровых тонн. Это был седьмой показатель в мире после Норвегии, Англии, Голландии, Дании, Греции, Швеции. Построено 3 новых узкоколеки и 1 ширококолейная ж/д – Таллин – Петсери, электрофицирована ж/д – Таллин – Нымме – Раэскюла. Уровень жизни населения был выше, чем в государствах Южной и Восточной Европы, в том числе Латвии и Литве, но отставал от уровня развитых индустриальных стран. Росту экономики дала импульс земельная реформа, были конфискованы крупные землевладения остзейских немцев. В 1919 году был создан Эстонский банк. Важнейшие успехи были достигнуты в сланцевой промышленности. Доля промышленной продукции в эстонском экспорте выросла с 36 % в конце 1920-х до 44 % к концу 1930-х. После 1934 года расширены государственные функции по регулированию экономики. Особенностью экономики Эстонии 1930-х годов стало развитие кооперативного движения.

В 1939 году «Кооперативный союз Эстонии» объединял свыше 3 тыс. кооперативов, насчитывавших 284 тыс. членов. 200 кооперативных банков обслуживали 77 тыс. клиентов, располагали 52 % всех депозитов в стране и выдали 51 % всех ссуд. 314 молочных кооперативов с 32 тыс. членов произвели 98 % масла и 17 % сыра Эстонии[159]. Устойчивыми лидерами во внешней торговли Эстонии были Великобритания, Германия,

СССР, эта многовекторность способствовала относительно стабильному экономическому развитию. Деиндустиализация имела место, но никогда не считалась экономической задачей. Впрочем, ситуация в межвоенные годы была не блестящей: «Нам казалось, что море по колено, и звучала ода солидности и предприимчивости эстонской экономики. Даже тогда, когда идущие впереди увидали разверзшуюся пропасть и стали отступать, в задних рядах возникло небольшое замешательство и зазвучали подбадривающие выкрики и прямые угрозы, чтобы заставить первых идти дальше»[160].

Однако в настоящее время, в последние 25 лет, реализуется модель одновекторной западной интеграции.

В начале 90-х годов XX века наши соседи разработали достаточно сходные модели экономического развития, примерно одинаковые в Вильнюсе, Риге и Таллине. В республиках советской еще Прибалтики осмысление предстоящих реформ началось с ностальгических, а потому и не всегда адекватных воспоминаний о «первых республиках» и создания концепций регионального хозрасчета.

Мифологическое восприятие своей экономической истории стало важнейшим компонентом отрицания настоящего.

Следует отметить, что в канун перестройки, в 1986 г. на одного жителя страны приходилось 5875 рублей стоимости основных фондов. Разброс по этому показателю, между республиками носил характер острейшей диспропорции: с одной стороны, в Эстонии – 8007 р., в Латвии – 6923, Литве – 6111, с другой стороны, и Белоруссии – 5500, Молдавии – 4500, Азербайджане – 3823, Таджикистане – 2291 р.

Еще более ощутимы были возраставшие различия между республиками по уровню заработной платы. В 1940 г. «расстояние» в заработной плате рабочих и служащих в межреспубликанском сопоставлении доставляло 10 рублей, в 1960 г. – 21 рубль, в 1970 – 33, а в 1988 г. уже 78 рублей. Если учитывать только сельское хозяйство, то в сельской местности контрасты были еще более резкими: в 1970 г. оплата труда колхозников в межреспубликанском сопоставлении различалась между верхними и нижними значениями на 74 рубля, а в 1989 г. уже на 159 рублей[161]. Не трудно догадаться, что все лидирующие позиции были заняты Литовской, Латвийской и Эстонской ССР. Интересно и то, что Советская Эстония по этому и другим показателям была впереди Советской Латвии и Литвы. В 2015 году ситуация осталась идентичной. «Реконструкция и расширение производства проводились в Прибалтийских республиках более высокими, чем в других регионах СССР,

темпами, прежде всего потому, что Латвия и Эстония представляют собой резерв квалифицированной рабочей силы для всего Советского Союза. Да и инфраструктура в Прибалтике почти не пострадала во время войны»[162].

В Прибалтийских республиках к 1990 году доля населения, имеющая совокупный доход свыше 300 рублей, была наиболее значительной. Если в целом по СССР этот показатель был на уровне 8,8 %, то в Эстонии он равнялся 19,8 %, Латвии – 14,5 %, Литве – 13,8 %. В этих же республиках уровень бедности был самым минимальным. Доля населения с доходом до 75 рублей в Эстонии и Латвии не превышала 1 %, а в Литве была на уровне 1,2 %. Республики с наибольшей долей бедного населения показали и высший уровень автократии в период постсоветского развития[163].

Получая более высокую отдачу от капиталовложений, центр старался именно здесь размещать новые производственные мощности, которые осваивались быстрее, чем в других регионах. Доля новых основных фондов в республиках Прибалтики была выше, чем в целом по СССР, а материально-техническая база – более современной и менее изношенной. Аналогичная картина наблюдалась и в сельском хозяйстве. Колхозы и совхозы пользовались льготами при распределении фондов удобрений, сельхозтехники и кормов, элитных пород скота, закупленных за рубежом, и т. п. «Сельское хозяйство дотировалось на десятки миллиардов долларов в год за счет экспортировавшейся СССР нефти. Например, от колхозов и индивидуальных крестьян молоко закупалось по 55 копеек за литр, а в магазинах литр молока стоил 22 копейки. То же самое было с мясом и другой сельхозпродукцией. Представляете, какая огромная государственная дотация! Независимому латвийскому государству негде было взять такие деньги»[164]. Для нас очевидно то, что первоначальные экономические успехи государств Прибалтики были во многом, но, конечно же, не полностью обусловлены «советским наследством» в виде инфраструктурного и промышленного потенциала, качества человеческого капитала.

В 1987 году руководство КПСС и Правительство СССР приняли первые решения положившие начало радикальным изменениям системы управления советской экономикой. (Июньский пленум ЦК КПСС.) Трансформация экономики Балтийских стран – Эстонии, Латвии, Литвы – началась не с 1991 года, как ошибочно считает ряд исследователей, а с 1987 года.

Начало политических реформ в Латвии, Литве и Эстонии – 1990 год, однако уже в 1989 году понимание необходимости и

неизбежности реформ стало фактором, консолидирующим общество. Общий характер реформ был очевиден – разгосударствление экономики, сочетающееся с обретением новой территориальной рамки масштаба экономики. С точки зрения экономического управления Прибалтика вышла из СССР еще в 1989 году. Закон СССР от 27.11.1989 «Об экономической самостоятельности Литовской ССР, Латвийской ССР и Эстонской ССР» содержал следующее положение: «Республика на взаимовыгодных и добровольных началах принимает участие в финансировании из своего бюджета общесоюзных (межреспубликанских) научно-технических программ, страховых фондов по охране окружающей среды, а также образовании резервных и других денежных фондов для нормального функционирования союзного рынка»[165]. Это на практике означало одноканальный бюджет, т. е. распад СССР.

Тезис о значимости советского наследства в экономическом развитии был поставлен нами еще в 1991 году[166]. В дальнейшем он неоднократно затрагивался и развивался в ряде работ. К сожалению, наряду с объективными оценками «до советского» развития встречаются и заведомо политизированные оценки. Прибалтика «по уровню экономического развития примерно соответствовала уровню некоторых стран Центральной Европы и Скандинавии»[167]. (?) Однако даже такие «эксперты», считающие, что в довоенном 1938 году уровень жизни в Польше был равен шведскому, признают, что **в советской экономике республик Прибалтики «большинство предприятий выполняли функции социального и культурного обслуживания для занятых на них работников и их семей.**

Сюда относились детские сады, магазины, спортивные центры и центры отдыха, летние лагеря, библиотеки, культурные центры и т. д.»[168].

По мнению коллектива авторов под руководством Григорьева Л.М., «в странах Балтии существовали наилучшие стартовые условия (среди республик бывшего СССР) для построения рыночной экономики. Здесь был накоплен обширный инновационный потенциал. В советские времена регион служил своеобразной лабораторией по совершенствованию хозяйственного механизма.

Международный фонд «Демократия» издал в 2015 году уникальный сборник документов: «Советская модель экономики: Союзный центр и республики Прибалтики. 1953 г. – март 1965 г.». В этой фундаментальной книге, не имеющей аналогов в советской и российской науке, содержится комплекс убедительных доказательств того, что в экономике Прибалтика превратилась в

масштабный инвестиционный проект, обеспечивший опережающее повышение уровня жизни населения[169]. Иными словами, уровень жизни в Прибалтике рос быстрее производительности труда.

Прибалтийские республики всегда были на особом положении в СССР, что выражалось и в объеме средств, направляемых на развитие региона: в 1970–1980-е годы они лидировали по объему инвестиций в основной капитал на душу населения. По этому показателю Эстония фактически находилась на первом месте в СССР: он превышал общесоюзный на 6–8 %. (Формально первое место занимала РСФСР, но здесь концентрировались общесоюзные инвестиции в ВПК, за вычетом которых инвестиции в Эстонии превышали общесоюзные более чем на 15 %.)

Традиционно большими были инвестиции в Латвии, а во второй половине 1980-х годов заметно возросли вложения в экономику Литвы[170].

В республиках Прибалтики продвижение к рыночной экономике обусловлено рядом факторов: существованием основ рыночной экономики до поворота к административно-командной системе; экономическими и историческими связями с Западной Европой; относительной сбалансированностью структуры народного хозяйства; консенсусом среди всех слоев населения в отношении необходимости перехода к рыночной системе.

Оперативно проведен был и ряд ключевых реформ: денежная, ЖКХ, медицинская, местного самоуправления были проведены или начаты до 1993 года. Предпринимательские способности населения и помощь западных стран также способствовали относительно быстрому преодолению кризиса, связанного с распадом хозяйственных связей в рамках т. н. единого народнохозяйственного комплекса СССР. Закономерно и то, что был провозглашен лозунг о переориентации экономики на хозяйственные связи с Западом. Справедливости ради следует отметить, что первоначально руководители советских Прибалтийских республик, а затем и независимых Прибалтийских стран очень осторожно говорили о перспективах экономического развития и подчеркивали необходимость сохранения экономических отношений с Россией.

Понимание ограниченности возможностей в связи с ориентацией на Запад придет позже. В начале 90-х годов все самые ценные объекты государств Прибалтики были скуплены за бесценок западными партнерами. Фактически повторилась ситуация начала 20-х годов прошлого века, когда скандинавские, а затем и немецкие банкиры скупали активы. И в 20-е, и в 90-е

годы у власти не было понимания реальной стоимости продаваемого и уничтожаемого имущества. Оно пришло значительно позже, когда перераспределять было нечего.

Первое десятилетие второй независимости потребовалось для осознания реальной стоимости национальных богатств. Матти Маасикас, замминистра иностранных дел Эстонии, так оценивал советское наследство: «Мы выбрали самый радикальный из всех возможных вариантов экономической реформы. Политические силы, пришедшие к власти в 1992 году, шли на выборы с лозунгом “Очистим площадку от старого!”. Они исходили из того, что советская экономика не оставила Эстонии ничего, чем можно воспользоваться. Все нужно было переделывать или создавать заново, причем быстро и решительно»[171]. Однако только транзит, транспорт и торговля с Россией давали чуть менее половины ВВП. В настоящее время оценки экономического потенциала советских республик несколько изменились, но эта дискуссия приобрела исключительно академический смысл.

Экономическая ситуация в государствах Прибалтики определяется тем, что произошло исчерпание экономического потенциала, полученного от СССР в сочетании с отсутствием внутренних ресурсов развития, за исключением внутреннего потребления, основанного на европейских трансфертах. Вторая важнейшая причина системного экономического кризиса – это отсутствие концепций и стратегий развития национальной экономики. Это закономерно, т. к. не существует национальной экономики, а есть часть экономики Европейского союза, находящаяся в границах Эстонии, Латвии, Литвы. Если это независимость, то только в том смысле, что от Таллина, Риги и Вильнюса уже ничего не зависит. Анализ советских практик экономического федерализма убедительно свидетельствует о том, что Государственные плановые комиссии и правительства ЭССР, ЛитССР, ЛатССР имели существенно больший объем полномочий.

Экономика советской Прибалтики, к примеру Латвии, действительно была уникальной в масштабе СССР. Для этого были исторические предпосылки. К 1914 году промышленность Риги не только была более развита, чем в Гельсинфорсе, Минске, Ревеле. Она не уступала Варшаве, Харькову, Киеву и обладала мощным инновационным потенциалом. В межвоенный период Рига также была промышленным лидером в регионе. Узнаваемость Латвии в мире базировалась не только на знаменитом бальзаме. Мы помним о том, что славный VEF разрабатывал и производил самолеты и мотоциклы, пылесосы и фотобумагу. Закономерно то, что и советский ВЭФ не был обижен зарплатами и орденами. Таких лидеров как минимум союзного

значения в Латвии было не менее 9–10. Уцелели в глобализирующейся экономике немногие, связанные с легкой или пищевой промышленностью: «Дзинтарс», «Огрский Трикотаж», «Latvijas Balzams», или предприятия транспортно-транзитной инфраструктуры. Однако эти бренды в России теряют популярность. Поколение тех, для кого они были символом европейского качества, уходит. Новое поколение россиян предпочитает есть дораду в Испании, лосось в Норвегии, а не салаку в Риге.

3.2. Волатильность ключевых экономических процессов как региональная особенность экономик государств Прибалтики

Большинство экономистов, относящихся к разным экономическим школам, не без оснований отмечают, что быстрый рост не менее, чем быстрое падение, свидетельствует о серьезных структурных и финансовых диспропорциях в национальных экономиках. Этот тезис не относится к начальному периоду реформирования, трансформации национальных экономик. То, что в ходе трансформационного кризиса экономический спад в странах Балтии оказался очень глубоким: –35 % в Эстонии, – 49 % в Литве и –52 %, в Латвии, – закономерно. Эту картину мы наблюдали от Казахстана до Чехии. Столь же предсказуемо то, что первой последствия кризиса преодолела Эстония, которая в 2001 г. вышла на докризисный уровень 1989 г. В результате к началу 2008 г. ВВП страны составил 158 % от этой базы. Экономические успехи Латвии и Литвы существенно скромнее: соответственно 115 и 111 %[172]. Однако кризис 2008 привел к новой дестабилизации. К примеру, за три года (2007–2009 гг.) 10 % рост ВВП в Латвии сменился 19 %-ным падением. Вплоть до настоящего времени мы наблюдаем не только непредсказуемость экономики, но и непредсказуемую волатильность прогнозов[173]. Но и в этом контексте прогноз (2008 года) роста эстонской экономики на 5,6 % в 2009 году претендует на рекорд антинаучности и политизированности.

Рассмотрим душевой ВВП в странах Прибалтики в 2006 и 2007 году. В Латвии он вырос более чем на 33 %. Возникает вопрос, за счет чего? «После десяти лет расцвета, питавшегося бумом строительства, дешевым производством и российским транзитом, Латвии сегодня необходимы новые источники доходов»[174]. Об этом же думают и в Эстонии. Аналитик крупнейшей финансовой группы Скандинавии – Skandinaviska Enskilda Banken (SEB) Рута Арумяэ считает, что экономический спад носит широкий характер и его влияние на потребителей – вопрос времени. Ситуацию могло бы изменить ускорение внешнего спроса, однако признаков такого ускорения нет. Факторы, способствовавшие масштабному кризису, можно разделить на две группы.

Первая группа – внешние факторы. К ним относятся

сформировавшийся дефицит платежного баланса, неконтролируемый приток капитала, игнорирование валютных рисков, раздувание «пузырей» на рынке недвижимости. При всей их значимости, по нашему мнению, список этим далеко не ограничивается, иначе глубина спада была бы на уровне большинства других стран (а мы наблюдали больший спад в рассматриваемом регионе).

Вторая группа – национальные практики. Пытаясь открыть дорогу частной инициативе, к примеру, эстонское прави тельство выбрало путь максимальной либерали зации: абсолютное дерегулирование, свертывание субсидирования любых предприятий, оказавшихся неэффективными в 1991 году, отказ от прогрес сивных налогов. В результате вновь возникший частный сек тор переживал настоящий бум. Каждый год регистрировалось около 15 тыс. новых фирм, правда, разорялось чуть меньшее количество юридических лиц.

Макроориентиром стала политика евроинтеграции любой ценой, с односторонней внешнеэкономической ориентацией стран Прибалтики на партнеров в Европейском союзе и игнорированием экономических возможностей, связанных с восточным вектором политики, с политической деиндустриализацией и деаграризацией экономики, передачей контроля над финансово-кредитной сферой скандинавским банкам.

В течение первых десяти лет такая политика давала хорошие результаты. Однако эксперты во всем мире. в т. ч. и в России, и в Прибалтике, отмечали нарастание кризисных явлений как минимум с середины 2007 года: во второй половине 2007 г. начала нарастать неустойчивость на мировых финансовых рынках, возникло напряжение в банковской сфере, специалисты все чаще стали говорить о возможности замедления темпов роста мировой экономики. Поскольку указанные процессы развиваются в условиях глобализации, когда события даже на периферийных рынках могут серьезно подорвать общую стабильность в мире, для нейтрализации последствий негативных тенденций в таких важнейших секторах экономики развитых стран, как фондовый рынок и банки, потребовались скоординированные действия их денежных властей. На постсоветское пространство проявления кризиса прежде всего пришли в Латвию, Эстонию, Литву (именно в этом порядке). Форсированная интеграция, не основанная на реальных экономических достижениях, не могла продолжаться бесконечно.

В чем же причины глубокого спада 2009 года? С нашей точки зрения, это следствие гипертрофированного развития нескольких

секторов экономики: финансового, операций с недвижимостью и торговли. Экономистом давно известен феномен спекулятивного экономического роста, не обеспеченного развитием реального сектора. При этом в банковской сфере Латвии, Литвы и Эстонии сегодня безраздельно доминируют транснациональные финансовые корпорации Северной Европы. Такая структура банковского сектора – готовый механизм формирования тенденций в прибалтийских экономиках. Выбор направлений предпочтительного кредитования, например, позволяет стимулировать рост тех отраслей, которые не составляют конкуренции материнскому капиталу. Литва, Латвия и Эстония еще несколько лет назад позиционировались как «балтийские тигры»: их экономики, разогретые на доступе к дешевым кредитам, строительном буме, расширении сферы услуг, поддержке из структурных фондов ЕС, демонстрировали «завораживающие»[175] темпы роста. Их считали странами, продемонстрировавшими не просто наиболее успешные на всем постсоветском пространстве результаты европейской интеграции, но и наиболее убедительный пример для всех остальных, раздумывающих над тем, какой геополитический вектор избрать в дальнейшем. Неслучайно именно Прибалтика была «назначена» на роль популяризатора идей программы «Восточного партнерства».

Важно отметить, что даже полный провал указанной политики не привел к пониманию необходимости переосмысления итогов 1991–2009 гг. Вместо этого появилась еще одна книга, содержание которой полностью противоречит экономическим реалиям и частично названию[176]. Во время кризиса экономика Балтийского региона сократилась примерно на 20 %. В 2011 г. страны Балтии продемонстрировали самый высокий рост, составивший в среднем 6,3 %.

Провал по всем экономическим показателям привел к запуску механизма пересмотра прогноза ключевых экономических показателей государств Прибалтики в сторону уменьшения. Так, в 2014 году Danske Bank прогнозировал для Эстонии экономический рост – 1,5 %, а на 2015 – в 1,8 %. Аналогично для Латвии банк прогнозировал 3,7 % экономического роста на 2014 год и 2,6 % на 2015, для Литвы – соответственно 2,4 и 2,7 %[177].

Однако уже согласно утвержденной правительством Латвийской программе стабильности на 2015–2018 гг., в 2015 году рост латвийской экономики планируется в 2,1 %. По прогнозу Банка Латвии, сделанному в конце апреля 2015 года, ВВП в 2015 году может вырасти на 2 %[178]. Напомним, что и Европейская комиссия тоже понизила Латвии прогноз

экономического развития. По мнению Брюсселя, ВВП Латвии в 2014 году вырастет только на 2,6 %. Весной в Брюсселе полагали, что этот рост составит 3,8 %. То есть экономические перспективы Латвии за полгода рухнули в полтора раза. По мнению Европейской комиссии, Латвия оказалась «слишком чувствительна к внешним рискам»[179]. Более того, экономический советник представительства Еврокомиссии в Латвии Мартиньш Земитис в мае 2015 года отметил, что в Латвии в 2016 году предстоит консолидация бюджета в размере 0,3 % от внутреннего валового продукта (ВВП). По его мнению, Еврокомиссия не возражает против планов Латвии увеличить расходы на оборону и провести реформы в здравоохранении, но Латвия не должна тратить больше, чем может себе позволить. «Еврокомиссия не уверена, что у Латвии есть столько денег, сколько она намерена выделить на эти отрасли»[180].

В Эстонии появились более основательные данные о ВВП за 2015 год, в свете которых цифры экономического роста за прошлый год оказываются еще более мизерными[181]. В принципе, ничего удивительного. Каждый прогноз в Прибалтике начинается обещаниями догнать и перегнать Швецию, а заканчивается поиском «виноватых»: «Если в 2014 году рост экспорта свел к минусу недостаточный спрос северных соседей, то в 2015 году причиной этого стал глубокий экономический кризис в России»[182]. Объем расходов госбюджета составит 8,9 млрд евро, что на 4,2 % или на 358 млн евро больше, чем было запланировано на 2015 год[183].

В 2015 году внутренний валовой продукт (ВВП) Латвии в сравнительных ценах по сезонно не выровненным данным увеличился на 2,7 % по сравнению с 2014 годом[184]. В 2015 году ВВП Литвы вырос на 1,6 %[185]. Эти показатели, возможно и выглядят достойно для Румынии. Однако вызвали бы гарантированный правительственный кризис в Польше.

В профессиональной среде складывается понимание того, что ход нормального экономического развития государств Прибалтики нарушен. Если раньше мы говорили о диалектическом взаимодействии экономики и политики, то сегодня политика подчинила экономику своим целям. Золотой век европейской экономики (50-е годы XX века – первые семь лет XXI века) закончился. Европа не будет расти темпами в 3–5 % в течение длительного времени, до смены парадигмы политико-экономического развития. Для нашего случая это означает, что при любых формах поддержки экономики Эстонии, Латвии, Литвы Европейский союз не будет и не может обеспечивать реальное развитие, максимум возможного – удержание

достигнутого.

3.3. Промышленная политика в общей системе экономических приоритетов государств Прибалтики

Сегодня трудно представить, что в Российской империи Рига была одним из крупнейших промышленных центров европейской части, равным Варшаве, Киеву, Харькову. Промышленность Риги специализировалась на высокотехнологичных отраслях и характеризовалась большой долей предприятий с иностранным капиталом, уступая по этому показателю только столице империи. В межвоенной Латвии машиностроение не то чтобы развивалось динамично, но и не исчезло. Авторитарный режим К. Ульманиса способствовал сохранению промышленности, развитию транспорта и энергетики. При этом промышленность практически исчезла в Эстонии и не существовала в этот период в Литве в принципе. Как уже было отмечено, СССР создавал современную промышленность в Прибалтике, исходя из экономических соображений, сокращая издержки и учитывая комплекс факторов региональной экономики.

Бывшие промышленные флагманы-гиганты Латвийской ССР, такие как рижские РАФ, ВЭФ, «Радиотехника», «Альфа», даугавпилсский Завод химического волокна, были приватизированы и обанкрочены в течение 90-х годов. Рижский вагоностроительный завод, лиепайский металлургический, даугавпилсский локомотиворемонтный оказались более успешными, но вектор промышленной политики не оставил для них шансов. В 1990 году рижский вагоностроительный завод можно было назвать ненужным придатком советской экономики и создать для него банкротные условия в 2013 году. В 2015 году очередным провалом закончилась попытка найти для него эффективного инвестора. Развернувшаяся в кругу специалистов дискуссия показала, что инвестора интересуют потенциальные рынки как минимум российского размера. Автосборочный завод «Руссо-Балт» был предприятием иностранного капитала, но собирал машины для всего рынка Российской империи. Рижский вагоностроительный завод как предприятие для латвийского и даже европейского рынка не может быть инвестиционно привлекательным. Единственное крупное промышленное предприятие – бренд Латвийской республики, еще не испытывающее системных трудностей, – это AO Latvijas balzams – более 600 рабочих мест, действительно один из крупнейших экспортеров в Латвии – его продукция отправляется в более чем

30 стран мира, и каждый год осваиваются все новые экспортные рынки.

Результаты деиндустриализации очевидны. Рассмотрим причины. Во-первых, постиндустриальное общество (постмодерн), использующее знания и глобальные электронные технологии в качестве главного ресурса развития, формируется лишь на базе зрелой экономики модерна. Именно таким путем прошла Германия.

«Если скандинавские страны чрезвычайно искусно хеджировали и “социализировали” риски, связанные с развитием научных исследований и опытно-конструкторских разработок (НИОКР), инновациями и модернизацией промышленного производства, то балтийские экономики в 1990-е – начале 2000-х гг. занимались хеджированием и “социализацией” рисков, сопутствующих краткосрочному буму активов и потребления. Первые научились справляться с финансовой нестабильностью и обеспечили долговременный экономический рост, а у вторых не осталось никаких средств для преодоления колоссальной нестабильности, привнесенной в систему стремительным краткосрочным ростом экономики»[186]. Согласно данным Eurostat 2014 г., в Латвии в среднем 23,4 % предприятий были инновативными, в то время как в странах ЕС этот показатель в среднем составляет 52 %. Доля, расходуемая на научные исследования и разработки (R&D), равна 0,46 % от ВВП. Это самый низкий в ЕС объем государственных и частных инвестиций в R&D (для сравнения ЕС (28) – 2,01 % от ВВП)[187].

В-третьих, ставка на деиндустриализацию имела двойной политический подтекст. Рабочие на крупных и средних предприятиях в республиках Прибалтики, как правило, не принадлежали к титульным нациям, при этом были организованы именно по социально-производственному признаку. Разгром промышленности в силу этого стал не экономической, а политической задачей. Далее, реализация либерального проекта неизбежно должна была столкнуться с сопротивлением тех, кто ориентировался на концепцию социального государства, столь популярную в Германии и северных странах. Для этого методика силового подавления профсоюзов, апробированная латиноамериканскими правыми диктатурами, не подходила, либерализация в сочетании с постепенным закрытием восточных рынков дала нужный политический эффект.

Отметим и то, что дискуссия о характере экономического развития в государствах Прибалтики неизбежно проходит в рамках мирового и европейского экономического контекста. Это следует считать абсолютно правильным; сравнивать

макроэкономические условия 2006(7), 2008(9), 2012(13) и 205 гг, методически неверно. Сегодня экономический блок правительств Прибалтики ссылается на неблагоприятную конъюнктуру, подчеркивая, что 2015-й (2016-й) год не показателен. С этим можно согласиться. В начале века Лиепайский металлургический завод или Литовское морское пароходство испытывали сложности, но не находились за банкротной чертой. Сегодня ситуация иная, экс-министр экономики Латвии так оценивает экономическую систему своей страны: «Имеющаяся у нас сейчас – близка к так называемой “китайской системе развития”. Она ориентируется на производство, а инвестиции в ней проводятся в фиксированные средства. В такие, например, предприятия, как Liepājas metalurgs…»[188] Действительно, хороший пример, банкротное предприятие с масштабными долгами государству, в стадии остановки производственной и финансовой деятельности[189]. Что же касается сравнения с китайской моделью, оставим этот сюжет без комментариев.

Для обоснования наших тезисов следует рассмотреть и ключевые бизнес-рейтинги.

Какие предприятия Эстонии входят в десятку самых успешных по версии Äripäev (Деловые ведомости)? Еще раз отметим, речь идет о «междукризисном» 2012 годе.

1. EMT AS – телекоммуникации.
2. BLRT Grupp AS – судостроение.
3. Vopak E.O.S. AS – грузоперевозки.
4. Norma AS – производство пластмасс.
5. Pakterminal AS – транзит.
6. Merko Ehitus AS – строительство.
7. Olympic Entertainment Group AS – развлечения.
8. Elion Ettevõtted AS – телекоммуникации.
9. Swedbank AS – финансы.
10. Henkel Makroflex AS – производство строительных материалов[190].

По результатам ежегодного исследования известности и репутации крупных предприятий, проведенного компанией TNS Emor, Swedbank шестой год подряд признается самым известным крупным предприятием Эстонии[191]. Роль реального сектора видна достаточно четко, т. е. как раз не видна…

Ситуация существенно измениться к 2015 году. Топ-10 Латвии лишился промышленности полностью[192].

1	LATVENERGO, AS – электроэнергетика, распределительные сети
2	SWEDBANK, AS – банковские, финансовые услуги
3	LATVIJAS VALSTS MEŽI, AS – Латвийские государственные леса
4	VENTSPILS NAFTA, AS – транзит
5	LATVIJAS DZELZCEĻŠ, VAS – железные дороги
6	LATVIJAS GĀZE, AS – газоснабжение
7	LATTELECOM, SIA – телекоммуникации
8	SEB BANKA, AS – банковские, финансовые услуги
9	LATVIJAS MOBILAIS TELEFONS, SIA – телекоммуникации
10	OLAINFARM, AS – фармацевтика

В сводном рейтинге для всех трех государств Прибалтики в 2015 году промышленность отсутствует в принципе, как и сельское хозяйство, зато из 10 позиций – 5 под полным контролем иностранного капитала.

Подведем промежуточные итоги. В настоящее время, столкнувшись с указанным явлением общество и государства в регионе ищут новые сугубо нестандартные для государств Прибалтики варианты участия в международном разделении труда[193]. Независимо от результатов для нас очевидно, что, уничтожив промышленность (как, впрочем, и сельское хозяйство), государства Прибалтики не стали современными постиндустриальными странами. Индустриальная цивилизация будет по-прежнему существовать и тогда, когда утопический эксперимент саморегулирующегося рынка уже успеет стать историей. Позиционирование государств Прибалтики в этой неиндустриальной цивилизации маловероятно.

3.4. Неолиберальная социальная политика в системе приоритетов «прибалтийской модели»

Неолиберальный подход, «обосновывающий» целесообразность отказа от любых гарантий государства, пропагандируется в государствах Прибалтики с 2008 года. Ведущий эксперт Swedbank по социальной экономике писал в 2009 году так: «Структуру общественного сектора необходимо преобразовать так, чтобы ее работа стала эффективнее… Передача функций частному сектору. Это не означает, что прежде бесплатные услуги станут платными – государство может передать только выполнение функций, сохранив за собой их финансирование. Перераспределение средств между основными функциями общественного сектора (государственное управление, безопасность, образование и пр.). Структурные изменения в рамках функций общественного сектора, например объединение учреждений. Реформы в рамках организаций общественного сектора с целью повышения эффективности и качества. При этом "обеспечение социальной справедливости – это не только некий гуманистический принцип, но в первую очередь – необходимая предпосылка эффективности экономики"[194].

Реализация структурных реформ не только необходимость, но и возможность. Хотя это понятие сегодня ассоциируется с отъемом и урезанием, целью реформ служит не ухудшение, а улучшение жизни – через какое-то время»[195]. Это время так и не наступило, хотя правительства государств Прибалтики де-юре провозглашают подобные цели. К примеру, в Эстонии: «Цель политики правительственной коалиции в области рынка труда и социальных отношений – рост доходов, качества жизни и социальной безопасности людей. Относительная ставка безработицы 16,5 %. Процент занятости в возрастной группе 20–64 года 72 %»[196]. О какой социальной политике может идти речь, если изначально закладывается подобные параметры безработицы?

«Все эстонские стратегии и программы развития единодушны в том, что налоговая политика должна содействовать экономическому развитию и мотивировать предпринимательство. Из этого следует вывод, что налоги с дохода от предпринимательской деятельности и рабочей силы должны быть низкими»[197]. С точки зрения экономической теории и практики неолиберализма это вполне логично, однако этот подход

категорически не позволяет отнести Эстонию, Латвию к северным странам.

В основе государственной социальной политики государств Прибалтики лежит отказ от концепции «социального государства», предполагающей контракт между государством и гражданским обществом, а конкретно – между государством, работодателями, профсоюзами и общественными ассоциациями и неправительственными организациями. На практике это означало изменение и резкое сокращение изначально развитой системы социальной защиты и социальных гарантий, коммерциализацию здравоохранения. «Изменения в экономической структуре не повысили производительность в намеченном масштабе и тормозят возможности решения внутригосударственных социальных проблем. Эстония по-прежнему тратит на социальную защиту одного жителя менее 40 % аналогичной средней суммы ЕС. Ставка социальной отверженности не сократилась в Эстонии за последнее десятилетие, в группу риска отверженности входит четверть населения»[198]. Swedbank провел анализ расходов жителей Таллина, Риги и Вильнюса на питание и жилье. Анализ показал, что семья из четырех человек, живущая в принадлежащей ей квартире площадью 70 м^2, тратит на еду, жилье и транспорт в Риге 44 %, Вильнюсе 41,5 % и в Таллинне 25,5 % семейных доходов. Семья, состоящая из двух взрослых и двух детей, тратит на минимальную продуктовую корзину, жилье и общественный транспорт в Риге 591, Вильнюсе 513 и в Таллинне 499 евро в месяц[199]. Из стран Прибалтики самая высокая брутто-зарплата в первом квартале 2015 года была в Эстонии – 1010 евро, самая низкая – в Литве, где она составила 700 евро, сообщает LETA со ссылкой на данные Центрального статистического управления Латвии. В Латвии в первом квартале брутто-зарплата составляла 785 евро. По сравнению с 1-м кварталом 2014 года быстрее всего росли брутто-зарплаты в Латвии – на 6,1 %. В Эстонии и Литве годовой прирост зарплат составил соответственно 4,5 % и 4,3 %. Однако в Латвии после уплаты налогов работники получают более низкие зарплаты, чем в соседних странах. Средняя нетто-зарплата в Латвии составила в первом квартале 74 % от брутто-зарплаты, тогда как в Литве – 78 %, а в Эстонии – 81 %[200]. Данный раздел следует закончить программных тезисом британских экспертов, полностью применимым к практике социальной политики государств Прибалтики: «Происходящие сегодня перемены имеют большое значение и не являются просто сокращением уровня предоставления услуг. Концепция разгосударствления тоже не отражает полноты происходящего, хотя во многих странах баланс

обеспечения перешел от государства к “независимому” (частному и добровольческому) сектору»[201].

3.5. Внешнеэкономические факторы постсоветской трансформации в государствах Прибалтики

Как уже было отмечено, первоначально руководители советских Прибалтийских республик, а затем и независимых Прибалтийских стран очень осторожно говорили о перспективах экономического развития и связывали их с необходимостью сохранения экономических отношений с Россией. Была поставлена задача развития транзитного потенциала, и как минимум до 2004–2007 гг. она более-менее решалась. Объем экспорта стран Балтии в Россию в этом году уменьшится из-за санкций примерно на пятую часть, считают аналитики Bloomberg. Снижение экспорта составит от 18 % до 25 %, что обойдется Латвии, Литве и Эстонии примерно в 690 млн евро, прогнозирует Danske Bank. В Латвии экспорт в Россию составляет 6,3 % от общего объема экспорта, в Литве – 4,4 %, в Эстонии – 5,5 % от общего объема. Снижение экспорта будет обусловлено рецессией в России и падением рубля. По мнению экспертов Bloomberg, именно из-за этого развитие экономики Балтии в 2015 году будет более медленным, а экспорт государств Прибалтики в Россию уменьшится в этом году на 18–25 %[202].

Еще один важный момент – учет реэкспорта. Весь экспорт литовских товаров в Россию в 2014 году составил 2,5 млрд литов, между тем стоимость товаров, реэкспортированных из других стран, была в 6 раз больше и превысила 14 млрд литов[203]. К сожалению, в научном и экспертном сообществе не всегда присутствует адекватное восприятие процессов, проходящих в государствах Прибалтики: «Страны Балтии заинтересованы в сохранении торговых отношений с Россией. Для того, чтобы оградить прагматическое экономическое сотрудничество от ухудшающейся атмосферы в высокой политике, потребуются значительные усилия с обеих сторон»[204]. Не понятно, на каком основании сделан подобный вывод, не ясно и на каком основании государства Прибалтики (в т. ч. Литва) отнесены к Северной Европе.

В Эстонии за 2015 год экспорт сократился по сравнению с 2014 годом на 4 %. Таким образом, третий год подряд экспорт товаров снижается – в последний раз он увеличивался в 2013 году[205]. В 2015 году экспорт товаров из Эстонии в текущих ценах составил 11,6 млрд евро, а импорт в Эстонию – 13,1 млрд евро, помимо прочего, дефицит торгового баланса достиг отметки

в 1,4 млрд евро[206].

3.6. Коррупционная составляющая в экономической практике государств Прибалтики

На протяжении 10–15 лет с момента провозглашения независимости Литвы, Латвии и Эстонии как внутри этих государств, так и в научных кругах России в представлении общественности преобладала точка зрения, что им не присущи некие черты восточноевропейской и советской действительности, в том числе определенная склонность к коррупционным схемам. 25 лет назад Литва, Латвия и Эстония достаточно быстро стартовали и провели успешные реформы. Например, в ЖКХ. В Прибалтийских странах реформы в сфере ЖКХ закончились, когда в России о них только начали говорить. В целом, неплохо была проведена земельная реформа. Меньшее количество ошибок и скандалов было с прибалтийской формой приватизации. При этом наблюдатели из Варшавы, Берлина и Лондона видели, что процессы в Прибалтике идут позитивно в сравнении с Москвой, Киевом, Минском, Кишиневом, Тбилиси. На определенном этапе положительное воздействие оказало демонстративное желание Прибалтики позиционировать себя в качестве западных и северных стран. Все это в совокупности работало на пользу этих государств и стало для них своего рода уникальным политико-психологическим ресурсом. В настоящее время мы наблюдаем исчерпание и этого ресурса.

В Прибалтике проблема коррупции стоит достаточно остро. Согласно проведенному недавно опросу компанией Ernst & Young, выяснилось, что 21 % работающих в Латвии, Литве и Эстонии предприятий готовы давать взятки. Ранее Министерство внутренних дел Эстонии провело исследование, в результате которого выяснилось, что 35 % местных предприятий не видят в коррупции большой проблемы.[207] **Выраженный в процентах от внутреннего валового продукта (ВВП), объем теневой экономики Латвии в 2014 составил 23,5 %.** По сравнению с 2013 годом **уровень теневой экономики в Латвии сократился всего лишь на 0,3 % от ВВП.** В свою очередь, в Эстонии и Литве теневая экономика в 2014 году достигала 12,5–13,2 % от ВВП, и эти страны продолжали свою долгосрочную тенденцию к постепенному снижению объема теневой экономики[208]. Львиная доля – 57 % – руководителей в сфере бизнеса в Эстонии сталкивались с коррупцией. Это стало известно из результатов исследования, проведенного в Эстонии в рамках проекта

Европейской комиссии[209].

Рассматривая вопрос об участии политических сил в продвижении и реализации крупных инфраструктурных проектов, следует отметить, что политическая система государств Прибалтики существенно отличается от российской не только формально правовым признаком, но и по размеру, величине политических элит, масштабом потенциально коррупционного капитала. Однако тезис о том, что малые государства силу своего размера имеют качественно иные характеристики своего правящего класса, следует считать ошибочным. Действительно, размеры территории, численность населения и объемы распределяемых ресурсов предполагают наличие более сложных схем сращивания интересов политиков и бизнесменов. Ресурсы госбюджета настолько ограниченны, что средства Евросоюза становятся практически единственным источником возможного перераспределения. Причем специфика системы контроля в ЕС и государствах Прибалтики такова, что прямые дотации находятся под жестким контролем. С другой стороны, средства на инфраструктурные проекты в классической Европе традиционно являются оптимальным инструментом перехвата ресурсов политическими элитами. Однако лоббирование бизнесом своих интересов повсеместно.

В Эстонии и Латвии модель отношений «политика – бизнес» с середины 90-х годов прошлого века пытались строить как подражание «северной, или скандинавской, модели».

Эксцессы типа продажи рублевой массы в Чечню и перевозки оружия на пароме «Эстония» с последующей гибелью судна вместе с большинством пассажиров, вызвали достаточно жесткую реакцию в компетентных структурах США и Европы. Скандалы удалось погасить, но именно после этих событий произошла ревизия внешних признаков сращивания политических элит и бизнеса, был успешно запущен PR-проект, рекламирующий правящую элиту в категориях традиционных национальных ценностей. Экспортно-ориентированные легенды типа «президент Мери в такси» призваны снять общественное внимание с таких проблем, как масштабный **«seemukapitalism» т. е. «капитализм братанов»**. Примерами масштабных коррупционных проектов, основанных на сращивании политической власти и бизнес-проектов в Литве, следует считать закрытие Игналинской АЭС[210], продажи и перепродажи Мажейкяйского НПЗ, строительство национального стадиона в Вильнюсе. По неофициальным данным, строительство национального стадиона использовала в своих целях коалиция «Порядок и справедливост».

Строительство Дворца правителей в Вильнюсе и как символ текущей политики Литвы новое здание Департамента госбезопасности – примерно 400 млн литов и более 10 лет строительства – считаются проектом «Союза Отечества»[211]. Примером эффективности коррупционных схем в Литве стал закон об учреждении национального инвестора «LEO Lt»[212]. Leo LT была учреждена в мае 2008 года путем слияния госпредприятия Lietuvos energija, RST и предприятия частного капитала VST, которым руководила NDX energija. Правительство владело 61,7 % акций Leo LT, NDX energija – 38,3 %. В 2009 году Правительство Литвы и NDX energija пошли на мировую и подписали договор о ликвидации Leo LT. При этом получила NDX energija реституционную компенсацию в размере 680 млн литов[213]. Компания не смогла реализовать какие-либо значимые проекты в энергетической сфере и вошла в историю как литовская версия Панамского канала.

Специфика Литвы заключается в том, что именно здесь в СМИ упоминаются факты, связанные с использованием инфраструктурных проектов в политических целях. Абсолютным лидером по количеству скандалов является ведущая сегодня партия: Союз Отечества – Литовские христианские демократы. Речь идет прежде всего о предпроектных и проектных работах, связанных с закрытием Игналинской АЭС и строительством Висагинской АЭС. Например, почти за миллион литов были куплены услуги предоставления информации об АЭС, которая даже не строилась. Компания Visagino atominė elektrinė («Висагинская атомная электростанция») путем негласных переговоров купила дополнительные юридические услуги, услуги бизнес-консультантов и финансовых советников, услуги планирования интегрированной коммуникации и СМИ. Руководитель временной комиссии Сейма по энергетике Артурас Скарджюс сказал, что на покупку услуг, необходимых компании Visagino atominė elektrinė (ныне Lietuvos energija), реализовывавшей проект АЭС и объединявшей основные энергетические предприятия, в 2010–2013 годах было потрачено около 80 млн литов – во всех этих сделках обнаружены нарушения[214].

Аналогичных примеров достаточно и в Латвии: строительство в Риге Южного моста, покупка мэрией Риги автобусов «Daimler AG». Однако наиболее масштабные проекты инфраструктурного характера и политические мероприятия редко удостаиваются внимания общественности[215].

По данным Госконтроля, Рижский порт неэффективно распорядился 22 миллионами латов (22 168 049 латов). Без

процедуры закупки был заключен договор на сумму 11 млн латов (11 266 934 латов) о строительстве железной дороги на Кунздиньсале, а 10,7 млн латов (10 752 422 Ls) были потрачены на работы по углублению фарватеров. Учреждение Логинова нарушило закон «О портах» и осуществило проекты по развитию порта общей стоимостью 24,9 млн латов, которые не были предусмотрены в программе развития Рижского свободного порта[216].

Итак, спецификой рассматриваемого региона является предельно высокая степень интегрированости правящего класса. Политики и бизнесмены заканчивает одни и те же школы, учатся в одном и том же университете, проводят время в одних и тех же студенческих корпорациях и, естественно, сохраняют эти связи на всю жизнь. Безусловно, внедрение в политический класс влиятельный группы лиц, чья карьера состоялись за пределами Прибалтики, в США и Канаде, несколько изменило указанную ситуацию. Тем не менее сделанные выше оценки остаются в силе. Масштабы скандалов и конфликтов бизнес-интересов носят в Прибалтике такой же характер и масштаб, как и на остальной части постсоветского пространства. Сегодня прямое лоббирование тех или иных инфраструктурных проектов в Прибалтике возможно только при их грамотном легендировании под «национальный проект». Именно это мы и наблюдаем при вбрасывании т. н. крупных инфраструктурных проектов. Определить личную заинтересованность конкретного политика в большинстве случаев затруднительно. Как правило, сегодня применяются схемы с использованием дружественных бизнесменов с последующими пожертвованиями посредникам и сбросам в партийные кассы, зарубежные активы, родственникам. Проследить цепочки зависимости между теми или иными политиками и инфраструктурными проектами сложно.

Наличие мощных, но не официальных каналов информации (все знают всех) практически исключает прямое личное использование тех или иных бизнес-проектов в личных целях. Отметим, что организационная деятельность по предпроектным работам и экспертизам, выполняемая «своими» фирмами, юридически безупречна. Последующие перечисления в партийные кассы де-юре законны. Т. е. лоббирование де-факто очевидно, но де-юре отсутствует. В этом и заключается специфика прибалтийской модели.

3.7. Финансово-экономические отношения с Европейским Союзом

Рассматривая перспективы экономики государств Прибалтики, можно с уверенностью сказать, что эти страны достаточно эффективно воспользовались всеми возможностями европейской интеграции. При этом «финансирование из общего бюджета ЕС очень выгодно сравнительно менее развитым странам. Правда, эти деньги могут иметь негативный эффект, если их тратить на плохо отобранные проекты, слабо структурированные задачи или программы, которые запускаются с помощью средств ЕС, а потом оказываются предоставлены сами себе»[217].

Именно ресурсы ЕС способствовали тому, что со времени вступления в эту организацию в 2004 году внутренний валовой продукт (ВВП) Эстонии в расчете на душу населения вырос с 55 % от среднего по Европе до почти 75 % в 2014 году. Этот тезис применительно к своим странам используется и в Латвии и Литве. В данном случае следует отметить, что за прошедшие годы существенно изменилась методика расчета ВВП (обеспечив его бумажный рост). Во-вторых, расширился ЕС, причем и Болгария и Румыния объективно уменьшили средние европейские показатели.

«Если сравнить на уровне Балтии, заплаченные в бюджет ЕС и полученные от ЕС суммы в период с 2000 по 2011 г., удачнее всего деньги в оборот пустила Литва, даже если не считать особую поддержку ЕС на закрытие Игналинской АЭС. Литовцы с каждого заплаченного в бюджет ЕС евро возвращают себе 4,4 евро, Латвия – 3,7 евро, а Эстония – 3,4 евро. Но если сравнивать общую полученную поддержку ЕС на одного жителя страны, в конкурентной борьбе между странами Балтии сильнее оказывается Эстония (2,72 евро на одного жителя), которая немного опережает Литву (2,68 евро на жителя) и на 20 % – Латвию (2,17 евро на жителя»[218]. Тем не менее существует «опасность, что приток средств окажется пирровой победой… слишком большой поток может вызвать негативный эффект. Часто инвестиционные решения принимаются исходя из “возможностей”, предлагаемых различными европейскими программами, а не на основе “потребностей” населения. В условиях, когда подрядчик не чувствует всех издержек распоряжения своим бюджетом, есть риск чрезмерного капиталовложения. Есть множество примеров, когда крупные

строительные проекты начинались без учета реальной потребности в них или без достаточных ресурсов для покрытия хотя бы текущих расходов в долгосрочной перспективе»[219].

В последние годы у правительств государств Прибалтики на переговорах о дотациях в национальные бюджеты были три приоритетные задачи: 1) увеличить средства Фонда сплочения, 2) увеличить субсидии фермерами по линии общей сельскохозяйственной политики (ОСП), 3) обеспечить финансирование проекта «Рэйл Балтика» по линии программы «Соединить Европу»[220].

Надежда на помощь ЕС – ключевой фактор формирования текущей политики государств Прибалтики. Однако вопрос об экономических перспективах ЕС в целом не ясен. В многолетнем финансовом плане (МФП) на 2014–2020 гг. Европейский совет установил «потолок» бюджета на уровне 959,9 млрд евро, что на 3,39 % меньше, чем в текущем цикле (2007–2013 гг.).

Существующие в настоящее время проекты взаимодействия прибалтийских государств и Европейского союза в области инфраструктуры потребуют затрат, сопоставимых с затратами на строительство советской инфраструктуры в 1950–1980-х годах. Разница заключается в том, что тогда окупаемость затрат на инфраструктуру опиралась на потенциал трехсотмиллионного советского рынка. Сегодня у ЕС нет возможностей оплачивать подобные проекты, однако нет и желания прямо сказать об этом Таллину, Риге, Вильнюсу. Инвестиции в общественный сектор на 75–90 % осуществляются за счет различных дотаций Евросоюза. Если исходить из того, что бюджет Эстонии состоит из ста единиц, то 76 из них зафиксированы законами – пенсии, пособия, прочие расходы, предусмотренные законами. Свободными являются 24 %, эта та часть бюджета, которую может обсуждать парламент. В последние годы доля средств ЕС составляла в бюджете Эстонии 16–18 %[221].

Прибалтийская модель экономики держится и будет держаться за счет денежных вливаний из ЕС. Сама система не генерирует постоянного потока средств.

3.8. Политические аспекты экономической трансформации

Предельная политизация процессов экономического развития, большая, чем где бы то ни было на постсоветском пространстве, является характеристикой экономического режима Прибалтийских стран. Экономическая мифология в Эстонии и Латвии стала частью политики, нормой государственного управления. Объяснение сложнейших экономических процессов через простые политические лозунги и критику предшествующих экономических практик стало нормой для современной Прибалтики. Отметим то, что «запаса» политизации экономики хватило почти на двадцать лет, но «в данный момент все большее количество людей интересуется конкретными результатами политики, а не ее идеологическими основами»[222]. В качестве конкретных результатов общество требует предъявить именно эти западные стандарты качества жизни, но их-то как раз и нет. В Эстонии «правительство правых удерживается за счет исторического опыта эстонцев, привыкших к долготерпению»[223] Но разве иначе этот механизм действует в Латвии и Литве?

Дэвид Вудрафф, профессор политологии в Массачусетском технологическом институте, полемизируя с известнейшим экономистом – транзитологом М. Олсоном, пишет: «Успех демократии состоял в том, что она способствовала выработке адекватной политики, приспособленной к локальным условиям. То есть речь идет о политике, основанной на понимании и того, что просто взорвать унаследованную от социализма промышленность вряд ли будет наилучшим выбором…»[224] Только 25 % жителей Латвии, 25 % – Литвы и 22 % – Эстонии «скорее согласны» с мнением о том, что их голос учитывается в ЕС (в среднем по ЕС – 33 %). Впрочем, для сравнения: 32 % латвийцев, 16 % литовцев и 53 % эстонцев «скорее согласны» с мнением, что их голос учитывается в их собственных государствах (в ЕС – 52 %)[225].

Подведем итоги. Государства Прибалтики прошли через две волны трансформации. Первая волна – 1990–2004 г. На этом этапе были в целом успешно решены задачи ключевых структурных реформ. Вступление государств Прибалтики в ЕС стало формальным подтверждением этого обстоятельства. С определенной долей условности этот период можно отнести к модернизационному проекту. Вместе с тем в этот период были заложены основы для формирования экономической модели,

которая при всей ее неустойчивости способна функционировать в режиме привилегированной периферии Европейского союза.

На втором этапе страны Прибалтики безуспешно пытались преодолеть периферийность путем догоняющего развития, но, несмотря на такие попытки, все-таки, остаются периферийной зоной затухающего модернизационного процесса, центр которого находится в Западной Европе. Безусловно, этот центр для своего функционирования нуждался в периферии и потому создавал ее в ходе собственной эволюции. Улучшение качества жизни населения в принципе было способно привести к изменению базовых характеристик экономической модели, однако это не является целью существующей модели в экономике и политике. Элитам Прибалтики нужен управляемый кризис, в рамках которого стабилизация достигается через поиск внешнего врага.

Формирование значительного массива эмпирических данных, творческое обобщение российских и мировых теорий и российского опыта позволяет экономистам и политологам перейти к построению теорий, основанных на новой модели исследования трансформаций в Прибалтике. Во-первых, она основана на использовании компаративистских методов исследования в транзитологии. Во-вторых, она базируется на признании того факта, что время, когда в российской науке использовались преимущественно линейно-прогрессивные концепции постсоветских трансформаций, закончилось. Условно рыночные и условно демократические экономические и политические системы в Эстонии, Латвии, Литве построены. Эта часть трансформационного развития в Прибалтике и ЦВЕ оказалась практически идентичной. Однако примерно с 2004 года начался новый этап постсоветских трансформаций, исход которых далеко не предрешен и во многих случаях труднопредсказуем.

Еще один важный момент. Прибалтийская экономическая модель, несмотря на ритуальные заклинания о евроинтеграции, оказалась далекой от базовых европейских ценностей и приоритетов, эволюционировав в направлении экономической практики англосаксонских неоконсерваторов 80-х годов XX века. Параметры, формирующие основу европейской экономической политики, даже сегодня, в 2016 году, предполагают масштабное регулирование, связанное с идеей государства всеобщего благосостояния. Текущая ориентация на сферу обслуживания предполагает столетие(я) индустриального развития и протекционистское отношение к национальной промышленности. Проведение успешной экономической политики в Европе предполагает политический плюрализм, сменяемость власти. В существующих государствах Прибалтики этого нет. В «первых

республиках» это явление начало исчезать к концу 20-х и было уничтожено начисто к 1934 году. В современной Эстонии, к примеру, двадцать пять лет у власти правые и правоцентристские партии, в оппозиции не левые, их просто нет, а центристы Э. Сависсара – «отца» эстонских экономических реформ. И в этой оппозиции они находятся более двадцати лет. Однако представим себе ситуацию, при которой к власти пришла оппозиция. И в этом случае для экономической модели практически ничего не изменится. Вспоминаются дискуссии о путях экономического развития Эстонии в 20-е годы: «Нам казалось, что море по колено, и звучала ода солидности и предприимчивости эстонской экономики. Даже тогда, когда идущие впереди увидали разверзшуюся пропасть и стали отступать, в задних рядах возникло небольшое замешательство и зазвучали подбадривающие выкрики и прямые угрозы, чтобы заставить первых идти дальше»[226].

Подведем итоги. Постсоветская трансформация в государствах Прибалтики завершена. Действующая экономическая модель может быть охарактеризована как либерально-англосаксонская. Однако классическая экономическая модель либерализма предполагает свободу рынка во всех географических и экономических направлениях. Именно это не характерно для государств Прибалтики. Что же получилось? **Либеральная англосаксонская модель, с постсоветской коррупционностью, деиндустриализацией в восточноевропейском стиле, северокорейской идеологизированностью и североевропейской самоидентификацией.**

Глава 4. Транзитно-транспортная инфраструктура государств Прибалтики в 1991–2015 гг.: от экономических реальностей к политическим проектам

Линия на окончательную ликвидацию экономических основ государства крепка в Прибалтике как никогда. Обеспечив экономические условия разрушения машиностроения, металлургии и химической промышленности, разрушив легкую промышленность, политики Прибалтики не сразу пришли к единому мнению относительно транзита. Лишь примерно к 1999–2000 гг. политические элиты Прибалтики свой выбор сделали. Как отметил В.В. Симиндей, «пассивность руководства Латвии в данной сфере может объясняться тем, что экономически обоснованный потенциал развития транзитных путей так или иначе связан с Россией, а это не согласуется со стратегией “малого государства” по защите от “внешних угроз” с помощью НАТО и ЕС»[227]. Эта стратегия получила концептуальное оформление в работах директора Балтийского центра стратегических исследований ЛАН Талавса Юндзиса. В дальнейшем этот подход стал официальным.

Если же политик ошибается, к примеру как экс-президент Латвии, осторожно отметивший задачу укрепления экономических связей с другими странами[228], то всегда найдется тот, кто «восстановит истину». Это может быть даже советник президента по экономике и бывший еврокомиссар А. Пиебалгс, который сразу же дезавуировал эту позицию уходящего президента, прямо указав на то, что от идеи моста между Западом и Востоком надо отказаться[229]. Реализация этой идеи, безусловно, скажется на общей устойчивости экономики Прибалтики. Отметим, что достаточно редко именно транзитный потенциал лежит в основе внешней торговли. В государствах Прибалтики происходит именно так. «Транзитный потенциал страны – совокупность внешних и внутренних факторов, определяющих возможности страны по обслуживанию международных транзитных грузовых и пассажирских транспортных потоков, следующих по ее территории, без применения к объектам транспортировки мер государственной экономической политики»[230]. Академик Эстонской Академии

наук, д. э. н. М.Л. Бронштейн писал: «По моим данным, **транзит, будучи самой динамично развивающейся областью экономики, в 90-х годах формировал 10–12 % внутреннего валового продукта Эстонии. А если рассматривать сопряженные сферы – например, финансовые и логистические услуги, – то эта цифра значительно возрастет**». В дальнейшем росла экономика, но рос и транзит. Применительно к Латвии «транзит составляет 90 % от общего объема грузов, обработанных в портах»[231].

О значении транзита в экономике государств Прибалтики всегда шли споры. Но неоспоримо, что в конце 90-х и в начале 2000-х годов доля этой области экономики вместе со связанными видами деятельности действительно доходила до 20 % ВВП[232]. Отметим, что эта цифра – без собственно транспортного комплекса; с его учетом она бы еще больше возросла. Вступление Прибалтики в ЕС в принципе могло способствовать развитию торговли и транзита. Однако предположение о том, что «вступление Латвии, Литвы и Эстонии в Европейский союз стало предпосылкой для дальнейшего развития торгово-экономических отношений», закономерно не оправдалось[233].

В понятие транзитной политики в XXI веке не может не входить и оценка политического климата. Признаком политической составляющей является то, что порты стран Балтии за первые четыре месяца 2015 года перевалили в общей сложности 53,239 млн тонн грузов – на 3,638 млн тонн (6,4 %) меньше, чем за тот же период 2014 года[234].

Вопрос о транзите и его экономическом значении связан с экономической оценкой железнодорожного транспорта. Роль железнодорожного транспорта в экономике современных европейских государств, как правило, невелика. Государства Прибалтики – исключение. Роль транспорта в экономическом развитии объясняется тем, что «помимо прямых эффектов, имеющих значение непосредственно для железнодорожного транспорта, существует… спектр мультимодальных эффектов, которые реализуются в целом в транспортной системе страны. **Значительная часть внешних эффектов от развития железнодорожного транспорта являются мультипликативными по степени воздействия на социально-экономическое развитие страны**»[235].

Российский транзит через государства Прибалтики сам по себе не является положительным или отрицательным фактором в экономике, и тем более – в политике. Транзит – это прежде всего технический инструмент обеспечения внешней торговли. В свою очередь, внешняя торговля – не более чем механизм реализации

ключевых интересов государства. Д. Коэн отмечает: «Глобализированные производственные системы опираются на эффективное движение товаров через национальные границы; наблюдается сглаживание пространства, как будто границы не существовали, в то время как потребности национальной безопасности требуют закрытия и контроля. Сегодня больше чем 90 % международной торговли происходит через порты»[236]. При этом любая торговля предполагает минимизацию издержек, именно поэтому страны, имеющие возможность не прибегать к транзиту, стараются использовать этот ресурс по минимуму, т. к. за него приходится платить. Отметим и то, что транзит – это взаимная зависимость. В этом контексте возникает принципиальный вопрос: существует ли политическая и экономическая необходимость полного свертывания транзита и какие экономические (или не экономические) результаты могут быть получены в итоге этих действий?

Транспортные системы являются одним из мощнейших системообразующих факторов в экономике. Крупные транспортно-инфраструктурные проекты – это тысячи рабочих мест. Одно рабочее место в транспортной сфере создает не менее двух мест в сфере обслуживания. Более развитая инфраструктура привлекает прочие отрасли экономики, прежде всего промышленность. Для сельского хозяйства развитая инфраструктура – это сокращение издержек. Уровень развития транспортной инфраструктуры служит общим универсальным мировым индикатором уровня экономического развития. Наличие внутригосударственных и международных транспортных коридоров является признаком интеграции региона в международную торговлю.

Транспортная система Балтийского макрорегиона в первую очередь обслуживает интересы жителей и экономик городов прибрежных регионов, стран, расположенных на берегах Балтийского моря. В то же время у транспортной системы Балтийского макрорегиона долгое время была и еще одна функция – функция транзита грузов на направлении Восток – Запад. Кроме возможности заработать, транзит – это фактор, значительно повышающий конкурентоспособность экономик прибрежных портовых регионов, а для небольших стран непосредственно определяющий уровень и качество экономического развития. Не сам транзит, а перегрузка, т. е. изменение модальности способно принести дополнительный импульс развитию региона. Безусловно, работают и геополитические факторы, проблема лишь в том, чтобы их адекватно оценить: «Если раньше грузы в Европу следовали

преимущественно через порты Балтийского бассейна, то из-за сложившейся политической и экономической ситуации многие эксперты полагают, что отправной точкой основного объема грузопотока за рубеж станут черноморские гавани»[237]. Действительно, что может быть легче транзита через Босфор и плавания мимо районов боевых действий?

Обращаясь к истории, отметим, что порты Балтики всегда имели для страны стратегическое значение. Однако к 1913 году порт Санкт-Петербурга и прилегающая инфраструктура пришли в упадок, развивать транспортную инфраструктуру Санкт-Петербургской губернии было не выгодно, т. к. у империи были динамично развивающиеся порты Риги, Ревеля[238]. К началу 30-х годов мощностей Ленинграда уже не хватает, и возникает проект Усть-Лужского порта. Впрочем, реализован он будет только через 80 лет. В советский период через порты Прибалтики переваливается порядка 35–40 % экспортных грузов, а пропускная способность достигает 87 млн тонн в год[239]. Однако после 1991 года страна теряет лучшие модернизированные в 80-е годы порты и из 44 судостроительных и 35 судоремонтных заводов, имевшихся в Советском Союзе, в России в 1991 году останется 35 и 14 соответственно[240].

После потери транспортной системы Прибалтики Россия стала наращивать мощности собственных балтийских портов, но не сразу, а с десятилетним опозданием. Оказавшись отрезанной от основных экспортных терминалов, Россия, естественно, предприняла шаги для корректировки сложившейся ситуации. Первая межотраслевая программа транспортно-технологического обеспечения транзита грузов через прибрежные территории Финского залива была разработана администрациями Ленинградской области и Санкт-Петербурга в соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 06.06.97 г. № 554 «Об обеспечении транзита грузов через прибрежные территории Финского залива». В документе были намечены следующие приоритеты развития:

1. Грузооборот Санкт-Петербургского Большого Морского порта до 60 млн тонн грузов в год.

2. Транспортно-технологический портовый комплекс в Лужской губе – 35 млн тонн экспортно-импортных грузов.

3. Транспортно-технологический портовый комплекс в районе г. Приморска, расчетная мощность – 45 млн тонн в год.

Сегодня эти цифры могут вызвать лишь улыбку. Высокие темпы экономического развития России, развитие внешней торговли привели к тому, что грузооборот перекрыл все самые оптимистичные прогнозы. В российских портах Балтийского

бассейна объем перевалки грузов в 2015 году увеличился до 230,7 млн тонн (+3,2 %), из них объем сухогрузов составил 87,8 млн тонн (–2,2 %), наливных – 142,9 млн тонн (+6,9 %). Увеличился объем перевалки грузов в портах Усть-Луга до 87,9 млн тонн (+16,1 %) и Приморска – до 59,6 млн тонн (+11,1 %). Снизил грузооборот Большой порт Санкт-Петербург до 51,1 млн тонн (–15,8 %)[241].

Грузооборот портов восточного побережья Балтийского моря, в тыс. т

Порт	Объем		Динамика, в %	Разница, в тыс.т
	01-12.2014	01-12.2015		
Всего:	368 196,4	368 550,0	0,1	353,6
Рига	41 080,4	40 055,8	-2,5	-1024,6
Клайпедский порт	36 410,6	38 507,1	5,8	2096,6
Терминал Бутинге	7332,2	8678,6	18,4	1346,4
Вентспилс	26 206,0	22 524,0	-14,1	-3682,0
Таллин	28 321,4	22 431,3	-20,8	-5890,1

Россия долгие десятилетия наращивала перевалку через прибалтийские порты, занимаясь строительством своих. Однако еще в июне 2008 года заместитель председателя Правительства РФ Сергей Иванов (руководитель Администрации Президента России в настоящее время) на заседании Морской коллегии Российской Федерации заявил, что к 2015 г. Россия прекратит экспорт любых грузов через порты Прибалтики, поскольку «у нас будет достаточно своих пропускных способностей». Это был абсолютно верный прогноз экономического характера, ориентированный на стабильность объемов российского экспорта. Однако в 2008-2013 гг. экспорт постоянно рос. Именно поэтому в начале века даже осторожно обсуждался вопрос о строительстве новой скоростной железной дороги. Пойти на это Рига не могла. Даже в те годы не было «…никаких подвижек в проекте скоростной железнодорожной магистрали из Москвы в Латвию. Тем самым Латвия отказывается от жизненно важного элемента для активизации народного хозяйства и повышения благосостояния»[242]. В 2013 году на мероприятии «Национальные

награды Капитала 2013» ГАО Latvijas dzelzceļš (LDz) было названо третьим по стоимости предприятием Латвии и поднялось, таким образом, на одно место выше по сравнению с предыдущим годом. «Минувший год был для LDz поистине особенным: мы часто работали в режиме перегрузки, перевезли рекордный объем грузов, а также достигли рекордных показателей прибыли, – подчеркивает президент LDz Угис Магонис. – Тем не менее мы стабильно и успешно трудимся уже не первый год, что по достоинству оценивают и международные рейтинговые компании»[243].

Все это уже история для Эстонии и, частично, Латвии. Сокращение торговли с Россией стало причиной снижения объемов железнодорожных грузоперевозок в Эстонии на 26,6 % – до 11,6 млн тонн, сообщает ТАСС со ссылкой на данные национального оператора железнодорожных грузоперевозок Эстонии, компании EVR Cargo. Входящий и исходящий трафик из России сократился на 18 % – до 7,7 млн тонн, в то время как сокращение торговли между Россией и странами ЕС обусловило падение объемов транзитных перевозок на 25 %. Транспортировка нефти сократилась на 37 % до 1,68 млн тонн, объемы интермодальных перевозок – на 40 % до 44,812 TEU. С другой стороны, объемы перевозок удобрений выросли на 11,2 % и составили 3,72 млн тонн, и, по прогнозам, эта тенденция сохранится в начавшемся году. В целом EVR Cargo прогнозирует дальнейшее снижение объемов перевозок на 5 % в 2016 году[244].

Прошедший год в сфере транзита был одним из самых неудачных. Например, Transiidikeskus потерял в обороте контейнеров, по сравнению с 2014 годом, 20 %, а минусы Eesti Raudtee достигают миллионов евро. «Никто не выиграл от санкций. Грузов в два раза меньше, чем мощностей. И так в каждом порту», – сказал руководитель Transiidikeskuse AS Эрик Лайдвеэ[245]. В каждом эстонском порту, – следует добавить. Как мы видим из таблицы, ситуация в Литве иная.

В октябре 2015 года представители Lietuvos gelezinkeliai (Литовские железные дороги) встретились с находящимися в Литве руководителями одной из крупнейших государственных корпораций Китая, China Merchants Group (CMG). В литовском изложении президент CMG Ли Сяопенг указал на китайский интерес к перевозке грузов в Европу из Китая через Казахстан и Литву, в том числе к проектам доставки грузов между Клайпедой и Минском. Эти сообщения вызвали некоторые вопросы у литовских читателей, отмечающих, что даже в лучшие времена Литва не граничила с Казахстаном. Явный интерес к китайским инвестициям проявил и председатель совета директоров

крупнейшего эстонского частного порта, контролируемого российским капиталом, – Тийт Вяхи: «Шелковый путь должен связать не Китай и Россию, а Китай и Европу, мы предлагаем для этого порт Силламяэ»[246]. **Глобус Украины вовсе не так интересен, если у вас есть глобус Эстонии с Силламяэ как центром.**

Те же настроения наблюдаются и в Риге, где предполагают, что проект Беларуси и Китая «Великий камень» может открыть возможность принять участие в обслуживании грузопотока именно для Latvijas dzelzceļš (Латвийские железные дороги)[247]. Зачем грузам от Минска («Великий камень») возвращаться на северо-восток – навсегда остается географической загадкой. Каспарс Озолиньш, госсекретарь Министерства сообщений Латвии, отмечал в середине 2015 года, что доля транспортной отрасли в ВВП страны составляет около 10 %, а услуг транзита – еще 4 %[248]. **С нашей точки зрения, доля транзита и транспорта в ВВП Латвии не менее 15–16 %.**

Если будет прекращен транзит российских грузов через Латвию, железнодорожная отрасль страны потеряет 43,7 млн тонн грузов, или примерно 90 % всего грузопотока. При этом, с одной стороны, в весеннем (2015 г.) докладе Минсообщения ЛР о влиянии санкций на транзитную отрасль Латвии мы читаем: «Латвия потеряет в первую очередь грузы угля и нефтепродуктов, идущие через порты и по железной дороге», но при этом «концепция Латвии как моста между Западом и Востоком не работает, и от нее нужно отказаться».

В Риге и Вильнюсе подсчитывают прибыль от перенаправления российских и белорусских грузов, сориентированных ранее на Одессу и Ильичевск, в свои порты. Часть этой прибыли уходит на поддержку киевского режима. **Украинский кризис выгоден Литве и Латвии с экономической точки зрения.** Не только России, но и Беларуси больше недоступен Одесский порт, соответственно, более востребована Клайпеда. Еще один важный момент. **В Прибалтике стало геоэкономической модой 2015 года делить дивиденды с китайского транзита, начисто игнорируя факт отсутствия латвийско-китайской границы.**

Учитывая структуру экономики стран Прибалтики и масштабы внутренних рынков, следует признать, что само существование железных дорог в этом регионе без российского участия бессмысленно, а без них невозможен и транзит. Несмотря на то, что рассматриваемые государства уже двадцать три года не используют тезис о «транзитном мосте», на практике железные

дороги остались ключевой отраслью их национальных экономик, и правительства трех Прибалтийских республик уделяют большое внимание железнодорожной инфраструктуре. При этом неоднократно предпринимались попытки реформирования железных дорог. Вопрос об их организационной структуре находится вне зоны наших интересов. Исходя из общей темы исследования, в данной главе мы сосредоточимся на крупнейшем инфраструктурном проекте – «Рейл Балтика» (Rail Baltica). Официально главной целью «Рейл Балтики» является возобновление непосредственной связи государств Прибалтики с европейской железнодорожной сетью и развитие региональной интеграции. Интеграция железных дорог стран Балтии в транспортную систему Евросоюза гипотетически позволит увеличить скорость движения поездов, рост пассажиро– и грузопотоков и прибылей. Согласно проекту, единая европейская колея должна соединить Таллин, Ригу, Каунас, улучшив, таким образом, сообщение между Центральной и Восточной Европой.

Вопрос о реализации Rail Baltica не является новым. Впервые идея проекта была озвучена в 1994 году. Комитет по транспорту и туризму Европейского парламента обсудил результаты выполненного компанией Pricewaterhonse Coopers (PWC) анализа проекта, согласно которому расходы на реализацию проекта Rail Baltica должны были составить 4337 млн евро[249]. В конце октября 2006 г. в Вильнюсе состоялась первая презентация «окончательного» отчета о возможностях железнодорожного проекта «Рейл Балтика». В июле 2007 г. Литва, Латвия и Эстония подготовили и согласовали графики своих действий по выполнению проекта и подали заявки на получение финансовой помощи для их осуществления в рамках программы на 2007–2013 гг. В июне 2010 г. в Роттердаме была подписана декларация о перевозке грузов по железнодорожному коридору № 8 «Страны Бенилюкса – Германия – Польша». Железнодорожная ветка Каунас – Варшава, входящая в часть пути «Рейл Балтика», стала частью этого железнодорожного коридора. Первый проект «западной» интеграции – железнодорожная линия «Рейл Балтика» (Варшава – Каунас – Рига – Таллин – Хельсинки) – изначально рассматривался как неотъемлемая часть трансъевропейской транспортной сети TEN-T, которая поможет сформировать конкурентоспособную европейскую железнодорожную сеть. Об этом говорилось в подписанной 19 октября 2009 г. в Вильнюсе декларации министров транспорта Польши, Литвы, Латвии, Эстонии, Финляндии и комиссара Еврокомиссии по транспорту. Экс-премьер-министр Литвы Альгирдас Буткявичюс полагал, что проект трансъевропейской железной дороги «Рейл Балтика – 2»

начнет реализовываться лишь после 2020 г. По его словам, до 2016 г. будут проведены исследования по проекту, так что строительство продолжится и в 2021–2027 гг[250].

24 ноября 2015 г. в Таллине был подписан договор между агентством инноваций и сетей Европейского союза (INEA) и совместным предприятием трех Балтийских стран RB Rail AS о финансировании на средства ЕС в объеме 442 млн евро (500 млн $) международной скоростной железной дороги Rail Baltica. Поток журналистского красноречия с энергией Фукусимской АЭС ударил в ослабевшие от пропаганды балтийские головы. Никому не пришло в голову, что это никакое не строительство. Не случайно «Деловые ведомости» указывают на то, что эти средства пойдут на финансирование международной скоростной железной дороги Rail Baltica в течение первого периода строительства[251]. Но это деньги не на строительство, а на финансирование организации.

Следующий, но не последний, вопрос: а собственно, сколько стоит ВСМ? Стоимость строительства 1 км ВСМ в Китае составляет порядка 15 млн $, в США – 40–80 млн $. Приведем еще одну цифру для иллюстрации финансовой составляющей проекта: управляющая железнодорожной инфраструктурой в Польше компания (Polskie Linie Kolejowe S.A.) получила в 2014 году от Евросоюза порядка 1,3 млрд злотых (311,3 млн евро) на модернизацию 70-километрового участка, который является частью проектируемой железной дороги «Рейл Балтика – 1» с евроколеей. Итак, на 70 км – дотация в 300 млн евро, помимо собственных расходов Польши и при условии реконструкции, а не нового строительства. Таким образом, стоимость Rail Baltica не может быть 4–5 млрд евро. 1000 км по цене 15 млн $ за км – это 15 млрд $. Может быть, 25 млрд, но не 3–5. Перед нами стандартный «распил» бюджетных денег, к которому Брюссель пригласил Таллин, Вильнюс и Ригу. Пройдет еще 10–15 лет, и убытки спишут как в Брюсселе, так и в государствах Прибалтики? Модель известна – списание десятков миллионов долларов и евро, потраченных на проектирование АЭС в Висагинасе. Однако все сложнее: Директива ЕС № 2012/34 определяет единый механизм определения и покрытия расходов на содержание инфраструктуры на всем железнодорожном пространстве Сообщества. В соответствии с ней, если доходы от услуг управляющего инфраструктурой в этот период не покрывают соответствующие расходы, разницу компенсируют из государственного бюджета той страны, где эта инфраструктура расположена. За дорогу Царицын – Рига платил бюджет империи, за Rail Baltica платить придется из бюджета трех государств,

точнее, бюджетные доходы на годы вперед уйдут на эту дорогу в никуда. Проект важен потому, что стратегически соединяет Прибалтику с другими странами ЕС. Экономического смысла может и не быть[252].

Гипотетическая реализация всех запланированных транспортно-энергетических проектов предполагает затраты в пределах 25–35 млрд евро. Нет смысла говорить о том, что эта сумма непосильна для национальных экономик государств Прибалтики. Вопрос стоит иначе: одна из главных инициатив Еврокомиссии, проект Connecting Europe – программа инновационного развития транспорта, современной энергетики и Интернета – получила на 2014-2020 гг. лишь частичную поддержку: вместо 50 млрд евро, только 29 млрд[253]. Иными словами, государства Прибалтики теоретически готовы «в одиночку» использовать все средства по данной бюджетной строке. Естественно, такой возможности у них не будет.

Перспектива развития наших отношений связана с акцентированием внимания странами Прибалтики на реальном экономическом сотрудничестве с Россией (и шире – с теми возможностями, которые представляет рынок Таможенного союза), на создании климата доверия в условиях сужающегося коридора возможностей, на избавление от излишней политизации. Причем сегодня это нужно уже не России. Сегодня в этом нуждаются наши прибалтийские соседи, для них это уже вопрос выживания.

Еще один аспект рассматриваемого проекта – туннель под Финским заливом. В Министерстве экономики и коммуникаций Эстонии был подписан эстонско-финский меморандум о транспортном сотрудничестве. Тем самым был сделан первый шаг для начала строительства туннеля между Таллином и Хельсинки. По словам министра экономики и коммуникаций Эстонии Кристена Михала, строительство туннеля, по первоначальным оценкам, окупилось бы через 40 лет. По его словам, при помощи туннеля можно было бы создать регион с современным сообщением, в котором в пределах двухчасовой поездки удалось бы соединить более 9 млн человек[254]. То, что министр экономики не умеет считать, это нормально. Но очевидно и то, что он не умеет читать и просто не знает, сколько людей живет в Эстонии и Финляндии. Альтернативная версия: пять миллионов жителей Санкт-Петербурга, бросив все дела, будут ездить из Таллина в Хельсинки.

Подготовка к строительству Rail Baltica в Латвии и Эстонии может начаться в 2018-м, а строительство – годом или двумя позже, рассказала в интервью Латвийскому радио председатель

правления ответственного за этот проект предприятия RB Rail Байба Рубеса, – пишет Rus.lsm.lv. «Еще два-три года, и что-то уже можно будет заметить», – пообещала Рубеса. По ее словам, первые признаки подготовки к большой стройке появятся где-то в 2018 году[255]. Таким образом, при отсутствии финансовых ограничений дорога может быть построена примерно к 2023 году. Именно поэтому можно говорить и подписывать что угодно, где угодно и с кем угодно.

Укажем на некоторые промежуточные итоги. Крупные инфраструктурные проекты – признанный драйвер национальной экономики в любой стране. Выпадение такого источника доходов – серьезная проблема для политических и экономических элит. Однако для государств Прибалтики транзит – это политика. Именно поэтому они ориентированы на достижение ложно понимаемой геоэкономической независимости, игнорирование объективных законов рынка и логики международного разделения труда. И все-таки можно ли согласиться с мнением А. Лембергса, мэра Вентспилса, президента Латвийской ассоциации транзитного бизнеса (ЛАТБ) о том, что Rail Baltica – это политический проект, не имеющий под собой никакой экономической основы[256]? С нашей точки зрения, нет. Это коррупционный проект. Еще один будущий скандал в длинной цепи двадцатипятилетнего казнокрадства. В этих условиях не представляется реальной быстрая реализация даже одного взятого на выбор крупного инфраструктурного проекта (терминал СПГ, новые железные дороги, АЭС в Висагинасе). «Дополнительные инфраструктурные издержки лягут дополнительным бременем на экономики отдельных стран и региона в целом, будут способствовать экономической дезинтеграции региона Балтийского моря»[257].

Запланированный масштаб проектов заставляет нас предположить, что реализации во всей совокупности не планируется. Сочетание превратно трактуемых внешнеполитических интересов стран Прибалтики и внутренних задач этнической мобилизации способно обеспечить проектам долгую жизнь в сфере PR, не более.

Следующий важный момент. В настоящее время антироссийская деятельность государств Прибалтики фактически финансируется отдельными представителями российского бизнеса. При этом российские порты на Балтике не загружены полностью. Выживание и основные политические характеристики режимов в Прибалтике и сейчас зависят от двух внешних источников: трансфертов из бюджета ЕС и комплекса внешнеэкономических связей с Россией. Государства Прибалтики

продолжают насыщать политическими рисками остатки прежних моделей экономического сотрудничества. Поиск компромисса практически исключен не из-за российской политической позиции, но из-за объективных экономических причин. Инфраструктура транзита стоит дорого, окупается медленно и требует политической стабильности, т. е. именно того, чего так не хватает в отношениях государств Прибалтики и России. Но в России она уже создана.

Следует поддержать отечественный бизнес не на уровне яблок и сыра, хотя и это важно, но **на уровне стратегической инфраструктуры: порты и железные дороги.**

Глава 5. Отношения России и государств Прибалтики в сфере электроэнергетики

Российская внешняя политика имеет достаточно значимое экономическое измерение. В этом качестве она практически не отличается от внешней политики стран, интегрированных в мировое сообщество. Вместе с тем нельзя не отметить, что российская экономическая дипломатия характеризуется одной особенностью: она вызывает неадекватную реакцию российских партнеров по бизнесу.

В восточно-балтийских столицах существует стойкое убеждение, что «энергетическая интеграция» с Россией – одна из стратегических угроз национальной безопасности. Причем если в Брюсселе такая точка зрения оформляется в корректно-дипломатической версии, то, к примеру, в Таллине существует в вульгарно-публицистической[258]. В рамках данной работы нет возможности рассмотреть все причины этого явления. Отметим лишь то, что здесь сказывается сложный комплекс проблем исторического и политического характера.

Роль Балтийского моря в российской энергетической стратегии, безусловно, особая. **Западный вектор российской энергетической политики предполагает не только наличие продавцов и покупателей, но и посредников, пытающихся играть едва ли не ведущую роль.**

Российская внешняя политика имеет достаточно значимое экономическое измерение. «Энергетическая дипломатия подразумевает практическую деятельность внешнеполитических, внешнеэкономических и энергетических ведомств совместно с национальными компаниями по осуществлению внешней энергетической политики, направленной на защиту и отстаивание национальных интересов в области производства, транспортировки и потребления энергоресурсов. Энергетическая дипломатия является одним из приоритетных направлений деятельности МИД России»[259].

В этом качестве она практически не отличается от внешней политики стран, интегрированных в мировое сообщество.

Энергетическая политика России является одним из важных видов деятельности государства и его бизнес-структур, ориентированных на достижение целей общеэкономического характера (получение прибыли и закрепление на рынке) и

политического характера (завоевание политического влияния и авторитета). Географически именно в восточной части региона Балтийского моря представлены наиболее значимые элементы российской части мирового глобализированного экономического пространства. Роль Балтики могла бы быть меньше, если бы не специфические отношения России с Украиной. Но в современных условиях именно здесь, на побережье российской части Балтики, сформировался значимый вектор реализации энергетической политики в регионе. Мы видим здесь следующие элементы регионального энергетического рынка:

• Выгодное географическое положение между районами добычи и производства энергоресурсов и районами потребления.

• Мощнейшие корпорации, развернувшие здесь деятельность в последние 15 лет (в том числе ОАО «Газпром», «Траснефть», «ЛУКОЙЛ» – вышел из Прибалтики в 2015 году).

• Крупные предприятия, входящие в производственные и сервисные цепочки («Газпромэкспорт» и «Газпромнефть»).

• Ведущие в регионе международные порты, связанные с транзитом энергоносителей (Клайпеда, Бутинга, Рига, Вентспилс, Приморск, Санкт-Петербург, Усть-Луга).

• Уникальная транзитно-транспортная инфраструктура, как наземная, так и подводная.

• Комплекс атомных, тепловых и гидравлических станций, обеспечивающий потребности региона и имеющий международные подключения (с Финляндией, Эстонией, Латвией, Беларусью и Литвой, Польшей через энергосистему Беларуси).

Все это позволяет сделать вывод, что именно здесь потенциал международного сотрудничества России в сфере энергетики может быть задействован в наибольшей степени. Однако наличие у России больших возможностей в данной сфере и регионе не означает отсутствие проблем.

Балтийское море – субрегион Европы, где существует потенциальная возможность возникновения значимых конфликтов, связанных с политической спекуляцией на реальных экономических и энергетических проблемах. Обозначим первое противоречие. С одной стороны, борьба России за уменьшение зависимости от транзитных стран встречает жесткое сопротивление этих стран. При этом в ход идут технические и экологические аргументы, в ряде случаев явно надуманные.

С другой стороны, наши европейские соседи намеренно политизируют вопрос, постоянно обвиняя Россию в энергетическом империализме.

С экономической точки зрения борьба с «зависимостью» от России носит иррациональный характер. Следует также

отметить, что категория «зависимость» в философско-методологическом плане предполагает взаимность, т. е. баланс интересов и возможностей. Как в случае с новыми энергетическими объектами, так и в случае со старыми объектами энергетической инфраструктуры в Восточной Балтике существует именно такая ситуация. Государства Прибалтики могут создать для России проблемы в области энергетики, однако и у России есть возможности адекватно отреагировать на вызовы в этой сфере.

Развитие энергетики в восточной части Балтийского моря представляет собой вопрос не технический, и даже не экономический. Перед нами ситуация, развертывание которой сможет показать реальные, а не декларативные возможности развития отношений России с государствами Прибалтики и Польской Республикой. **Речь** уже давно **не идет о конкуренции проектов Балтийской и Висагинской АЭС.** Решается более масштабный вопрос о перспективах российско-балтийских отношений в энергетической сфере.

Относительно медленный диалог между странами Прибалтики, а также на определенных этапах и с Польшей проходил в течение шести с половиной лет. Основные вопросы так и не были решены. С высокой долей уверенности можно отметить, что все конкуренты Островецкой АЭС отстали от нее не на 5–6 лет, а навсегда. Условно – последний проект Висагинской АЭС предусматривает строительство энергоблока на базе реактора ABWR мощностью свыше 1300 МВт конструкции «GE-Hitachi» с вводом в строй в 2022 году. Это исключает рентабельность его реализации, и так достаточно сомнительную. Вопрос затрат, а точнее, их окупаемости – один из наиболее важных, объясняющих происходящее вокруг строительства Висагинской АЭС. В середине мая 2012 г. правительство Литвы одобрило концессионное соглашение, которое предусматривало, что стратегическому инвестору – японской компании Hitachi – должно будет принадлежать 20 %, Литве – 38 %, Эстонии – 22 %, Латвии – 20 % акций новой атомной станции[260]. Точная стоимость проекта неизвестна, однако в литовской прессе упоминается цифра 5 млрд евро как минимальная. Это означает, что затраты каждого государства колеблются от примерно 1 млрд евро для Эстонии и Латвии до 2 млрд евро для Литвы. В соответствии с расчетами министерства финансов Эстонии, «доходы госбюджета в 2012 году составят 6,1 млрд евро», т. е. стоимость эстонского участия – почти 20 % расходной части бюджета.

Для крупных инфраструктурных проектов характерно 50–

150 % удорожание сметы если не в процессе проектировки, то при реализации. Премьер-министр Литвы Альгирдас Буткявичюс, выступая на телеканале LRT в начале 2013 года, говорил о том, что подготовительные работы по созданию инфраструктуры для Висагинской АЭС обойдутся в два раза дороже, чем ранее планировалось, – не менее чем в 700 млн литов. Глава Конфедерации промышленников Литвы Робертас Даргис тогда же заявлял, что стоимость Висагинской АЭС достигает 8 млрд евро, хотя во время подписания договора с японской фирмой ее стоимость составляла 3,1 млрд евро[261].

Ситуация обострилась после состоявшегося в октябре 2012 года референдума в Литве. 62,68 % граждан республики высказались против строительства атомной станции, однако референдум носил консультативный характер, и его результаты не обязательны к исполнению органами власти. В парламенте Литовской Республики сформирована рабочая группа, которой поручено подготовить и вынести на голосование проект окончательного решения по вопросу строительства Висагинской АЭС. Референдум в Литве – не более чем этапное событие на долгом пути провалов координации энергетической политики Эстонии, Латвии и Литвы, однако его результаты свидетельствуют о том, что население не планирует оплачивать проекты с очевидными политическими амбициями, но не основанные на экономических расчетах.

28 ноября 2012 года состоялась встреча высших руководителей стран Прибалтики. Результаты встречи трех президентов стран Прибалтики оказались предсказуемо негативными. Характер комментариев в прессе трех стран, а также официальные комментарии свидетельствуют о том, что стороны приняли решение максимально закрыть информацию о прошедшем мероприятии и не акцентировать внимание общественности на провале общебалтийской энергетической политики. Встреча трех балтийских президентов закончилась провалом. Президент Эстонии Тоомас Хендрик Ильвес 28 ноября 2012 года заявил, что пребывает в недоумении и испытывает обеспокоенность из-за изменившейся позиции Литвы по вопросу строительства Висагинской АЭС. В этот же день премьер-министр Литвы Альгирдас Буткявичюс ответил: «Пока у меня есть иная информация: от Эстонии и Латвии не было получено никаких письменных подтверждений того, что этот проект экономически окупаем. И я крайне удивлен этим комментарием». Позиция президента Эстонии показательна. В теории «создание открытого конкурентного рынка в Балтии имеет смысл только в том случае, если он охватывает все три страны Балтии. Деятельность рынка

каждой из стран Балтии в отдельности, по причине своей ограниченности, теряет всякий смысл»[262]. Однако это только теория. На практике энергетическая интеграция упирается как в политические трудности, так и в коррупционную составляющую. Например, почти за миллион литов были куплены услуги предоставления информации об АЭС, которая даже не строилась. Компания Visagino atominė elektrinė («Висагинская атомная электростанция») путем негласных переговоров купила дополнительные юридические услуги, услуги бизнес-консультантов и финансовых советников, услуги планирования интегрированной коммуникации и СМИ. Руководитель временной комиссии Сейма по энергетике Артурас Скарджюс отмечал, что на покупку услуг, необходимых компании Visagino atominė elektrinė (ныне Lietuvos energija), реализовывавшей проект АЭС и объединявшей основные энергетические предприятия, в 2010-2013 годах было потрачено около 80 млн литов – во всех этих сделках обнаружены нарушения[263].

Именно в отраслях энергетики коррупция в Прибалтике приобрела наиболее масштабный характер. Обвинения были предъявлены и в связи с конкурсом на реконструкцию Рижской ТЭЦ-2. Ряд лиц обвиняется в превышении служебных полномочий с корыстными целями и во взяточничестве в крупных размерах по предварительному сговору, одно – в поддержке превышения служебных полномочий и торговле влиянием, еще одно – в поддержке торговли влиянием. За победу в конкурсе конкретного предприятия должностным лицам Latvenergo была предложена взятка в размере 5,432 млн латов[264]. С корректировкой на «латвийский масштаб» это вполне постсоветский масштаб коррупции.

В Эстонии один из примеров подобной коррупции – договор о строительстве новых блоков Нарвской электростанции. Из-за ошибочного решения правительства новые блоки Нарвской электростанции большую часть времени будут работать вхолостую, так как в ее полных мощностях нет реальной потребности. Министр экономики Юхан Партс утаил от других участников переговоров важные данные. Так, была скрыта информация о предложении от конкурирующей фирмы на 100 млн евро дешевле, чем у победительницы – французской компании Alstom. При этом в январе 2011 года Европейская комиссия опубликовала директивы, снижающие требования к выбросам промышленного производства, что позволило бы Нарвским электростанциям продолжать работу без новых блоков до 2023 года. Несмотря на это, ГАО Eesti Energia ровно через неделю подписала контракт с французским концерном Alstom, а

правительство утвердило данный договор в мае 2011 года. Таким образом, ГАО Eesti Energia строит почти миллиардный комплекс, и налогоплательщики за это заплатят еще 100-300 млн евро[265].

Возвращаясь к атомной энергетике, отметим, что министр энергетики Литвы Ярослав Неверович еще в 2013 году отмечал, что продолжение проекта Висагинской АЭС возможно только при осуществлении трех условий:

• Первое условие – это письменное обязательство региональных партнеров участвовать в проекте, что обеспечит распределение расходов на осуществление проекта, риск и ответственность. (На эту тему есть интересная работа польского автора[266].)

• Второе – вместе со стратегическим инвестором и региональными партнерами обеспечить максимальное финансирование проекта по самым низким издержкам за счет международных финансовых институций и кредитных агентств, обеспечивая тем самым конкурентоспособность электроэнергии, которую будет производить ВАЭС.

• Третье – обеспечить полное информирование общественности о проекте с учетом того, что проект может быть осуществлен только при условии национального соглашения об обеспечении поставок рациональной и перспективной электроэнергии[267].

Отметим, что третье условие соблюсти трудно, но возможно, а вот первые два представляются на сегодняшний день малореальными. В этом контексте отметим для примера позицию «руководителя атомного проекта Eesti Energia» Андреса Тропа: «Eesti Energia получила подтверждение тому, что проект атомной станции в Литве в настоящий момент является экономически неперспективным»[268].

Впрочем, по мнению литовских политиков, возврат к лучине вполне оправдан, если при этом удастся создать проблемы соседям. Андрюс Кубилюс неоднократно заявлял, что стратегическая позиция Литвы по категорическому неодобрению проекта Балтийской АЭС в соседней с Литвой Калининградской области оправдала себя[269]. Кто же «выигрывает» в этом случае? Кто угодно, но не Литва, т. к. **остановить проект соседа еще не значит реализовать свой.** Президент Литовской республики больше не будет жаловаться в парламенте на то, что «…пока мы, создавая уже седьмую Национальную энергетическую стратегию, мечемся в поисках согласия и решения, за нас решают тайные визиты Росатома, загадочные меморандумы Газпрома и фильмы псевдо зеленых»[270]. Но ведь проблема не в Росатоме. Премьер-

министр Литовской республики А. Буткявичюс, рассуждая об энергетической политике своей страны, отметил, что производить электроэнергию надо в Литве, но при этом эксперты должны «… представить расчеты цены производства электроэнергии, транспортировки и окончательной цены продажи электроэнергии с учетом отдачи капитала»[271]. Вероятно, впервые политик такого масштаба признал необходимость экономического обоснования политических версий энергетических проектов.

Сегодня признать провал прибалтийских планов атомной энергетической интеграции невозможно, продемонстрировать успехи – тоже. Впрочем, на осознание этого факта ушли годы. **В 2016 году очередной** министр энергетики Литвы Рокас Масюлис признал то, что очевидно с 2013 года: «Работа над проектом Висагинской АЭС временно отложена, поскольку ситуация на рынке является неблагоприятной для продажи ядерной энергии»[272]. Это намеренное искажение ситуации. Атомная энергия по-прежнему самая дешевая. Другой вопрос – в том, что, развертывая шумную, но безграмотную кампанию против Островецкой АЭС, Литва косвенно дезавуирует и свои проекты, на которые, впрочем, нет и не будет денег. Возвращаясь к вопросу о литовских аргументах, процитируем министра энергетики этой страны: «**У нас есть данные, что там были землетрясения силой от 5 до 7 баллов по шкале Рихтера в 1887, 1893, 1896, 1908** и 1987 годах»[273]. Эрудиция министра энергетики сопоставима разве что с профессиональной подготовкой президента Литвы в экономике сельского хозяйства. Однако напомним, что **шкала Рихтера изобретена в 1935 году, а Литва получила независимость (первый раз) в 1920 году**.

Конечно же, Латвия и Эстония поддерживают Литву в том, что эти три страны не должны покупать электроэнергию со строящихся в Белоруссии и Калининградской области России АЭС, – говорит литовский министр энергетики. Рокас Масюлис отмечает, что оба государства будут искать решения, как не допустить импорт электроэнергии с этих атомных станций. Формулировка удивительная: «…должны быть найдены решения, как ограничить попадание грязной атомной энергии в страны – члены Евросоюза (ЕС)»[274].

Вбрасывая в СМИ очередные победные реляции о продвижении проекта ВАЭС, правительство Литвы продвигало одновременно более реальные, хотя и тоже дорогие проекты.

В мае 2008 г. была основана совместная компания LitPolLink для реализации проекта по созданию энергомоста между Польшей и Литвой. Предполагается протянуть линию

электропередач напряжением 400 кВ между Алитусом (Литва) и Элком (Польша). Передаваемая мощность составит 600–1000 МВт, направление передачи будет определяться энергетическими потребностями каждой из стран. Смычка ЛЭП Литвы и Польши является одним из стратегических проектов литовской энергетики. Межсистемное соединение пройдет через три Балтийские страны и соединит их с системой передачи электроэнергии Западной Европы, а также создаст условия для интеграции электроэнергетических рынков.

Укажем на планы президента Литвы Д. Грибаускайте: «…в 2015 году мы наладим энергетическую смычку со Швецией, а еще с Эстонией и Финляндией. Таким образом, мы полностью подключаемся к северному энергетическому пулу в течение 2014–2015 гг.»[275] Да, соединения появились и в 2016 году заработают. Что это означает? Во-первых, будет израсходовано не менее 1,281 млрд литов[276], при этом электросоединение между Литвой и Польшей к 2015 году *(*реально к 2016-му – *Н.М.)* должно передавать мощности до 500 МВт, к 2020-му – 1000 МВт[277].

Во-вторых, как показывает опыт Эстонии, уже подключенной к NORD POOL, электроэнергия дешевле не станет. В третьих, премьер-министры трех стран Балтии не исключают возможности синхронизации систем электропередачи с континентальной Европой через Скандинавию. Действительно, системы LitPolLink, NordBalt, Eastlink совместно с уже действующим энергомостом Польша – Швеция могут составить новое энергетическое балтийское кольцо. В настоящее время энергосистемы стран Прибалтики в целом дефицитны[278]. Постановка вопроса об их интеграции с объединенной энергосистемой Европы или ее полуавтономной частью NORD POOL логична. Аргументация о необходимости интеграции с NORD POOL применима и к сохранению кольца БРЭЛЛ. Очевидно, что находиться на границе энергосистемы опаснее, чем в центре, т. к. маневр мощностями в этом случае затруднен. С экономической и технической точек зрения странам Прибалтики следует, сохраняя БРЭЛЛ, постепенно наращивать энергетические соединения с Северной Европой и Польшей. На практике именно это и происходит. Проблема лишь в том, что голоса политиков заглушают голоса экономистов, а мнение технических экспертов не слышно вовсе. В настоящее время работает подводный электрический кабель между Эстонией и Финляндией Estlink-1. Сдан в эксплуатацию и кабель Estlink-2 (соединение между Эстонией и Финляндией мощностью 650 МВт), NordBalt (соединение между Литвой и Швецией на 700 МВт) и LitPolLink (соединение между Литвой и Польшей на 1000 МВт), что значительно увеличило объем

«европейской» энергии в регионе. На полную мощность – 700 МВт – NordBalt заработает в марте 2016 года[279]. Однако для синхронизации сетей стран Балтии и континентальной Европы с 2016 г. будет проводиться специальное исследование Европейской сети системных операторов передачи электроэнергии ENTSO-E, которая представит Литве, Латвии и Эстонии набор требований, необходимых для ликвидации этого «электроэнергетического острова». **В итоге отключение трех балтийских стран от кольца БРЭЛЛ состоится примерно лишь к 2025 г. и потребует дополнительных инвестиций для реализации технических требований ENTSO-E**[280].

Главы правительств Латвии, Литвы и Эстонии отмечают, что идею синхронизации одобряют все, а как ее осуществить – через Польшу или Скандинавию – **должны показать исследования**[281]. В этом «должны» заложен как минимум двух-трехлетний период. Тем не менее реализация этого проекта – значимый технологический вызов для России и Беларуси.

В настоящее время совместная работа электроэнергетических систем России и Прибалтийских государств (Латвия, Литва, Эстония) осуществляется в синхронном режиме.

Выход из состава СССР не вызвал нехватки энергии для Эстонии, Латвии и Литвы. Неэнергоемкие национальные хозяйства легко адаптировались к изменению ценовых пропорций и повышению реальной стоимости электро энергии. Рыночные отношения во многих сферах экономики уживались с централизованной энергетикой, которая обеспечивала предсказуемый и достаточно плавный рост тарифов маленьким странам, имеющим недостаточный объем энергоносителей. Таким образом, «влияние электро энергетики на текущее экономическое положение стран Балтии и эффективность отрасли не были определяющими факторами для начала реформ»[282]. Именно поэтому в 90-е годы прошлого века страны Прибалтики амортизировали советское наследство, не особенно заботясь о будущем. Разделение Советского Союза на республики в политическом плане оказалось гораздо более простым делом, чем разделение единой инфраструктуры – транспортной и энергетической. Выросло новое поколение граждан (и неграждан), не помнящих наше общее государство, но подключающих электроприборы к единой энергетической сети.

Итак, вопросы сотрудничества России и ЕС связаны с тем, что до настоящего времени страны Прибалтики объединены с энергосистемой России и Беларуси, но имеются и строятся новые соединения с Северной Европой. С Россией энергосистемы стран Прибалтики объединяет Соглашение о параллельной работе

энергосистем Электрического кольца БРЭЛЛ (Беларусь – Россия – Эстония – Латвия – Литва). ЭК БРЭЛЛ в настоящее время осуществляется на основе заключенного 7 февраля 2001 г. соглашения между хозяйствующими субъектами. На 2013 год участниками соглашения БРЭЛЛ являются:

- ГПО «Белэнерго» (Беларусь),
- ОАО «ФСК ЕЭС» (Россия),
- ОАО «СО ЕЭС» (Россия),
- ООО «Elering OU» (Эстония),
- АО «Augstpieguma tikis» (Латвия),
- ЗАО «LITGRIG UAB» (Литва).

Органом управления ЭК БРЭЛЛ является Комитет БРЭЛЛ, состоящий из представителей системных операторов.

Основные неполитические проблемы БРЭЛЛ:

- структура генерирующих мощностей неоднородна;
- не все энергосистемы региона сбалансированы по электроэнергии;
- в некоторых энергосистемах с преобладанием тепловых электростанций недостаточно регулировочных мощностей;
- электрические сети имеют сложнозамкнутую кольцевую структуру;
- при данной структуре генерации энергосистемы Балтии могут иметь трудности с балансированием энергосистемы.

Избытки электроэнергии ОЭС Северо-Запада недостаточны для надежного обеспечения энергобаланса региона после остановки Игналинской АЭС и до пуска ЛАЭС-2, Островецкой АЭС, Балтийской АЭС. Экспертное сообщество практически едино во мнении о том, что в регионе, ограниченном Германией, Чехией, Словакией, Белоруссией и Россией без ее Калининградского эксклава, существует дефицит генерирующих мощностей, непреодолимый без развертывания ядерной энергетики. Эта ситуация сложилась частично из-за недальновидной политики Европейского союза, одновременно закрывшего Игналинскую АЭС в Литве и сдерживающего классическую сланцевую энергетику Эстонии (не путать с энергетикой сланцевого газа)[283]. До 50 % производимой Игналинской АЭС электроэнергии экспортировалось в Калининградскую область России и Белоруссию[284]. Кроме того, в 2016 году, вероятно, будет остановлен как минимум один старый производственный блок электростанций Нарвы, который давно не соответствует стандартам Европы по эмиссии.

В настоящее время в составе ОЭС Северо-Запада работают энергообъекты, расположенные на территориях г. Санкт-Петербурга, Мурманской, Калининградской, Ленинградской, Новгородской, Псковской, Архангельской областей, республик Карелия и Коми. ОЭС обеспечивает синхронную параллельную работу ЕЭС России с энергосистемами стран Прибалтики и Белоруссии, а также несинхронную параллельную работу (через конвертор) с энергосистемой Финляндии и экспорт электроэнергии в страны, входящие в объединение энергосистем Скандинавии НОРДЕЛ (Дания, Финляндия, Норвегия, Швеция).

Для обеспечения роста потребностей в электрической энергии планируется ввод новых мощностей атомных электростанций, развернуто строительство Ленинградской АЭС-2, Кольской АЭС-2, Балтийской АЭС и ряда гидроэлектростанций (Кольские ПЭС, Волховская ГЭС-6, Лесогорская ГЭС-6).

В СЗФО реализуются и будут реализованы мероприятия по осуществлению экспортно-импортной политики России в сфере электроэнергетики. Предусматривается дальнейшее увеличение экспорта электрической энергии в Финляндию. Достроен второй блок Калининградской ТЭЦ-2, мощность которого повышена на 25 МВт (с 425 до 450 МВт). Особо следует отметить, что в настоящее **время энергосоединения России и Беларуси не позволяют обеспечивать необходимый транзит электроэнергии. Примерно 40 % потока идет через Эстонию – Латвию.** Объективно «у России с Прибалтикой гораздо более сильные электрические связи, чем с рядом российских региональных энергосистем с АЭС в составе (к примеру, связи Ленинградской области с энергосистемой Карелии и Мурманской области), не говоря о менее мощных региональных энергосистемах»[285]. **Выход этих стран из БРЭЛЛ означает чрезвычайную ситуацию для Калининградской области и Беларуси.**

Возвращаясь к соглашению БРЭЛЛ 2001 года, следует отметить, что оно не содержит положений, регулирующих ключевые аспекты совместной работы:

• централизованное скоординированное планирование;

• диспетчеризацию в реальном времени;

• финансовое урегулирование отклонений объемов фактических перетоков от плановых.

Главная проблема: корпоративный характер соглашения БРЭЛЛ не позволяет снимать разногласия, вытекающие из принадлежности сторон к разным юрисдикциям.

Существуют и политические проблемы БРЭЛЛ. Государства Прибалтики взяли курс на сепаратизацию от российской и

белорусской энергосистем еще в прошлом веке. Министр экономики Эстонии Юхан Партс неоднократно подчеркивал, что выход балтийских стран из общей системы БРЭЛЛ неизбежен и необходим для развития европейского энергорынка[286].

Российские власти, считающие, что одностороннее решение о разделении энергосистемы невозможно, подвергают критике имеющиеся планы Еврокомиссии по выходу государств Прибалтики из единой энергосистемы, охватывающей северо-запад России и Беларусь.

В начале 2002 г. Электроэнергетический совет Содружества Независимых Государств (ЭЭС СНГ) еще раз выразил заинтересованность в синхронной работе энергосистем стран СНГ и Балтии (ЕЭС/ОЭС) с энергосистемами стран, входящих в Союз по координации передачи электроэнергии (UCTE). По согласованию всех сторон 8 апреля 2002 года в 10:35 энергосистемы Латвии, Эстонии и Литвы, а также Калининградской области и части Белоруссии отключились от Северо-Западных энергосистем России для снятия технических характеристик. Отключение состоялось под руководством расположенного в Риге координационного центра DC Baltija. Опыт показал, что Балтийская энергосистема способна работать независимо. Результаты проверки будут использованы для регулирования частоты работающих параллельно энергосистемы стран Балтии и единой энергосистемы России, а в перспективе – для синхронного действия с другими энергосистемами Европы[287].

Однако в дальнейшем позиции сторон претерпели изменения, связанные с взаимным недоверием. Так, в августе 2012 года министр энергетики Литвы Арвидас Сякмокас безосновательно заявил, что Россия готовится к отключению стран Балтии от объединения энергосистем Восточной синхронной зоны (ЕЭС/ОЭС, англ. – IPS/UPS). (Восточная синхронная зона (ЕЭС/ОЭС) объединяет энергосистемы Латвии, Эстонии и Литвы, а также стран СНГ.) По словам министра, в Калининградской области 1 августа 2012 года были проведены испытания с целью оценить готовность электроэнергетической системы Калининградской области к работе после отключения соседних систем. «Такие испытания могут означать, что, понимая стратегическую цель стран Балтии работать синхронно в сети Континентальной Европы, Россия начинает готовиться к десинхронизации электроэнергетических систем стран Балтии от российской системы ЕЭС/ОЭС»[288]. Возникает вопрос: а собственно, чем обеспокоен Вильнюс? Неужели тем, что энергетики Калининграда действительно не исключают того, что страны Прибалтики

«уйдут» из единой энергосистемы? Однако ориентация стран Прибалтики на выход из БРЭЛЛ без соответствующих консультаций и согласований с Россией и Беларусью потенциально создает для последних проблемы. До 40 % пропускной способности между энергосистемами Центра и Северо-Запада Российской Федерации обеспечивается сетями прибалтийских стран. Вышеуказанный проект направлен на содействие развитию трубопроводной транспортировки и объектов электропередачи, поставки природного газа из Российской Федерации в Европейский союз, совместной работы электроэнергетических систем Российской Федерации и Европейского союза, взаимных поставок электрической энергии[289].

Политики стран Прибалтики также неоднократно заявляли о необходимости интеграции с UCTE, при этом оперируя категориями обеспечения собственной энергетической безопасности, понимаемой как устранение зависимости от ЕЭС/ОЭС. При этом, руководствуясь различными соображениями, и Россия, и страны Прибалтики активно рассматривают вопрос о новых энергомостах в Финляндию, Швецию, Польшу. Вероятно, в этом контексте следует рассматривать и планы строительства АЭС в Беларуси и Калининградской области.

Сегодня энергосистемы прибалтийских стран работают синхронно с Единой энергосистемой России и составляют с ней единое технологическое пространство. Однако политики стран Прибалтики считают эту ситуацию ненормальной. Министр экономики Эстонии Юхан Партс подчеркнул, что выход балтийских стран из общей системы (БРЭЛЛ) неизбежен и необходим для развития европейского энергорынка[290].

Российские власти, считающие, что одностороннее решение о разделении энергосистемы невозможно, подвергают критике имеющиеся планы Еврокомиссии по выходу стран Балтии из единой энергосистемы, охватывающей северо-запад России и Беларусь. «Что это для нас означает практически? Это значит, что мы должны будем строить в некоторых западных регионах России дополнительные генерирующие мощности. Поскольку линии электропередач шли через прибалтийские страны в некоторые регионы России и наоборот, а все это будет переключено теперь в Европу, мы должны будем построить дополнительные, не существующие сегодня линии электропередач у нас, чтобы обеспечить передачу электроэнергии. Все это будет нам стоить где-то 2–2,5 миллиарда евро»[291].

В случае реализации этих проектов страны Прибалтики действительно окажутся в более выгодном положении

относительно энергетической безопасности. Однако мы рискнем предположить, что решение об отключении от энергосистем России и Беларуси в ближайшие годы принято не будет.

Энергетические отношения в регионе Балтийского моря содержат не только отрицательные, но и сугубо положительные примеры. Россия воспринимается в Финляндии большинством политиков и экспертов как надежный поставщик энергоресурсов в Финляндию. Россия на 100 % удовлетворяет потребности этой страны в природном газе, почти на 70 % – в сырой нефти, на треть – в каменном угле и на 10 % – в электроэнергии. В глобальной экономике ключевой признак взаимного доверия – инвестиции. Еще в 2008 году финский концерн «Fortum» вложил в российскую энергетику более 2,5 млрд евро, став владельцем территориально-генерирующей компании – ТГК-10, и разработал план развития энергосектора в России в объеме также более 2,5 млрд евро. Инвестиции концерна «Fortum» в российскую электроэнергетику в 2014 году должны достигнуть 4 млрд евро[292].

Спикер Государственной Думы России С. Нарышкин после переговоров с председателем парламента Финляндии Ээро Хейнялуомой так определил перспективы российско-финского сотрудничества в такой деликатной сфере, как атомная энергетика: «Рассчитываем в этом же году доработать и выйти на подписание межправительственного соглашения о сотрудничестве в области использования атомной энергии»[293].

Пример Финляндии явно дискредитирует практику энергетической политики стран Прибалтики. Это видно и на примере планов строительства терминалов сжиженного природного газа (СПГ), дискуссий о «третьем энергопакете ЕС» и т. д.

Рассмотрение вопроса об энергетике в российско-прибалтийских отношениях следует завершить обращением к истории советской Прибалтики конца 80-х годов прошлого века. Речь идет о претензиях к Москве по поводу избыточных энергетических мощностей, якобы угрожающих экологической катастрофой. В Эстонии Народный фронт нападал на Нарвскую и Прибалтийскую ГРЭС, в Латвии – на ГЭС на Даугаве, в Литве – на Игналинскую АЭС. Логика рассуждений реформаторов была следующая: нам не нужны союзные предприятия, а значит, и предназначенная им электроэнергия.

Электроэнергетика Прибалтики была организована идеально. Будучи различными по структуре генерации, три энергосистемы стран региона исторически дополняли друг друга в функциональном плане. Базовую генерацию обеспечивали Литва

с ее мощной АЭС и внушительной по региональным меркам тепловой генерацией (свыше 2,3 ГВт), а также Эстония, основу энергетики которой составляли две крупнейшие в мире электростанции на горючих сланцах совокупной мощностью 3,2 ГВт (сегодня – 2,4 ГВт), расположенные около границы с Россией. Латвия покрывала пиковые нагрузки посредством крупнейших в регионе гидрогенерирующих мощностей (ГЭС общей мощностью около 1,5 ГВт на реке Даугава), которые также иногда вносили заметную лепту в базовую выработку всего региона. К покрытию пиковых нагрузок подключались и Круонисская ГАЭС, до недавнего времени занимавшая второе место по мощности среди этого типа станций на территории бывшего СССР, а также относительно небольшая Каунасская ГЭС (обе в Литве)[294].

Для Эстонии, Латвии и Литвы выход из состава СССР не вызвал нехватки энергии в регионе. Неэнергоемкие национальные хозяйства легко адаптировались к изменению ценовых пропорций и повышению реальной стоимости электроэнергии. Рыночные отношения во многих сферах экономики уживались с централизованной энергетикой, которая обеспечивала предсказуемый и достаточно плавный рост тарифов маленьким странам, имеющим недостаточный объем энергоносителей. Таким образом, «влияние электроэнергетики на текущее экономическое положение стран Балтии и эффективность отрасли не были определяющими факторами для начала реформ»[295]. Именно поэтому в 90-е годы прошлого века страны Прибалтики амортизировали советское наследство в энергетической сфере, не особенно заботясь о будущем. Разделение Советского Союза на республики в политическом плане оказалось гораздо более простым делом, чем разделение единой инфраструктуры транспортной и энергетической. Выросло новое поколение граждан (и неграждан), не помнящих наше общее государство, но подключающих электроприборы к единой энергетической сети.

Закрытие Игналинской АЭС, произведенное из сугубо политических соображений, обошлось в миллионы евро жителям Прибалтики, да и всей Европы. Организация искусственных соединений в условиях стагнации европейской экономики также требует иррациональных расходов. В настоящее время Европейский союз сосредоточил усилия на разработке программы повышения энергетической безопасности, основными элементами которой станут диверсификация энергопоставок (как по географии, так и по видам энергоносителей), разнообразие энергобалансов стран, а также реализация мер по повышению энергоэффективности и энергосбережения.

Энергетическое сотрудничество России и ЕС осложняется

рядом факторов. Первый из них – стороны по-разному видят оптимальную организацию сектора. «Преимущества либерализации энергетического рынка и необходимость дальнейшей интеграции региональных рынков в Европе и других частях мира осознаются во все большей степени»[296]. Парадокс в том, что в Брюсселе и столицах Прибалтики «дальнейшую интеграцию» понимают через дезинтеграцию с российским энергетическим рынком.

Расходы ЕС – это забота его граждан. Однако вероятная синхронизация превращает Калининград в остров, создает мощные риски для энергосистем Центра, Северо-Запада и Беларуси.

Таким образом, речь идет о разном понимании сути международных экономических отношений. Действия Евросоюза во многом продиктованы стремлением распространить на партнеров свои правовые нормы, а вовсе не рыночные механизмы в энергетике. Экстраполяция законодательства выгодна Евросоюзу, поскольку упрощает сотрудничество с третьими странами, облегчает деятельность европейских компаний. В результате ЕС оказывается в положении ведущего, а его партнеры становятся ведомыми, к тому же не учитывается их специфика. Все это противоречит принципу равенства партнеров, ключевому для внешней политики России[297].

Причем эти правовые нормы необязательно гарантируют наилучшее решение с экономической точки зрения. «За безопасность приходится платить» – дежурный лозунг политиков Прибалтики, однако платят не политики, а население.

Заключение. Прибалтика 2.0 и культурная травма будущего

Некритическое восприятие данного региона имеет определенные предпосылки. Позиционирование Прибалтики как лаборатории постсоветского строительства и региона опережающего развития для части научного экспертного сообщества связано с тем, что процессы разрушения советской модели в экономике и политике конца восьмидесятых – начала 90-х годов именно в Прибалтике были запущены и реализованы.

Изначально «в отечественных экспертных кругах… преобладало мнение, что, отделившись в 1991 году от СССР, три прибалтийские республики стали образцом успеха и архипелагом благополучия на постсоветском пространстве»[298]. В 1995 году в докладе авторитетного и ныне Совета по внешней и оборонной политике было отмечено: «Россия как наиболее мощная держава должна инициировать сближение со странами Балтии, движение в пользу создания с ними добрососедских отношений по мере успешного решения в этих государствах проблем национальных меньшинств и в случае их не вхождения в военно-политические блоки. Вместе с тем заинтересованная в процветании Балтийских государств, в их сближении с Европой Москва должна поддержать их скорейшее вхождение в Европейский союз»[299]. Впрочем, уже через пять лет в докладе СВОП акценты явно сместились: «..не подтвердились надежды некоторых кругов, что Россия сможет получить лояльный по отношению к себе “балтийский коридор”, наличие которого существенно облегчит нашей стране интеграцию с Европой»[300].

В течение длительного времени в российских исследованиях государств Прибалтики проходила дискуссия о статусе государств Прибалтики в рамках постсоветского пространства. По мнению А.В. Рябова, «в целом Балтийские страны развиваются по европейским политическим алгоритмам, а местные национальные сообщества функционируют по законам, правилам и процедурам, характерным для демократического капитализма Европы»[301]. С другой стороны, существует и альтернативная точка зрения, изложенная не только в российских научных журналах, но и, к примеру, в журнале per Concordiam, издаваемом Европейским центром исследований по вопросам безопасности имени Джорджа К. Маршалла: «Прежде всего, непонятным представляется то обстоятельство, на каком основании исследователи постсоветской проблематики единодушно отказываются включить в это

неопределенное “пространство” страны Балтии, около 300 лет (за исключением периода 1928–1940 годов) входившие в состав сначала Российской, а затем Советской империй. Особо следует при этом отметить, что заложили эту “традицию” и продолжают ее развивать, как это ни странно, именно российские авторы»[302]. Странно ли это? Нет. Как минимум десять лет самым парадоксальным образом для огромной России в качестве модели развития предлагали рассматривать государства Прибалтики. Но уже десять лет назад не только органы власти, но и оппозиционные эксперты пришли к иному выводу: «В балтийской фанаберии – не менее 90 % заведомого блефа»[303].

Масштабные усилия политических элит государств Прибалтики привели к тому, что изначально сугубо дружественное отношение россиян, в том числе экспертов и дипломатов, к Прибалтике изменилось. Вслед за Н. Шепетисом признаем, что «…самые влиятельные представители цеха историков и родственных наук, очень чувствительные ко всякому поощрению “этноцентризма” на официальном уровне, понимают всю меру унизительности “диагноза” – балтофилия»[304]. Да, есть три страны с формальной независимостью, сугубо средним уровнем развития, постдемократической политической системой, системными нарушениями прав человека и непреодолимыми комплексами исторической памяти, культурной травмой, испорченной идентичностью. «Республики Прибалтики самой своей бурной реакцией на события в Москве и на все, что говорит, как им кажется, о ее имперских поползновениях, показывают, что психологически они из *(постсоветского)* пространства еще окончательно не вышли»[305].

Что же произошло, почему Прибалтика 2.0 не выдержала даже тех 13–14 квазидемократических режимов, характерных для Прибалтики 1.0? Вероятно, прав профессор Мюллерсон: «Слишком много разговоров об универсальных ценностях и идеалах зачастую скрывают определенные частные интересы»[306]. Интерес политической элиты Эстонии (Латвии), численно уступающей аппарату правительства Санкт-Петербурга, абсолютно прозрачен и понятен. На первом этапе – приватизировать движимое и недвижимое имущество ЭССР на основе дискриминации нетитульного населения. На втором этапе – создать такую государственность, которая позволяла бы все ошибки и преступления власти списывать на внешних и внутренних врагов. Это не только Россия. **Потенциально на роль внешнего «чужого» аккуратно готовят и Европейский союз, поддерживая через третьи руки откровенно антииммигрантские движения.**

Жесткий антироссийский курс, реализуемый более или менее последовательно в течение 25 лет, встроен в практики программирования общественных настроений, структуру органов власти, политические, а главное – экономические практики. **Прибалтике не нужны извинения России, но не нужна и ее капитуляция, Прибалтике нужен фактор вечного и универсального «чужого». Без этого не объяснить собственные провалы в экономике, политике, социальной практике.** Не случайно диссидент и правозащитник, высланный из СССР, профессор Йельского университета (США), литовский поэт Томас Венцлова отметил: «Послушаешь литовских политиков, так они буквально зациклены на истории страны. Нет ли в этом лицемерия? Эта зацикленность – по большому счету вранье. На самом деле важны лишь деньги. А историю приплетают как обоснование для добычи их очередной порции»[307]. Впрочем, это полностью относится и к Эстонии, и к Латвии. Проблема в том, что для понимания этого обстоятельства нужно уехать. Впрочем это уже давно не отъезд – это исход.

Что же касается экономики, то здесь ситуация не лучше. Экс-министр экономики **Латвии** так оценивает **экономическую систему** своей страны: «Имеющаяся у нас сейчас – **близка к так называемой "китайской системе развития"**. Она ориентируется на производство, а инвестиции в ней проводятся в фиксированные средства. В такие, например, предприятия, как Liepājas metalurgs»[308]. Действительно, хороший пример, указанный металлургический завод – предприятие-банкрот с масштабными долгами государству, в стадии остановки производственной и финансовой деятельности[309]. Что же касается сравнения с китайской моделью, оставим этот сюжет без комментариев ввиду изначальной абсурдности самой идеи как с теоретической, так и с практической точек зрения.

Однако экономика в современном обществе – это не все. В современном мире экономических проблем нет только там, где нет экономики. В политике диагноз не менее очевиден. Юргис Лиепниекс справедливо отметил: «Мы не строим политическую нацию. Мы не считаем граждан нелатышской национальности такими же, как мы, полноценными хозяевами в этой стране»[310]. А можно ли вообще считать неграждан хозяевами? Впрочем, гражданство – это еще не спасение от преследования по политической статье. 3 марта 2016 года, практически без дебатов, большинство Сейма в первом чтении приняло поправки в Уголовный кодекс.

Службы безопасности пытаются протолкнуть в Уголовный кодекс такие нормы, которые им самим облегчат определение

«обвиняемых» лиц и скроют неспособность этих служб существующими правовыми средствами защитить основополагающие интересы Латвии и национальной безопасности в полном объеме. Я. Урбанович, лидер оппозиционной фракции, дает следующую оценку: «Авторы этого предложения, не долго думая, взяли за основу Уголовный кодекс Российской Федерации в редакции 1926 года и почти полностью скопировали его 58-ю статью»[311].

При этом **в Прибалтике не существует классической этнократии и этнонации. Этническая элита должна сама ориентироваться на национальные ценности, однако в Эстонии, Латвии, Литве элита глубоко космополитична, но задает своему обществу «национальный» набор ценностей. В условиях малых стран – «все знают всех» – это тоже становится компонентом культурной травмы.**

В отличие от психической травмы, которую исследовали психологи и психиатры весьма давно, культурная травма или травма идентичности стала предметом изучения в социологии в начале XXI века, и уже затем возникла дискуссия в общественных науках в целом. В самом общем плане «культурная травма рассматривается в первую очередь как эмпирическое, научное понятие, которое предполагает наличие новых смысловых и причинных связей между ранее не связанными между собой событиями, структурами, представлениями и действиями»[312]. Для нас более важен производный подход, связанный с подменой набора культурных ценностей.

Примеры деформации ценностного набора больших социальных групп, в т. ч. наций, хорошо известны историкам. В 90-е годы XX века крах коммунистической модели и распад СССР надолго отвлекли внимание от проблемы сохранения культурной идентичности крупных социальных общностей. Польский социолог П. Штомпка трактует культурную травму как последствие столкновений культурных ценностей социума с «чужим» и враждебным окружением, вызвавшим изменения в социальной жизни[313]. В эту схему хорошо укладываются социальные процессы периода постсоветской адаптации. Примерно до 2000–2004 гг. Ориентир – вступление государств Прибалтики в ЕС.

Эстонский исследователь Аарелайд-Тарт А. как использует эту теоретическую концепцию применительно к социальным процессам, связанным с советизацией, так и ставит вопрос о травме постсоветской адаптации[314]. Автор применила эту концепцию к исследованию двух травм: старой, вызванной аннексией Эстонии со стороны СССР и заставившей народ

адаптироваться к советскому менталитету; и новой – травмы от посткоммунистических трансформаций. С нашей точки зрения, культурных травм не две, а три. Помимо двух вышеупомянутых есть и третья культурная травма. Именно она может служить объяснением происходящих в государствах Прибалтики социальных и политических процессов. **Речь идет о культурной травме НЕ гарантированного будущего.**

Экономический кризис 2008–2009 гг. и миграционный кризис 2015–2016 гг. вызвал в Прибалтике реакцию переосмысления ценностей. Травма «советской периферии» трансформируется в новую травму «периферии европейской». В начале 80-х годов **эстонцы, латыши, литовцы, при любом уровне антисоветских настроений или их отсутствии, испытывали обоснованное чувство гордости за свою республику**[315]. Происходящее сегодня – культурный шок. Неизбежно возникает вопрос о том, почему мы – т. е. прибалты, в экономике переместились из авангарда в арьергард? Надо ли было идти на сегрегацию русских, чтобы потом принимать беженцев из Африки? Говоря о России, С. Караганов пишет: «Увеличились ценностные различия. Мы, Россия, о чем тоже не хотели говорить, шли к традиционной Европе. Это сильное государство, суверенитет, традиционная семья и отношения полов, консервативные ценности, от которых мы были 70 лет отлучены – религия, христианство. Мыто шли в европейском направлении, а Европа в этот момент уже ушла в другую сторону»[316]. Вернемся к обществам в Прибалтике, уточним, а куда шли они? К суверенитету, традиционным ценностям, в случае с Литвой – к религии. Но **костел, который был в Литве символом веры не только в Бога, но и в нацию**, пустеет, суверенитета нет, стабильности нет, непонятно, что теперь ценность и что теперь традиция. Советская Литва – образец для подражания, современная Литва де-факто – несостоявшееся государство.

Дорога в ЕС и НАТО рассматривалась как единственно возможная: «**Если все дороги ведут в Рим, то лучше стать частью Рима»**[317]. Формула, приемлемая почти для всех. **Дороги действительно привели Прибалтику в новый Рим, но это произошло незадолго до 476 года.** В 2016 году очевиден тот факт, что «государства-основатели» ЕС, безусловно, в крайнем случае, но готовы решать свои проблемы за счет периферии.

Понимание этого обстоятельства в прибалтийских социумах очевидно. Реакция – присутствует. Не случайно Р. Мертон выделяет четыре способа выхода из культурной травмы:

1) инновация – восприятие новых навязанных ценностей;

2) ритретизм – возникновение «двойных стандартов»,

желание забыть то, что было прежде;

3) бунт – противостояние ценностной агрессии;

4) бегство – внутренняя или внешняя эмиграция.

В Эстонии сложился акцент на первый и второй способы преодоления культурной травмы.

Если рассматривать Литву, Латвию, то четвертый способ в теоретической конструкции Роберта Мертона самый актуальный.

Где же бунт? В этом регионе его уже не может быть; в отличие от Польши, Беларуси и России, в Прибалтике наблюдается классическая стадия обскурации в развитии государственных этносов. Немецкая, еврейская, русская общины в Прибалтике 1.0 обеспечивали не только свое выживание, но и полноценное функционирование государства как арбитра в спорах любого типа.

В качестве признаков культурной травмы, наиболее характерных для социума Прибалтийских государств, следует выделить:

• накопленную высокую степень социальной и экономической дифференциации в титульных нациях;

• демонстративное отторжение представителей нетитульной нации, в т. ч. и независимо от гражданства, создающее, однако когнитивный диссонанс в рамках дискурса о европейских ценностях;

• деградацию национальной культуры – невозможность воспроизводства интеллектуальной элиты[318];

• достижение высокой степени управляемости социальными представлениями, которые были сконструированны элитами для объяснения новых политико-экономических явлений;

• изначально высокий уровень культурного изоляционизма, характерный для всей истории эстонского и латышского народа и большей части истории литовцев;

• деструкцию национальной идентичности, в обмен на квазигосударственность.

Некоторые исследователи полагают, что прошлое вытесняет будущее, что изобилие травмирующих воспоминаний прошлого мешает развитию адекватного будущего[319]. С нашей точки зрения, в Прибалтике это явление есть. Но происходит и прямо противоположное. В Таллине, Риге, Вильнюсе происходит уникальный процесс замещения «прошлого» «будущим». Анализ перспектив не может привести к оптимистическим выводам. К концу века завоевывать Литву или Эстонию будет бессмысленно. Там просто никого не останется, равным образом еще раньше закончится экономика. Реалистичное понимание будущего Прибалтики заставляет элиты решать задачу конструирования

такого прошлого, которое должно быть хуже будущего. Этот подход совпадает с моделью Нейла Смелзера, который указывает на разницу между психологической и культурной травмой. С его точки зрения, культурные травмы создаются, а не рождаются. Далее он определяет культурную травму как «захватывающее и подавляющее событие, которое, как считается, подрывает, и подавляет один или несколько ключевых элементов культуры или культуру целиком»[320]. Впрочем, тезис об одном «ключевом элементе» не единственный подход. Для изучения Прибалтики следует использовать концепцию Рона Айермана: «Культурные травмы – это не вещи, а **процессы создания смыслов и атрибуций, длящаяся борьба, в которой разные индивиды и группы стремятся определить ситуацию, управлять ею и контролировать ее**»[321].

Латвийский эксперт Юргис Лиепниекс справедливо отметил: «Мы не строим политическую нацию. Мы не считаем граждан нелатышской национальности такими же, как мы, полноценными хозяевами в этой стране»[322]. Однако это только часть правды. Не латыши – не хозяева де-юре и де-факто. А латыши? Литовцы? Эстонцы? В абсолютном большинстве они тоже не хозяева де-факто, более того, они это понимают. «**Власть предержащие уже не испытывают необходимости обращать внимание на общественность. Воцарилось мнение, что цель оправдывает средства.** Носители власти насмехаются над правилами игры демократии. Власть продажна. Во имя власти мирятся с ложью»[323].

Для тех, кто выходит на путь борьбы (бунт – противостояние ценностной агрессии, по Р. Мертону), власть предлагает рецепты, которые только углубляют культурную травму. 3 марта 2016 года, практически без дебатов, большинство Сейма Латвии в первом чтении приняло поправки в Уголовный кодекс. В Уголовный кодекс вводятся новые нормы. Я. Урбанович, лидер оппозиционной фракции, дает следующую оценку: «Авторы этого предложения, не долго думая, взяли за основу Уголовный кодекс Российской Федерации в редакции 1926 года и почти полностью скопировали его 58-ю статью»[324]. Может ли свой авторитаризм (тоталитаризм) быть лучше «оккупационного»? Исторический опыт Европы и самих государств Прибалтики свидетельствует – может.

Проблемы Прибалтики 2.0 не связаны с Россией. Современные проблемы государств Прибалтики имеют сугубо внутренний генезис. Негативное будущее прибалтийского политического проекта, его сроки и формы предопределены войной элит с прошлым и будущем одновременно,

предательством этнических меньшинств, поддержавших борьбу за независимость. Общим для всех трех государств является культурная травма и ее генезис, связанный с проблемами идентификации и самоидентификации. Генезис культурной травмы – концепция избирательной идентичности, игнорирующая не только советский опыт – «оккупанты», немецко-шведскую эпоху – «захватчики», но и большую часть политического и экономического опыта первых республик. В этих условиях «идентичность – это не только постоянно меняющиеся представления о том, что есть группа, это всегда борьба за контроль над данным представлением, за дефиницию, за то, что составляет главные черты и ценности группы. Причем борьба не только политическая. Она идет в сфере науки и религии, в области языковых отношений, символики, исторических и территориальных представлений и т. д.»[325].

В этой борьбе постоянно идет подмена смыслов: действительно, «вне категорий идентичности невозможно понять суть различия между концептами “Северной” и “Нордической” Европы; или смысл дискуссий о том, является ли постсоветская Прибалтика частью “Балтийской”, “Северной”, или “Центральной” Европы»[326]. Однако сама дискуссия – это конкуренция мифов. «Культура, поведение, обычаи эстонского народа и его пристрастия, скажем, к Интернету и мобильным телефонам – все это говорит о том, что мы имеем дело с северной моделью»[327]. Несколько странные основы идентичности, именно поэтому мы не можем вслед за эстонскими социологами согласиться с тем, что «в длительной перспективе балтийское (северное) сообщество может привести к формированию широкой региональной идентичности, которая будет объединять усилия всех стран Балтийского моря»[328]. Это не получится потому, что лояльность Брюсселю не поможет в организации политического проекта балтийской идентичности, в которой Хельсинки и Берлин окажутся заложниками Таллина и Вильнюса.

Прибалтика была, есть и долго будет частью постсоветского пространства в связи с тем, что декларативно осуждаемые постсоветские практики на самом деле наиболее удобны Таллину, Риге, Вильнюсу.

Не следует недооценивать политическую элиту государств Прибалтики. Являясь практиками и прагматиками, они прекрасно поняли возможности своих государственных проектов, а точнее отсутствие возможностей. В этих условиях основное внимание уделяется процессуальному аспекту формирования идентичности. Конструируемая государственная идентичность обязана быть основой коллективного социального действия, значит, она

обязана быть позитивной. Но если для этого нет объективных предпосылок, тогда противопоставление какбы своего чужому – единственный способ «движения». Убрать скульптуры с Зеленого моста в Вильнюсе, без условно, проще, чем построить мост, не говоря уже об АЭС. Однако конструктивистский ресурс подобных упражнений не безграничен. К примеру, литовское общество готово было бы принять версию о своей европейской идентичности, притом что заработная плата будет хотя бы такая же, как в Польше, и за продуктами поляки будут ездить в Литву, а не наоборот. Кампания против «грязной энергии» Островецкой АЭС в Беларуси раскручивается теми же коллективными пропагандистами и агитаторами, которые рассказывали за год до этого о «чистой энергии» несостоявшейся АЭС в Висагинасе.

В этих условиях, если использовать термин И. Гофмана[329], формируется испорченная идентичность, основанная на несовпадении реальной экономической и политической ситуации с декларируемой государственной идентичностью.

Существует следующая точка зрения:

«И “Восток” и “Запад” потеряли своих “других”, в связи с которыми были сконструированы политические и территориальные идентичности и образы внешней угрозы»[330]. Мы в целом разделяем концепцию эстонских коллег, но не согласны с выводом о том, что Прибалтика потеряла своего «другого». Для решения своих внутренних проблем политические элиты Прибалтики постоянно наращивают «чужого». Именно поэтому с каждым годом растет число репрессированных и погибших в 1940 году, сумма ущерба, изощренность концепций исторической памяти.

В 1872 г. Отто фон Бисмарк, хорошо знающий как Россию в целом, так и Остзейские губернии, заявил, что он «не принял бы Прибалтику даже в том случае, если бы Россия сделала ему такой подарок»[331]. Можно сказать, что и в этом случае он был прав. Прибалтика 2.0 как «модель» не подарок и для России, и для Германии, и для Евросоюза, и для самой Прибалтики.

notes

Сноски

1

Иванов И.С. Внешняя политика в условиях глобализации. М., 2011. С. 80.

2

Белло У. Трансатлантическое и транстихоокеанское партнерства: как обуздать ярость народов // Мир перемен. – № 1. 2015. С. 121.

3

Министр сообщений Улдис Аугулис: В Латвию идут 100 миллионов евро Китая. URL: http://baltnews.lv (09.03.2016).

Бусыгина И. Асимметричная интеграция в Евросоюзе // Том 11. № 1(32). Январь – апрель 2013 г. URL: http://www.intertrends.ru/fifteen/002.htm (дата обращения: 18.05.2014).

Шлегель К. Европа – пограничная страна // Вестник Европы. № 9. 2003. URL: http://magazines.russ.ru/vestnik/2003/9/shleg.html.

Межевич Н.М. Европа от Лиссабона до Владивостока: общие и частные интеграционные вызовы // Проблемы и перспективы взаимодействия между Европейским союзом, Украиной и Россией в новых условиях: материалы сборника научных трудов Ассоциации «Центр исследований экономического и социокультурного развития стран СНГ, Центральной и Восточной Европы» / Под ред. *С.Г. Арбузова и Р.С. Гринберга*. М., 2015.

Урбанович Я. «Коричневатый рассвет» современной Европы. URL: http://www.balticforum.org/ru/publications/articles/ (05.05.2015).

8

Арбатова Н.К. Посткризисные модели европейской интеграции // МЭиМО. № 11. 2014. С. 21.

Лукьянов Ф. Оборотная сторона Греции / Российская газета. 8 июля 2015 г. URL: http://www.rg.ru/2015/07/07/kolonka.html (08.07.2015).

Лавров С.В. Внешняя политика России: новый этап // Эксперт. 17 декабря 2007 г. С. 76.

11

Final Report of the Future of Europe Group of the Foreign Ministers of Austria, Belgium, Denmark, France, Italy, Germany, Luxembourg, the Netherlands, Poland, Portugal and Spain. 17 September 2012. Available at the Web site of the Federal Foreign Office of Germany. URL: http://www.auswaertiges-amt.de/cae/servlet/contentblob/626338/publicationFile/171843/120918-Abschlussbericht-Zukunftsgruppe.pdf.

12

Towards a Genuine Economic and Monetary Union. Report by President of the European Council Herman Van Rompuy. European Council. 26 June 2012.

13

Гидденс Э. Неспокойный и могущественный континент. Что ждет Европу в будущем? М., 2015. С. 227.

14

Голдстоун Дж. Почему Европа. Возвышение Запада в мировой истории. 1500–1850. М., 2014.

Подробнее: *Крауч К.* Постдемократия. М., 2010.

Крастев И., Леонард М. Новый европейский беспорядок. URL: http://www.globalaffairs.ru/number/Novyi-evropeiskii-besporyadok-17196 (17.12.2014).

Лукьянов Ф. 2015: Попытка найти позитив // Российская газета (Федеральный выпуск). № 6861 от 23 декабря 2015 г. URL: http://www.rg.ru/2015/12/23/kolonka.html.

18

Межевич Н.М., Сазанович Л.С. Кризис европейского интеграционного проекта: уроки для всех и для стран Прибалтики // Янтарный мост. № 4, 2015.

Нарышкин С.Е. Уроки нравственности, забытые Европой. URL: http://www.gosduma.net/news/274/1223069/.

20

Размышления о будущем ЕС. Координация и подведение итогов. Фонд имени Генриха Белля. Берлин, 2012.

Лаар М. Грядут плохие времена. URL: http://rus.err.ee/estonia/8ace8b8fdcd9-410a-aa81-808cda7f7237 (26.05.2013).

Медведев Д. А. Новая реальность: Россия и глобальные вызовы. Опубликовано в РГ (Федеральный выпуск) № 6785 от 24 сентября 2015 г. URL: http://www.rg.ru/2015/09/23/statiya-site.html

Шинкарецкая Г.Н. Как распадался Союз Советских Социалистических Республик. URL: http://igpran.ru/articles/2956/.

Кортунов С.В. Национальная идентичность: Постижение смысла М.: Аспект Пресс, 2009. с. 417.

25

Соколов В. Почему Таллинн стремится на Запад // № 10 (30). 21.06.2001. Независимая газета. Дипкурьер.

Концепция внешней политики Российской Федерации // Дипломатический вестник 1993 г. № 1–2; Концепция внешней политики Российской Федерации URL: http://www.scrf.gov.ru/documents/2/25.html; http://www.kremlin.ru/text/docs/2008/07/204108.shtml (12 июля 2008 года); Концепция внешней политики Российской Федерации (12 февраля 2013 г.). URL: http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70218094/.

Путин В.В. Интервью итальянской газете Il Corriere della Sera. URL:

http://kremlin.ru/events/president/news/49629 (6 июня 2015 года).

Смирнов В.А. Формирование политической элиты Литвы на рубеже 1980-1990-х годов: роль «политиков морали» // Балтийский регион. 2011. № 4. С. 18.

Хайэм Ч. Торговля с врагом // Пер. с англ. М., 1985.

Фердросс А. Международное право / Пер. с нем. М.: Иностранная литература, 1959. С. 65.

31

Рыжакова С. Латышская национальная история: о культурных механизмах в конструировании и реферировании прошлого // Антропологический форум. № 11. С. 267.

Межевич Н.М., Сазанович Л.С. Ключевые вопросы новейшей истории государств Прибалтики в современной научной литературе: между истиной и идеологией // Клио, 2015. № 3 (99). С. 53–57.

Плат К. Оккупация vs. колонизация: история, постколониальность и географическая идентичность. Случай Латвии. URL: http://www.intelros.ru/readroom/nz/nz_71/6961-okkupaciya-vs-kolonizaciya-istoriya-postkolonialnost-i-geograficheskaya-identichnost-sluchaj-latvii.html.

В связи с тем, что правовая аргументация представителей Эстонии и Латвии практически идентична, а история международных отношений едина, с данного момента объектом рассмотрения становится Эстонская Республика. Сделанные выводы относятся как к Эстонии, так и к Латвии.

Warbrick C. Recognition of States: Recent European Practice // Aspects of Statehood and institutionalism in Contemporary Europe (ed. by M.D. Ewans part Mouth, 1997. P. 10).

Гасымов Ф. Возникновение новых субъектов международного права в результате распада СССР и Югославии. URL: http://www.legal.az/index.php?
option=com_content&task=view&id=176&Itemid=77 (13.09.2006).

Koskenniemi M., Lehto M. La succession d'Etats dans l'ex-URSS, en ce qui concerne particulierement les relations avec la Finlande // Annuaire francais de droit international. P. 192.

Элен А. Взгляд европейских юристов на распад СССР // Правоведение, 1999. № 2. URL: http://law.edu.ru/magazine/document.asp?
magID = 5&magum = 2&magYear = 1999&articleID = 149079.

Черниченко С.В. Об «оккупации» Прибалтики и нарушении прав русскоязычного населения. URL: http://www.mid.ru/ns-pobeda.nsf/b33502c dd8144475c3256eda0037e5fc/ a9693d8763f70b92c3256f00001e65f2?OpenDocu ment.

Mullerson R. The Continuity and Succession of States, by Reference to the Former USSR and Yugoslavia. P. 483.

Сайт департамента гражданства и миграции Эстонской республики. URL: http://www.kodanik.ee/vene/ajalugu/.

42

Kryzys 1939 roku w interpretacjach polskich I rosyjskich historykÓw. Pod redakcja Slawonira Dębskiego i Michaiła Narinskiego. Polski Institut Spraw Międzynarodowych. Warszawa, 2009. 479 s.

Лаар М. Красный террор: Репрессии советских оккупационных властей в Эстонии / Пер. с эстон. *С. Карм.* Таллинн: Grenader, 2005. 170 с.

Дюков А. Р., Симиндей В. В. Государственная историческая политика Латвии: материалы к изучению. М.: Фонд «Историческая память», 2011. 210 с.

Смирнов В.А. Роль политических элит в формировании исторической политики в странах Прибалтики // Балтийский регион, 2015. № 2 (24). С. 79.

Фелдманис И. Оккупация Латвии – исторические и международно-правовые аспекты [Электронный ресурс]. URL: https://www.mfa.gov.lv/ru/information/history/history-juridical-aspects/?print=on (дата обращения: 10.07.2014).

Фелдманис И. Оккупация Латвии – исторические и международно-правовые аспекты [Электронный ресурс]. URL: https://www.mfa.gov.lv/ru/information/history/history-juridical-aspects/?print=on (дата обращения: 10.07.2014).

Черниченко С.В. Об «оккупации» Прибалтики и нарушении прав русскоязычного населения. URL: http://www.mid.ru/ns-pobeda.nsf/b33502c dd8144475c3256eda0037e5fc/ a9693d8763f70b92c3256f00001e65f2?OpenDocu ment.

Черниченко С. В. Теория международного права. В двух томах. – Т. 2. – М., 1999. С. 73–76.

Черниченко С.В. Об «оккупации» Прибалтики и нарушении прав русскоязычного населения. URL: http://www.mid.ru/ns-pobeda.nsf/b33502c dd8144475c3256eda0037e5fc/ a9693d8763f70b92c3256f00001e65f2?OpenDocu ment /

Meissner B. The Occupation of the Baltic States from a Present-Day Perspective // The Baltic States at the Historical Crossroad. Riga, 1998. P. 475.

Мельтюхов М. Упущенный шанс Сталина. Советский Союз и борьба за Европу. М., 2000. С. 193.

Andersons E. Latvijas vēsture. Ārpolitika II 1920–1940. Stockholm, 1984. P. 211.

Орлов А.С. СССР и Прибалтика. 1939–1940 // История СССР. 1990 № 4. С. 46.

Черчилль У. Вторая мировая война. Ростов-на-Дону, 1997. С. 59.

Taagepera R. Estonian Return to Independence. Westview press, 1993. P. 59.

Walter C., Clemens. Jr. Baltic Independence and Russian Empire. New York, 1991. 51 p.

Estonia 1940–1945: Reports of the Estonian International Commission for the Investigation of Crimes Against Humanity. URL: http://www.historycommission.ee/temp/pdf/conclusions_ru.pdf (11.03.2007).

59

Народный конгресс. Сборник материалов конгресса Народного фронта Эстонии. 1–2 октября 1988 года. Таллинн, 1989. С. 217.

Анцилотти Д. Курс международного права. М., 1961. С. 427.

61

Семиряга М.И. Тайны сталинской дипломатии 1939–1941. М., 1992. С. 208.

62

От пакта Молотова – Риббентропа до договора о базах. Документы и материалы. Таллинн, 1990. С. 52.

63

От пакта Молотова – Риббентропа до договора о базах. Документы и материалы. Таллинн, 1990. С. 53.

Секретные миссии. Пер. с англ. М., 1964. С. 77.

Межевич Н.М. Военное планирование Эстонии и Финляндии как фактор формирования систем безопасности в 1939 году // Вторая мировая война: мифы легенды, реальность. СПб., 2010.

Urmas Salo. Estimation of security threats and Estonian defense planning in the 1930-s // Acta Historica Tallinnensia, 2008, 12, 35–74.

67

От пакта Молотова – Риббентропа до договора о базах. Документы и материалы. Таллинн, 1990. С. 37.

Leskinen J. The silenced bridge of Finland Secret military cooperation between Finland and Estonian against the Soviet Union 1930-1939 // Россия и Финляндия в XX веке. СПб. – Liechtenstein, 1997. С. 124.

Амосов И. Почтарев А. Цель – уничтожить Балтфлот // Независимое военное обозрение. URL: http://nvo.ng.ru/history/2005-01-21/5_laplandia.html (21.01.2005).

Лескинен Я. Тайное военное сотрудничество Финляндии и Эстонии против СССР // Цитадель. № 10. – СПб., 2002.

Веретенников А. Стыдно за предвоенную Эстонию? Estonia online. URL: http://www.estoniaonline.ru/news/151/ARTICLE/5480/2007-03-15.html (15.03.2007).

Гарантии безопасности по Статуту Лиги Наций. М., 1937. С. 81.

73

Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками. Сборник материалов в 7 томах. Т. 7. М., 1961. С. 367.

Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. 5. М., 1930. С. 5–8.

Конвенция об определении агрессии (заключена в г. Лондоне 03.07.1933). URL: http://bestpravo.ru/fed1991/data04/tex17922.htm.

Орешина М. А. Прибалтийские «мозговые центры» в рядах фальсификаторов российской истории / Военно-исторический журнал. 2012. № 8 [Электронный ресурс]. URL: http://history.milportal.ru/2012/08/pribaltijskie-mozgovye-centry/ (дата обращения 28.10.2014).

Latvija un Otrā pasaules kara bāzes Eiropā: Atzīmējot nacistu kapitulācijas 60. gadadienu. Rīga, 2005. 287 lpp.

Историк: в Саласпилсе уничтожили всего-то 2000 человек. URL: http://rus.tvnet.lv/novosti/politika/244578-istorik_v_salaspilsje_unichtozhili_ vsjegoto_2000_chjelovjek(дата обращения 28.10.2014).

Užsienio reikalų ministro Audroniaus Ažubalio metinis pranešimas Lietuvos Respublikos diplomatinių atstovybių vadovų metiniame suvažiavime. Vilnius, 2012 m. liepos 18 d. [Электронный ресурс]. URL: http://www.urm.lt/index.php?2021555892 (дата обращения 24.10.2014).

Плат К. Оккупация vs. колонизация: история, постколониальность и географическая идентичность. Случай Латвии [Электронный ресурс]. URL: http://www.intelros.ru/readroom/nz/nz_71/6961-okkupaciya-vs-kolonizaciya-istoriya-postkolonialnost-i-geograficheskaya-identichnost-sluchaj-latvii.html (дата обращения 02.11.2014).

81

Финская журналистка: музей оккупации отрицает холокост. 16.06.2008 [Электронный ресурс]. URL: http://rus.delfi.ee/daily/estonia/finskaya-zhurnalistka-muzej-okkupacii-otricaet-holokost.d?id=19148244 (дата обращения 12.10.2014).

Никитина Ю. Историческая ответственность и наследие истории на постсоветском пространстве //Аналитическая записка № 202. ПОНАРС. Евразия. Май 2012 года.

83

«В 1991 году, наверное, это было в сентябре, я вел переговоры в Москве с первым заместителем главы советского МИДа Владимиром Петровским о дипломатических отношениях между СССР и Эстонской Республикой. Был очень важный политический нюанс в формулировках – то ли восстанавливать, то ли устанавливать дипотношения. Эстонская позиция была за формулировку “восстанавливать”, поскольку время с 1940 года считалось периодом искусственно прерванной государственности и оккупации. Советское руководство с этим не соглашалось. Мы с Петровским пытались найти решение и согласились на нейтральный вариант: Эстония и Советский Союз находятся в дипломатических отношениях. Восстановлены, установлены или вновь созданы – этот вопрос был обойден. Дальше события развивались так. Я вернулся в Таллин, а Леннарт Мери поехал в Москву для подписания договора с главой МИД СССР Борисом Панкиным. За час до встречи двух министров мне звонит находившийся в Москве один из сотрудников нашего МИДа – Леннарт требует, чтобы мы в эстонском тексте изменили формулировку. Дескать, напишем, что возобновляются дипломатические отношения, русские, мол, все равно не поймут. То есть не компромисс, а наша, эстонская формулировка. Это было серьезно, я срочно звоню в Москву в наше посольство, где еще находился перед поездкой в советский МИД Леннарт Мери. Говорю ему: Леннарт, если ты это сделаешь, мы войдем в учебники истории международного права, причем не с лучшей стороны. Потому что есть норма Венской конвенции – договор считается недействительным, если одна сторона обманывает другую». Цит. по: *Мюллерсон Рейн*: Эстонская дипломатия нуждается в модернизации. URL: http://amberbridge.artinfo.ru/newstext?id=4795 (27.02.2011).

Misiunas R., Taacepera R. The Baltic States: Year of dependence, 1940–1980. London, 1983. 400 p.

85

Кантор Ю. Прибалтика: война без правил (1939–1945). СПб.: Звезда, 2011. С. 243.

Худолей К.К. Советизация балтийских государств летом 1940 года и ее последствия // Вестник Санкт-Петербургского ун-та. Сер.6: Философия. Культурология. Политология. Право. Международные отношения. 03/2013. Вып. 1. С. 94–110.

Ильмярв М. Международный кризис 1939–1941 гг.: От советско-германских договоров 1939 года до нападения Германии на СССР. М., 2006. 276 с.

Ильмярв М. Безмолвная капитуляция. Внешняя политика Эстонии, Латвии и Литвы между двумя войнами. М.: Российская политическая энциклопедия, 2012. 806 с.

Вийрес А. История Эстонии в сталинских тисках [Электронный ресурс]. URL: http://www.eha.ee/raamatud/Tuna/lk157-172%20Viires%20Tuna_vene.pdf (дата обращения 05.09.2014).

Поворотные моменты истории Эстонии / Дополнительные материалы для учителя. Составители: *Томас Карьяхярм, Андрес Адамсон.* Таллинн, 2008. 139 с.

91

СССР и Литва в годы Второй мировой войны: сборник документов / Институт истории Литвы, Институт всеобщей истории Российской академии наук; сост.: *А. Каспаравичюс, Ч. Лауринавичюс, Н. С. Лебедева.* Т. 1: СССР и Литовская Республика (март 1939 – август 1940 г.). Вильнюс: Изд-во Института истории Литвы, 2006. 776 с. С. 26, 28.

История Латвии: XX век // Под ред. И. Фелдманис. Рига, 2005. 173 с.

Создание прошлого в условиях авторитаризма: празднование Дня победы в Эстонии в 1934-1939 годы. «Неприкосновенный запас», 2015. № 3(101). URL: http://magazines.russ.ru/nz/2015/3/17b-pr.html.

Шмитт Ж.-К. Овладение будущим // Диалоги со временем: Память о прошлом в контексте истории // Под ред. Л.П. Репиной. М., 2008. С. 132.

Чубарьян А.О. Фальсификация истории или просто другое мнение. Вторая мировая война: история без купюр // Международная жизнь. Специальный выпуск. 2009. С. 7–15.

Ковальченко И. Д. Методы исторического исследования. М.: Наука, 1987. 440 с.

Брюггеманн К. Создание прошлого в условиях авторитаризма: празднование Дня победы в Эстонии в 1934–1939 годы. «Неприкосновенный запас». 2015, № 3(101). URL: http://magazines.russ.ru/nz/2015/3/17b-pr.html.

О Тартуском мире // Неофициальный перевод меморандума эстонской государственной делегации на переговорах с российской государственной делегацией 7.04.1993 (архив автора).

Россия и Прибалтика – II. Доклад // Совет по внешней и оборонной политике. М.,1999. С. 4.

100

Толочко О.Н. Режим военной оккупации в современном международном гуманитарном праве // Альманах международного права / редкол.: Кивалов С.В. (гл. ред.) и др. Одесса, 2009. С. 187.

Внешняя политика Эстонии. Таллинн. МИД ЭР, 2006. С. 46.

102

1940 год в Эстонии. Документы и материалы. Таллинн, 1989. С. 3.

Лебер Д. Юридические последствия пакта «Молотова – Риббентропа» для Балтийских государств. URL: http://www.hot.ee/russconference/.

Резюме решения Европейского Суда по правам человека и резюме мнений судей по делу «Жданок против Латвии» // Резюме мнения судьи Зупанчича. URL: http://www.zapchel.lv/print.php?page_id=3229&cv_id=&lang=_ru.

Степанов Л. «Оккупация» Прибалтики – вопрос не амбиций, а права на будущее. URL: http://www.newspb.ru/allnews/453633/ (12.12.2006).

Return to the Western World: Cultural and Political Perspectives on the Estonian Post-Communist Transition. Tartu, Tartu University Press, 1997. P. 89.

Mullerson R. The Continuity and Succession of States, by Reference to the Former USSR and Yugoslavia. P. 483.

108

Бронштейн М. Трудные дороги к свободе // Молодежь Эстонии. 17.08.2001.

Петров М. Restitutions ad absurdum. Вехи истории: годовщина «пьяного визита» Бориса Ельцина. URL: http://www.hot.ee/russconference/4-trag/trag-59.html.

Сайт департамента гражданства и миграции Эстонской Республики. URL: http://www.kodanik.ee/vene/ajalugu/.

111

Венская конвенция «О правопреемстве государств в отношении договоров» от 23 августа 1978 г. // Действующее международное право. Т. 1. М., 1996. С. 438.

Клименко Б.М. Проблемы правопреемства на территории бывшего СССР // Московский журнал международного права. № 1 1992. С. 14.

113

Conference on Yugoslavia. Arbitration Commission. 92 International Law Reports (1993), pp. 168.

Мусаев Т. Применение доктрины uti possidetis juris в условиях установления границ новых независимых государств. URL: http://anarazimov.com/content/view/21/2/.

Вахтер Т. Эстония: жаркое лето 1991-го. Таллинн, 2012.

Park, A. Turning-points of post-communist transition: Lessons from the case of Estonia. In: Proceedings of the Estonian Academy of Sciences 44/3. Tallinn: Estonian Academy Publishers, 1995. pp. 323–332.

Кирх А.В. Карта политических сил в Эстонии // Социологические исследования. – № 12. 1990; *Варес П., Осипова О.* Похищение Европы, или Балтийский вопрос в международных отношениях XX века. Таллинн, 1992.

118

Речь идет о Конгрессе граждан и Партии национальной независимости Эстонии, а в дальнейшем – о партии «Союз Отечества и Республики» (Isamaa ja Res Publica Liit) – консервативной политической партии в Эстонии, созданной в 2006 году путем объединения правых оппозиционных партий Исамаалийт «Союз Отечества» и Res Publica. Именно эта партия наряду с Партией реформ Эстонии (Eesti Reformierakond) устойчиво контролирует парламент и правительство с середины 90-х годов прошлого века по настоящее время.

119

Межевич Н.М. Геополитическое положение Эстонской ССР: мифы и реальность // Политическая география и современность. Региональные и прикладные аспекты: Межвузовский сборник научных трудов. Л., 1991. С. 101–109.

120

Рихви Р. IME родили три года назад // Советская Эстония. Таллинн, 28 сентября 1990 г.

Таагапера Р. Вариант будущей Эстонии. «Тридцатилетний план развития II» [1971–1972]. URL: http://www.hot.ee/r/russconference/history/history-14.html.

Григорян Р. Неизвестные страницы «Поющей революции». Анатомия независимости. Тарту – СПб., 2004. С. 159.

Леонов Н.С. Лихолетье. М., 1997.

Горбачев М.С. Жизнь и реформы. Кн. 1. М., 1995. С. 510.

125

Тарасов И. Русский взгляд генерала Леонова (интервью) // Спецназ России. 31 января 2011 г.

Островский А.В. Глупость или измена? Расследование гибели СССР. М., 2011.

127

Курашвили Б.П. Нужен ли народный фронт? // Московские новости. 6 марта 1988 г.

«Поговорим еще».

Григорян Р. Роль и значение национальных меньшинств в восстановлении независимости Эстонии. URL: http://ilja-nikiforov.livejournal.com/75708.html.

Сборник материалов конгресса НФЭ 1–2 окт. 1988 г. Таллинн, 1988. С. 13.

131

Пальм В. К единству многообразия // Тартуский курьер № 1, 1–15 июня 1989 г.

132

Сборник материалов конгресса НФЭ 1–2 окт. 1988 г. Таллинн, 1988. С. 171.

Материалы XIV пленума ЦК КПЭ. Таллинн, 1989.

134

Платформа Объединенного совета трудовых коллективов Эстонской ССР к Пленуму ЦК КПСС по межнациональным отношениям. Таллинн, 1989.

135

Кирх А.В. Карта политических сил в Эстонии // Социологические исследования № 12., 1990. С. 55.

136

Аллик Я. Можно ли доверять Горбачеву? // Политика. – № 9. 1990. С. 5.

137

Бронштейн М.Л. На службе национальных интересов Эстонии в Москве // Анатомия независимости. Тарту – СПб., 2004. С. 200.

Государственный флаг. URL: http://www.peterburg.estemb.ru/pervaja/estonija/gosudarstvo/newwin/aid-374.

Эта позиция встретила серьезное сопротивление не только коммунистов, но и актива НФЭ, справедливо увидевших в этом не только стремление к независимости, но и претензию на руководство движением к этой независимости, а значит, и претензию на политическое руководство государством в дальнейшем.

Середенко С. Русская правда об эстонской конституции. URL: http://www.russkie.org/index.php?module=fullitem&id=23970.

Рийгикогу – Государственный Совет, парламент Эстонской Республики.

Фурман Д.Е. Становление политических организаций в современной Эстонии. М… ИНИОН АН. СССР 1991 С. 7.

Путь к независимости. URL: http://www.estonica.org/.

Портников В. Суверен-коммунизм: 10 лет спустя. URL: http://www.wdi.ru/print.php?art=16977534 (12.07.2001).

145

После обретения государственной независимости бывшими советскими республиками Прибалтики в МИД России предполагали, что их отношения с Россией будут дружественными, взаимовыгодными, добрососедскими. Позиция министра иностранных дел А. Козырева и его первого заместителя Ф. Шелова-Коведяева до начала 1993 года сводилась к демонстрации открытости и готовности к бесконечным компромиссам за российский счет.

Модель, уникальная для постсоветского пространства.

147

О государственной независимости Эстонии // Ведомости Эстонской Республики. № 25 от 21 августа 1991 г.

Ведомости Эстонской Республики. № 40 от 19 октября 1992 г.

149

«Restitutio ad integrum» – восстановление первоначального правового положения в полном объеме.

Воротников В.В. Прибалтийские этнократии между Россией и Европой: поиск консенсуса в условиях экономического кризиса // Вестник МГИМО-Университета. 2013. № 6. С. 26.

Межевич Н.М. О социальных и экономических показателях, применимых для косвенной оценки уровня развитии демократии в контексте мягкой безопасности в регионе Балтийского моря // Публичная политика: вопросы мягкой безопасности в Балтийском регионе / Под ред. *М. Б. Горного*. СПб.: Норма, 2004. С. 148–162.

152

Экономическая модель государств Прибалтики конца 20-х – конца 30-х годов XX века имеет право на упоминание как «классическое» кейнсианство с некоторым синдикалистским уклоном.

Дэли М., Льюис Дж. Концепция социальной поддержки и анализ современных государств благосостояния // Социальная политика: экспертиза, рекомендации, обзоры. № 19. 2014. С. 128.

Федотова В.Г. Модернизация «другой» Европы. Институт философии РАН. М., 1997. – С. 13.

Уайт С. Европейский союз, Восточная Европа и «империализм ценностей» // Европейские проблемы на VIII Конвенте РАМИ // Вестник МГИМО-Университета. Выпуск № 4 (37) / 2014. С. 118.

Румм Х. Аргумент о советских мигрантах в споре о квотах на Еврокомиссию не действует. URL: http://rus.err.ee/v/estonia/5c909cfb-3d92-4fa5-822e-8580d742d7bc (дата обращения 03.06.2015); Кристина Каллас: Не следует путать беженцев с иммигрантами. URL: http://rus.err.ee/v/estonia/6cad0dc5-6e23-4df9-b9fe-3ed443853042 (дата обращения 05.06.2015).

Автор просит не рассматривать указанную цитату как согласие с концепцией «оккупации», лежащей в основе политической и экономической модели государств Прибалтики. С точки зрения автора, правильнее говорить о советизации в конкретном случае советских республик Прибалтики.

Олсон М. Власть и процветание: Перерастая коммунистические и капиталистические диктатуры. М.: Новое издательство, 2012. С. 22.

Экономика Эстонии в 1920–30-х годах URL: http://www.eesti-90.blogspot.com/.

Валге Яак. У денежных кранов Банка Эстонии // Спецвыпуск по истории Эстонии с XVII по XX в. Национальный Архив. Тарту – Таллинн, 2006. С. 125.

161

Агафонов Н.Т, Литовка О.П, Исляев Р.А. Государственная стратегия регионального развития России: смена парадигмы территориальной организации общества. СПб., 1998. С. 39.

Misiunas R. Taagepera R. The Baltic States: Year of dependence 1940–1980. L. 1983. P. 104.

Гареева Н. Э., Шкель С. Н. Теория модернизации и социально-экономические факторы демократизации в контексте политических трансформаций на постсоветском пространстве. URL: http://gisap.eu/ru/teoriya-modernizatsii-i-sotsialno-ekonomicheskie-faktory-demokratizatsii-v-kontekste-politicheskikh (дата обращения 26.04.2015).

Круминьш Г. СССР Латвию потреблял. URL: http://nra.lv/latvija/138988-gatis-krumins-psrs-latviju-patereja.htm (дата обращения 26.04.2015).

165

К союзу суверенных народов. Сборник документов КПСС, законодательных актов, деклараций, обращений и президентских указов, посвященных проблеме национально-государственного суверенитета. Институт теории и истории социализма ЦК КПСС. М., 1991. С. 25.

Межевич Н.М. Геополитическое положение Эстонской ССР: мифы и реальность // Политическая география и современность. Региональные и прикладные аспекты: Л. ЛГУ, 1991.

167

Самонис Вэл. Трансформация литовской экономики: от Москвы к Вильнюсу и от плана к рынку. Варшава, сентябрь 1995 г. С. 3.

Самонис Вэл. Трансформация литовской экономики: от Москвы к Вильнюсу и от плана к рынку. Варшава, сентябрь 1995 г. С. 3.

169

Советская модель экономики: союзный центр и республики Прибалтики. 1953 г. – март 1965 г. М.: Международный фонд «Демократия», 2015.

Актуальные вопросы мировой экономики: 2010–2012. Под общей редакцией Григорьева Л.М., Иващенко А.С. Балтийский форум. 2012. С. 55.

Путь в Европу // Под общ. ред. *И.М. Клямкина* и *Л.Ф. Шевцовой*. М.: Новое издательство, 2008. С. 15.

Актуальные вопросы мировой экономики: 2010–2012. Под общей редакцией *Григорьева Л.М., Иващенко А.С.* Балтийский форум, 2012. С. 53.

Ральф-Мартин Соэ. 2009 год: экономический рост 5,6 %. URL: http://dv.ee/Default2.aspx?
ArticleID = d329f296-517d-452b-8fef-70a83e1d52cb&open = fou (дата обращения 14.07.2014).

Economist: Латвия смогла достичь невозможного. URL: http://rus.delfi.lv/news/daily/business/economist-latviya-smogla-dostich-nevozmozhnogo.d?id=30262511 (дата обращения 01.03.2010).

Именно такой термин употребил российский журнал «Эксперт» в 2001 г., анализируя благоприятную экономическую ситуацию в Прибалтике. См. подробнее: *Денисенков А.* Далеко ли прыгнут балтийские тигры? // Эксперт. № 21 (50). 8 окт. 2001. URL: http://expert.ru/northwest/2001/21/21no-povest5_53001/.

Åslund Anders, Dombrovskis Valdis. How Latvia Came Through the Financial Crisis. Peterson Institute, 2011.

177

Банк: экономика ЭР в грядущем году вырастет на 1,8 %. URL: http://stolitsa.ee/77375 (дата обращения 25.08.2014).

Домбровскис: Прогноз прироста латвийского ВВП, возможно, придется снизить. URL: http://rus.db.lv/ekonomika/makroekonomika/dombrovskis-prognoz-prirosta-latvijskogo-vvp-vozmozhno-pridetsja-snizit-65892 (дата обращения 24 апреля 2015 г.).

179

В 2015 году экономику Латвии ждет стагнация. URL: http://bb.lv/rinki-i-kompanii/item/9160837-v-2015-godu-ekonomiku-latvii-zhdet-stagnatsiya (дата обращения 27.12.2014).

Еврокомиссия: Латвии предстоит бюджетная консолидация в размере 0,3 % от ВВП. URL: http://rus.db.lv/ekonomika/makroekonomika/evrokomissija-latvii-predstoit-bjudzhetnaja-konsolidacija-v-razmere-0-3-proc-ot-vvp-66196 (дата обращения 14 мая 2015 г.)

Неважный год для эстонской экономики. URL: http://dv.ee/novosti/2016/03/11/nevazhnyj-god-dlja-jestonskogj-jekonomiki (11.03.2016).

Экономический рост не оправдал ожиданий. URL: http://www.seb.ee/ru/forum/ekonomicheskaya-sreda/ekonomicheskiy-rost-ne-opravdal-ozhidaniy (12.02.2016).

Государственный бюджет Эстонии на 2016 год. URL: http://dv.ee/novosti/2016/01/04/gosudarstvennyj-bjudzhet-jestonii-na-2016-god?utm_
source = newsletter&utm_medium = email&utm_campaign = Newsletter&utm_term = newsletter&utm_content = newslink (04.01.2016).

Прирост ВВП Латвии в 2015 году составил 2,7 %. URL: http://www.baltic-course.com/rus/_analytics/&doc=117420 (29.02.2016).

185

В 2015 году ВВП Литвы вырос на 1,6 %. URL: http://ru.delfi.lt/news/economy/v-2015-godu-vvp-litvy-vyros-na-16.d?id=70548014 (29.02.2016).

Райнер К. Взлет и падение Балтийских государств. URL: http://europeandcis.undp.org/data/show/6D3DABEF-F203-1EE9-B76AC2297A6967A (дата обращения 06.06.2009).

Eurostat Statistic Explained. (n.d.). *ec.europa.eu.* Retrieved from http://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php/ Innovation_stati stics [in English].

Экс-министр экономики: Латвии понадобится полвека, чтобы догнать ЕС. URL: http://www.gorod.lv/novosti/263989-eks-ministr-ekonomiki-latvii-ponadobitsya-polveka-chtoby-dognat-es (28.12.2015).

189

Украинские владельцы угрожают остановить работу KVV Liepājas metalurgs. URL: http://www.delfi.lv/biznes/bnews/ukrainskie-vladelcy-ugrozhayut-ostanovit-rabotu-kvv-liepajas-metalurgs.d?id=47168491 (10.03.16); KVV Liepājas metalurgs должен перечислить государству почти 3 млн евро. URL: http://www.gorod.lv/novosti/263977-kvv-liepajas-metalurgs-dolzhen-perechislit-gosudarstvu-pochti-3-mln-evro (28.12.2015).

190

Топ-100 самых успешных предприятий Эстонии http://rus.delfi.ee/daily/business/top-100-samyh-uspeshnyh-predpriyatij-estonii?id=65350858.

191

Swedbank шестой год подряд получает титул самого известного крупного предприятия Эстонии. URL: https://www.swedbank.ee/private?language=RUS.

URL: http://top101.lv/lv/top10/baltics-2015.

Ministr ekonomiki: kosmicheskaia industriia – horoshii biznes dlia Latvii. URL: http://www.mixnews.lv/ru/economics/news/2015-05-02/175319 (accessed 02.05.2015); Biznes po vyrashchivaniiu ulitok v Latvii poterpel krakh. URL: http://www.gorod.lv/novosti/256056-biznes-po-vyraschivaniu-ulitok-v-latvii-poterpel-krah (accessed 29.05.2015).

Цилевич Б. Печальная «история успеха». URL: http://www.gorod.lv/novosti/218500-boris-tsilevich-pechalnaya-istoriya-uspeha#ixzz2r31WX83S (21 января 2014 года).

Страутиньш П. Что такое структурные реформы? URL: https://www.swedbank.lv/ru/eksperta_komentari/01.06.09/ дата обращения (01.06.2015).

Цель правительственной коалиции. URL: https://valitsus.ee/ru/meropriyatiya/cel-pravitelstvennoy-koalicii дата обращения (11.12.15).

Вырк А., Каарна Р. Распределение налоговой нагрузки в Эстонии и анализ ее влияния // Praxis Nr 1. / 2010. С. 4.

Отчет о человеческом развитии Эстонии указал на обилие иерархических ловушек. URL: http://rup.ee/rus/novosti/obshchestvo/otchet-o-chelovecheskom-razvitii-estonii-ukazal-na-obilie-ierarkhicheskikh-lovushek (дата обращения 29.05.2015).

199

Чтобы жить в Таллине, нужно минимум 500 евро в месяц. URL: http://dv.ee/novosti/2015/04/27/chtoby-zhit-v-tallinne-nuzhno-minimum-500-evro-v-mesjac (дата обращения 27 апреля 2015).

200

Среди стран Балтии самая высокая брутто-зарплата в Эстонии, самая низкая – в Литве. URL: http://www.delfi.lv/biznes/bnews/sredi-stran-baltii-samaya-vysokaya-brutto-zarplata-v-estonii-samaya-nizkaya-v-litve.d?id=46029481 (дата обращения 28.05.2015).

201

Уилан, К., Мэтр, Б. Тип государства благосостояния и различия социальных классов по уровню бедности и экономической уязвимости в Европе // Социальная политика: экспертиза, рекомендации, обзоры. № 15. 2011. С. 193–216.

Bloomberg: экспорт стран Балтии в Россию уменьшится в этом году на 18–25 %. URL: http://www.freecity.lv/biznes/19629/ (дата обращения 23.02.2015).

203

Экспорт литовских продуктов в РФ составлял почти 2 млрд литов. URL: http://ru.delfi.lt/news/economy/eksport-litovskih-produktov-v-rf-sostavlyal-pochti-2-mlrd-litov.d?id=65501216#ixzz3c6CElsoC (дата обращения 07.08.2014).

Северная Европа: внешнеполитическая дилемма // Россия и мир: 2015. Экономика и внешняя политика. Ежегодный прогноз / Рук. проекта – А.А. Дынкин, В.Г. Барановский. М.: ИМЭМО РАН, 2014. С. 134.

Экспорт товаров постоянно снижается. URL: http://dv.ee/novosti/2016/02/13/jeksport-tovarov-postojanno-snizhaetsja (13.02.2016).

Торговля Эстонии летит в пропасть. URL: http://dv.ee/novosti/2016/02/09/torgovlja-jestonii-letit-v-propast (09.02.2016).

207

В Прибалтике четверть предприятий готова давать взятку. URL: http://www.newsbalt.ru/detail/?ID=340 (7.06.2011).

Объем теневой экономики в Латвии не уменьшается. URL: http://www.chamber.lv/ru/jaunumi/
obem_tenevoi_ekonomiki_v_latvii_ne_ umenjsaetsj-340.

Где бизнес, там и коррупция. URL: http://dv.ee/novosti/2016/01/26/gde-biznes-tam-i-korrupcija?utm_source=newsletter&utm_medium=email&utm_campaign=Newsletter&newslink (26.01.2016).

Бесконечные командировки, экспертизы, изыскания, анализы, согласования, консультации, семинары, форумы, фуршеты и банкеты. Причем после очередного коммерческого провала, во время которого часть денег успевают “распилить”, следуют заверения, как правило, из уст министра энергетики: приобретен опыт, который на следующем этапе поможет избежать ошибок и даст неоспоримые плюсы – в общем, “чтобы провал не слишком проваливался”». Коррумпированная Прибалтика: Бриллианты власти, самый дорогой мост в мире и «скучная» Эстония. URL: http://www.regnum.ru/news/1406809.html (20.05.2011).

211

Обзор литовских газет. Вильнюс, 30 октября (ЭЛЬТА). URL: http://www.leta.lv/rus/news/baltics/1332CD69-70DE-CF33-7799-AC8414939868/.

Коррупция в Литве непобедима. URL: http://news.tts.lt/?r=bootstrap%2Farticle§ion_id=4&article_id=3166 (23 сентября 2008 г.).

213

Правительство Литвы и NDX energija пошли на мировую и подписали договор о ликвидации Leo LT. URL: http://www.nedelia.lt/news-lt/14377-leo-lt-uxodit-v-proshloe.html (4 декабря 2009 г.).

Lapienytė Jurgita: Три премьера – три атомных плана: потрачены миллионы, но строительство АЭС еще не началось. URL: http://www.15min.lt/ru/article/ekonomika/tri-premera-tri-atomnyh-plana-potracheny-milliony-no-stroitelstvo-aes-eshche-ne-nachalos-505-379848?cf = df.

215

Редкое исключение: президент: Латвия даже на свое председательство в ЕС тратит вдесятеро больше других. URL: http://rus.db.lv/nachalo/vse-novosti/prezident-latvija-dazhe-na-svoe-predsedatel-stvo-v-es-tratit-vdesjatero-bol-she-drugih-56091 (Rus.db.lv, 7 ноября 2013 г. 10:39).

216

Госконтроль обнаружил ряд нарушений в работе Рижского свободного порта. URL: http://bnn-news.ru/goskontrol-obnaruzhil-ryad-narusheniy-v-rabote-rizhskogo-svobodnogo-porta-82826 (18 февраль 2013 года).

Чичинскас Йонас. Литва. Бюджет ЕС на 2014–2020 гг.: Взгляд из европейских столиц М.: ИЕ РАН, 2013. С. 27.

Эксперт: Среди стран Балтии нет абсолютного лидера по освоению еврофондов. URL: http://bnn-news.ru/ekspert-sredi-stran-baltii-net-absolyutnogo-lidera-po-osvoeniyu-evrofondov-84672 (дата обращения 03.06.2015).

Хольмгаард Андерсен Руне. Эстония // Bulletin on European and CIS Studies EU Budget 2014–2020: Views from across Europe after 7–8 February 2013. М.: Институт Европы РАН, 2013. С. 13.

See, e.g., Estonian Government press release ‘Peaminister Ansip osaleb Euroopa Ülemkogu kohtumisel’ (February 6, 2012, in Estonian). URL: http://valitsus.ee/et/uudised/74044/peaminister-ansip-osaleb-euroopa-%C3%BClemkogu-kohtumisel (дата обращения 01.06.2015).

Варблане: Для нас государство – клуб миллиардеров. URL: http://rus.postimees.ee/1173604/varblane-dlja-nas-gosudarstvo-klub-milliarderov (дата обращения 19.03.2013).

Гечев Р. Институциональные рамки устойчивого развития в Восточной Европе // *Олейник А., Гаман-Голутвина О.* Административные реформы в контексте властных отношений. М.: Росспэн, 2008. С. 211.

Сависаар Э. Правда об Эстонии. Т.1. Таллин, 2012. С. 426.

Вудрафф Дэвид М. Власть и процветание: перерастание коммунистических и капиталистических диктатур // Конституционное право: Восточноевропейское обозрение. № 2 (35), 2001. С. 216.

Special Eurobarometer 379. Future of Europe. Report / TNS Opinion & Social. 2012, April. URL: http://ec.europa.eu/public_opinion/archives/ebs/ebs_379_en.pdf p. 23–25 (дата обращения 05.06.2015).

Валге Яак. У денежных кранов Банка Эстонии // Спецвыпуск по истории Эстонии с 17 по 20 век. Национальный архив. Тарту – Таллинн 2006. С. 125.

Симиндей В.В. «Латвийский узел» Балтийского транзита // Мировая экономика и международные отношения. № 4 2001. С. 112.

Берзиньш: Без стремительного развития Латвию ожидает мрачное будущее. URL: http://rus.db.lv/nachalo/politika/berzin-sh-bez-stremitel-no-razvitija-latviju-ozhidaet-mrachnoe-buduschee-66231 (дата обращения 15.05.2015).

Пиебалгс: От идеи моста между Западом и Востоком надо отказаться. URL: http://rus.delfi.lv/news/daily/latvia/piebalgs-ot-idei-mosta-mezhdu-zapadom-i-vostokom-nado-otkazatsya.d?id=45839323 (дата обращения 19.04.2015).

230

Кудряшов Н., Нечай А. Транзитный потенциал: сущность, факторы реализации, подход к оценке // Журнал международного права и международных отношений. № 3. – 2012. С. 94.

Андреев В.В. Экономическая ситуация в государствах Балтии и внешняя торговля России с этими странами. М.: ИПР РАН, 2005. С. 3.

232

Бронштейн М. Латыши оказались мудрее нас // Бизнес & Балтия. – № 113 (3236) от 15 июня 2007 г.

Козлов О. Особенности внешнеторговых связей стран Балтии и России (1991–2012 гг.) – Власть. – № 3. 2014. С. 122.

Четырехмесячный грузооборот портов стран Балтии уменьшился на 6,4 %. URL: http://rup.ee/rus/novosti/ekonomika-i-biznes/chetyrekhmesiachnyi-gruzooborot-portov-stran-baltii-umenshilsia-na-6-4 (дата обращения 09.06.2015).

235

Оценка крупных инфраструктурных проектов. Задачи и решения. Разработки в рамках проектов ЦСР. М., 2013.

Cowen D., Smith N. After Geopolitics? From the Geopolitical Social to Geoeconomics // Antipode. Vol. 41, No. 1, 2009. P. 33.

Симонова Т. Обзор грузооборота морских портов России. Итоги 2015 года. URL: http://www.rzd-partner.ru/news/morskoi-transport/obzor-gruzoobo-rota-morskikh-portov-rossii-itogi-2015-goda/ (13.01.2016).

Межевич Н.М. Внешнеполитические аспекты национальной безопасности России и проблемы российского транзита на Балтике // Вестник СПбГУ, сер. 6., вып. 3, 1999. С. 38.

Куркин К. На Балтике обостряется конкуренция. URL: http://expert.ru/northwest/2016/06/baltijskij-tyanitolkaj/ (08.02.2016).

Карпов А.В. Безопасность морских перевозок: экономический и военный аспекты // Военная мысль. – № 1. 1999. С. 45.

241

Грузооборот морских портов России в 2015 году вырос на 5,7 % – до 676,7 млн т. URL: http://portnews.ru/news/213055/ (18.01.2016).

Гжибовская Н. В. Роль транзита в экономике Латвии // Балтийский регион. – № 2 (16). 2013. С. 43.

243

LDz стабильно держится в Топ-3 наиболее ценных предприятий Латвии. URL: http://www.ldz.lv/?object_id=5408 (2013.10.17).

Объемы грузовых железнодорожных перевозок в Эстонии снизились на 26,6 % в 2015 году. URL: http://www.rzd-partner.ru/news/zheleznodorozhnye-gruzoperevozki/obemy-gruzovykh-zheleznodorozhnykh-perevozok-v-iestonii-snizilis-na-26-6-v-2015-godu/ (21.01.2016).

245

В секторе транзита все плохо. URL: http://dv.ee/novosti/2016/01/15/v-sektore-tranzita-vsjo-ploho (15.01.2016).

Порт Силламяэ: Эстонии следует заняться проектом Шелкового пути. URL: http://www.baltic-course.com/rus/transport/?doc=111838 (19.10.2015).

247

Поезд ушел: для Прибалтики нет места в проекте «Нового Шелкового пути» (14.10.2015).

Павук О. Будущее портов Балтийского моря зависит от России. URL: http://www.baltic-course.com/rus/transport/?doc=110239 (04.09.2015).

Махлин Е.М., Яцков В.С. Проект «Rail Baltica» – концепция реализации – Экономика железных дорог. № 5 2010. URL: http://www.mcfr.ru/journals/203/1156/20331/20345/.

Премьер: Проект «Rail Baltica – 2» – долгосрочный // ИА «15 минут LT (RU)». URL: http://www.15min.lt/ru/article/ekonomika/premer-proekt-rail-baltica-2-dolgosroch-nyj–505-383526#ixzz2k4faIU9W (дата обращения: 08.11.2013).

251

В странах Балтии появится скоростная железная дорога. URL: http://dv.ee/novosti/2015/11/24/v-stranah-baltii-pojavitsja-skorostnaja-zheleznaja-doroga (24.11.2015).

Страуюма: Проект «Rail Baltica» важен даже без экономической выгоды. URL: http://www.delfi.lv/biznes/bizopinion/strauyuma-proekt-rail-baltica-vazhen-dazhe-bez-ekonomicheskoj-vygody.d?id=45308068#ixzz3P TYXrAoc (07.12.2014).

«Старая Европа» за счет «Новой Европы»: бюджет ЕС сократили впервые за 56 лет. URL: http://www.regnum.ru/news/polit/1623294.html#ixzz2nvPnAY7F (дата обращения: 09.02.2013).

Между Таллином и Хельсинки построят туннель. URL: http://dv.ee/novosti/2016/01/06/no-title?utm_source=newsletter&utm_medium=email&utm_campaign=Newsletter&utm_term=newsletter&utm_content=newslink (06.01.2016).

Rail Baltica: строительство начнется через 2 года. URL: http://rus.db.lv/ekonomika/transport/rail-baltica-stroitel-stvo-nachnetsja-cherez-2-goda-71110 (15.02.2016).

Лембергс: Rail Baltica подобна советскому проекту поворота сибирских рек. URL: http://www.delfi.lv/biznes/bizopinion/lembergs-rail-baltica-podobna-sovetskomu-proektu-povorota-sibirskih-rek.d?id=47135273 (02.03.2016).

Эстонский эксперт: спрос на российский газ в Прибалтике расти не будет. URL: http://www.baltic-course.com/rus/energy/?doc=78054 (22.07.2013).

Межевич Н.М., Черняк С.Я. Энергетические аспекты экономической дипломатии Российской Федерации: проблемы и перспективы балтийского направления. СПбГУ. СПб., 2008. С. 16.

Энергетическая дипломатия России. URL: http://www.mid.ru/bdomp/ns-dipecon.nsf/466c59993f439bf843256a0c003fb8c4/8bc9fec539eaca72c3257
OpenDocument (дата обращения 21.04.2013).

Hitachi должно будет принадлежать 20 %, Литве – 38 %, Эстонии – 22 %, Латвии – 20 % акций новой АЭС, проект экономически окупится. URL: http://www.kurier.lt/?p=17588 (23.03.2013).

261

Литва: подготовительные работы для АЭС «подорожали» вдвое. URL: http://ukrenergy.dp.ua/2013/03/20/litva-podgotovitelnye-raboty-dlya-aes-podorozhali-vdvoe.html.

Mahņitko, A., Varfolomejeva, R. Развитие энергетического комплекса стран Балтии. No: Proceedings of International Conference «Energy of Moldova – 2012. Regional Aspects of Development», Moldova, Chisinau, 4-6 oktobris, 2012. Chisinau: Typography of Moldova Academy of Sciences, 2012. C. 529.

Lapienytė Jurgita. Три премьера – три атомных плана: потрачены миллионы, но строительство АЭС еще не началось. URL: http://www.15min.lt/ru/article/ekonomika/tri-premera-tri-atomnyh-plana-potracheny-milliony-no-stroitelstvo-aes-eshche-ne-nachalos-505-379848?cf = df.

Дело о взятках в Latvenergo: прокурор требует тюремных сроков для обвиняемых. URL: http://www.mixnews.lv/ru/economics/news/2015-08-27/183339 (27.08.2015).

Филипп Бушина, чешский эксперт и владелец консалтинговой компании отмечает: http://www.filipbusina.cz/dokumenty/pedagogicka_cinnost/18.%D0%BF%D1%80%D0%B8%D0%B1%D0%B0%D0%BB%D1%82%D0%B8%D0%BA%D0%B0-%D0%A4%D0%9F.pdf.

Dudzinska Kinga Energy Policy in the Baltic States – United or Separate? PISM Policy Paper No. 37, Warszawa, September 2012.

Неверович: Продолжение проекта ВАЭС возможно только при трех условиях. URL: http://www.baltic-course.com/rus/energy/&doc=73927 (БК, Вильнюс, 25.04.2013).

Марпуу М. Eesti Energia: приближается завершение проекта в Висагинасе. URL: http://www.15min.lt/ru/article/sosedi/eesti-energia-priblizhaetsja-zavershenie-proekta-v-visaginase-507-338181#ixzz2UZMQtnAg (23.05.2013).

Кубилюс: Позиция Литвы, которая не одобряла строительство АЭС в Калининграде, оправдала себя. URL: http://www.15min.lt/ru/article/vesti/kubiljus-pozitsija-litvy-kotoraja-ne-odobrjala-stroitelstvo-aes-v-kaliningrade-opravdala-sebja-504-339198#ixzz2UZOdUfFN.

Вайда П. Грибаускайте: Мы сами стабилизировали экономическую и финансовую ситуацию в Литве. URL: http://www.baltic-course.com/rus/analytics/?doc=76138 (10.06.2013).

Премьер: Литва не присоединится к строительству Балтийской АЭС. URL: http://ru.delfi.lt/news/politics/premer-litva-ne-prisoedinitsya-k-stroitelstvu-baltijskoj-aes.d?id=60884581#ixzz2NLBBKijb (12.03.2013).

Литва приостанавливает работу над проектом Висагинской АЭС. URL: http://www.atomic-energy.ru/news/2016/01/20/62646 (20.01.2016).

«Литовцы серьезно нервничают. Успокойте нас!» Интервью с министром энергетики Литвы о БелАЭС. URL: http://news.tut.by/politics/483795.html (08.02.2016).

Эстония поддерживает отказ от покупки электроэнергии у АЭС России и Белоруссии. URL: http://rus.delfi.ee/daily/business/estoniya-podderzhivaet-otkaz-ot-pokupki-elektroenergii-u-aes-rossii-i-belorussii?id=7338 1061 (08.02.2016).

Грибаускайте об энергонезависимости: Литве осталось продержаться пару лет. URL: http://ru.delfi.lt/news/politics/gribauskajte-ob-energonezavisimosti-litve-ostalos-proderzhatsya-paru-let.d?id=61659973 (18.06.2013).

Электросмычку «LitPolLink» в Польше построит консорциум IDS-Bud и Enprom. URL: http://www.15min.lt/ru/article/ekonomika/elektrosmychku-litpol-link-v-polshe-postroit-konsortsium-ids-bud-i-enprom-505-358 408 (02.08.2013).

Компании Литвы и Польши исследуют возможность прокладки «LitPolLink2». URL: http://www.15min.lt/ru/article/ekonomika/kompanii-litvy-i-polshi-issledujut-vozmozhnost-prokladki-litpol-link-2-505-382391#ixzz2k4iDGpjd (05.10.2013).

Селиверстов С.С. Трансграничное сотрудничество России и ЕС в сфере электроэнергетики: ключевые направления и перспективы // Совместная конференция ЕВРЭЛЕКТРИК и ЭЭС СНГ. 31 октября 2012 г., Брюссель.

Янчис В. Литва: в шаге от энергетической независимости от России? URL: http://www.dw.com/ (29.12.2015).

Рекеда С. Остров невезения. Прибалтика купит энергетическую независимость втридорога. URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=7054#top-content (23.12.2015).

281

Премьер-министры стран Балтии поддержали «энергетическое отделение» от России и Белоруссии. URL: http://www.gorod.lv/novosti/263535-premer-ministry-stran-baltii-podderzhali-energeticheskoe-otdelenie-ot-rossii-i-belorussii (14.12.2015).

Шульга И. Реформирование электроэнергетики стран Балтии // Энергорынок. № 4 2005. URL: http://www.e-m.ru/archive/articleser.asp?aid=5215.

283

Буткявичюс удивлен заявлением президента Эстонии об АЭС. URL: http://ru.delfi.lt/news/politics/butkyavichyus-udivlen-zayavleniem-prezidenta-estonii-ob-aes.d?id=60103417.

Тарасов А.В. Современное состояние и перспективы развития ядерной энергетики в регионе Балтийского моря. URL: http://www.polar.mephi.ru/ru/conf/2005/1_ekonomika/1_tarasov.html.

Атомный эксперт. № 6–7 (15–16), июль 2013 г. С. 43.

Общая электросеть с Россией создает напряжение в Прибалтике. URL: http://inotv.rt.com/2012-12-15/Obshhaya-elektroset-s-Rossiej-sozdaet (2.01.2013).

В Калининграде не было сбоев во время общебалтийского энергоэксперимента. URL: http://www.brcinfo.ru:8081/news/new.php?id=926 (08.05.2002).

Вильнюс обеспокоен возможным отключением стран Балтии от объединения энергосистем. URL: http://balticreporter.com/business/energetika-business/05082012-1325 (03.12.2013).

Совместная работа энергосистем России и стран Балтии в синхронном режиме. URL: http://minenergo.gov.ru/co-operation/russia_eu/russia_baltia/.

Общая электросеть с Россией создает напряжение в Прибалтике. URL: http://inotv.rt.com/2012-12-15/Obshhaya-elektroset-s-Rossiej-sozdaet (02.01.2013).

291

Путин В.В. Интервью итальянской газете Il Corriere della Sera. URL: http://kremlin.ru/events/president/news/49629(06.06.2015).

Студнева Е. Россия и Финляндия – пример добрососедства. URL: http://interaffairs.ru/read.php?item=8701 (21.08.2012).

Нарышкин встретился в Хельсинки с президентом и премьером Финляндии. URL: http://rus.ruvr.ru/2013_04_03/Narishkin-Rossijsko-finskoe-soglashenie-o-sotrudnichestve-v-atomnoj-sfere-mozhet-bit-podpisano-do-konca-goda/ (05.04.2013).

Атомный эксперт. № 6–7 (15–16), июль 2013 г. С. 43.

Шульга И. Реформирование электроэнергетики стран Балтии // Энергорынок. – № 4. 2005. URL: http://www.e-m.ru/archive/articleser.asp?aid=5215.

Региональные рынки электроэнергии в странах ДЭХ. Секретариат Энергетической Хартии. Брюссель, 2003. С. 3.

Романова Т. Энергетические связи России и Евросоюза: проблемы и перспективы. URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=1492&from=mar1rus#top (дата обращения 01.04.2013).

Шишелина Л. Европейский выбор государств Балтии: предварительные итоги // Россия и новые государства Евразии. 2009. № 3. С. 50–60.

299

Возродится ли Союз? Будущее постсоветского пространства. Доклад // Совет по внешней и оборонной политике СВОП. М.: Изд-во «Независимая газета», 1995. С. 32.

Балтия – трансъевропейский коридор в XXI веке Доклад. // Совет по внешней и оборонной политике. М., 2000. С. 28.

Рябов А. Распадающаяся общность или целостный регион? // Pro et Contra (май – август 2011 г.).

302

Григорян В., Григорян С. Россия и постсоветское пространство. В чем заключаются проблемы интеграции стран бывшего Советского Союза? // per Concordiam. Журнал по проблемам безопасности и обороны Европы. Том 1. Номер 2. Июнь 2010. г. С. 39.

Белковский С., Карев Р. СССР – будущее России // Постсоветское пространство: модель для сборки // Стратегический журнал. № 1, 2005. С. 4.

Шепетис Н. Отсутствующая «национальная история» Литвы // Национальные истории на постсоветском пространстве Под ред. Ф. Бомсдорфа, Г. Бордюгова. М.: Фонд Фридриха Науманна, АИРО-XXI, 2009. С. 165.

Фурман Д.Е. О будущем «постсоветского пространства» // Свободная мысль. 1996. № 6. С. 38.

Мюллерсон Р. Национальные интересы, идеология и историческая одержимость во внешней политике // Политические элиты в старых и новых демократиях. Калининград: Издательство БФУ им И. Канта, 2012. С. 249.

Венцлова Томас: Зацикленность политиков на истории – вранье. URL: http://www.freecity.lv/persona/43/ (23.10.2012).

Экс-министр экономики: Латвии понадобится полвека, чтобы догнать ЕС. URL: http://www.gorod.lv/novosti/263989-eks-ministr-ekonomiki-latvii-ponadobitsya-polveka-chtoby-dognat-es (28.12.2015).

309

Украинские владельцы угрожают остановить работу KVV Liepājas metalurgs. URL: http://www.delfi.lv/biznes/bnews/ukrainskie-vladelcy-ugrozhayut-ostanovit-rabotu-kvv-liepajas-metalurgs.d?id=47168491 (10.03.2016); KVV Liepājas metalurgs должен перечислить государству почти 3 млн евро. URL: http://www.gorod.lv/novosti/263977-kvv-liepajas-metalurgs-dolzhen-perechislit-gosudarstvu-pochti-3-mln-evro (28.12.2015).

Лиепниекс: Латыши не считают русскоязычных «полноценными». URL: http://vesti.lv/news/liepnieks-latyshi-ne-schitayut-russkoyazychnyh-grazhdan-polnocennymi (24.01.2016).

«Согласие»: из Латвии хотят сделать полицейское государство. URL: http://www.freecity.lv/politika/30581/ (10.03.2016).

Александер Дж. Культурная травма и коллективная идентичность // Социологический журнал. 2012. № 3. С. 7.

Штомпка П. Социальное изменение как травма // Социологические исследования. 2001. № 1. С. 6–17.; *Штомпка П.* Культурная травма в посткоммунистическом обществе (статья вторая) // Социологические исследования. 2001. № 2. С. 3–12.

Аарелайд-Тарт А. Теория культурной травмы (опыт Эстонии). Социологические исследования. 2004. № 10. С. 63–71.

315

Тюрьма народов? Да, но у нас самая лучшая камера. Из этой же серии анекдот про баскетбольную команду из Улан-Удэ, попросившую политического убежища в отделении милиции в Тарту.

Караганов С. Часть российских элит – в прострации, а часть хочет, чтобы все рухнуло. URL: http://www.globalaffairs.ru/pubcol/Sergei-Karaganov-Chast-rossiiskikh-elit-v-prostratcii-a-chast-khochet-chtoby-vse-rukhnulo-18014 (1 марта 2016 г.).

Марк Леонард. Взаимосвязь как оружие // Россия в глобальном мире. № 2, 2016 г. URL: http://www.globalaffairs.ru/number/Vzaimosvyaz-kak-oruzhie-18024.

318

Проводы в последний путь деятелей культуры советской эпохи в Прибалтике носят невысказанный подтекст. Уходит не только актер, режиссер, композитор, но и человек, потенциал которого никогда не реализовался бы в Прибалтике 1.0 и Прибалтике 2.0. То, что Георг Отс был советским эстонцем – плохо, но благодаря нему об Эстонии знали 300 миллионов. Или в Литве: мы рассказываем о том, что советский кинематограф был ужасен, но что делать с оценкой творчества Баниониса, Масюлиса, Адомайтиса, Будрайтиса? Особенно для тех, кто старше 45 лет и кто не уехал в Ирландию. И это в условиях, когда нового литовского узнаваемого кинематографа просто нет.

Snyder J. An Introduction to Trauma and Politics: Victimhood, Regret, and Healing // Amalgam. September. 2008. № 2 (1). P. 19–20.

Smelser N. J. (2004). Psychological trauma and cultural trauma // *Alexander J. C., Eyerman R., Giesen B., Smelser N. J., Sztompka P.* Cultural trauma and collective identity. Berkeley: University of California Press. P. 38.

321

Айерман Рон. Социальная теория и травма // Социологическое обозрение. Т. 12. № 1. 2013 С. 125.

Лиепниекс: Латыши не считают русскоязычных «полноценными» URL: http://vesti.lv/news/liepnieks-latyshi-ne-schitayut-russkoyazychnyh-grazhdan-polnocennymi (24.01.2016 г.).

323

Хартия 12 за последний месяц собрала в свою поддержку всего 200 подписей. URL: http://rus.delfi.ee/daily/estonia/hartiya-12-za-poslednij-mesyac-sobrala-v-svoyu-podderzhku-vsego-200-podpisej.d?id=65469076 (30. декабрь 2012 г.).

324

«Согласие»: из Латвии хотят сделать полицейское государство http://www.freecity.lv/politika/30581/10.03.2016

Тишков В. Идентичность и культурные границы // Идентичность и конфликт в постсоветских государствах. М.: Моск. Центр Карнеги, 1997. С. 37.

Макарычев А.С. Идентичность государства – реалии и перспективы трансформации. URL: http://antropotok.archipelag.ru/text/a126.htm.

327

Соколов В. Почему Таллин стремится на Запа // НГ Дипкурьер д № 10 (30). 21 июня 2001 г.

Lauristin M., Vihalemm P. Return to the Western World: Cultural and Political Perspectives on the Estonian Post-Communist Transition. Tartu // Tartu University Press. 1997 P. 162.

Гофман И. Стигма: Заметки об управлении испорченной идентичностью // Русский социологический форум. 2000. № 1–4. URL: http://www.sociology.ru/forum/og l3-4-2000.html.

Вирккунен Й., Лишканен И. Политическое конструирование идентичности в Эстонии // Центр независимых социологических исследований http://www.indepsocres.spb.ru/virkun_r.htm.

331

Крупников П.Я. Политика германского империализма в Прибалтике в начале XX в. // Исследования по истории германского империализма начала XX века. М., 1987. С. 219.